

АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

О. С. Иоффе
**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

ТОМ IV

Олимпиад Соломонович Иоффе
Избранные труды. Том IV
Серия «Антология юридической науки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11155966
Избранные труды. Том IV: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-94201-560-2, 5-94201-234-2

Аннотация

Открывая четвертый том, читатель получает уникальную возможность познакомиться с «поздним» Иоффе, трудами, созданными Олимпиадом Соломоновичем в США в период с конца 1990-х по 2005 год, в России работы публикуются впервые.

Данный том также содержит ряд статей, вышедших в 50–70-е годы XX века и уже давно ставших юридической классикой.

Для студентов, преподавателей юридических вузов, специалистов в области частного права, теории и истории государства и права, а также для всех интересующихся проблемами права.

Содержание

Последние годы жизни и творчества О. С. Иоффе	5
Воспоминания об О. С. Иоффе	8
Предисловие	10
Краткая характеристика последних работ Олимпиада Соломоновича	12
Иоффе – штрихи к портрету	18
К вопросу «О культуре питания»	19
Спорные вопросы учения о правоотношении[18]	21
1	21
2	23
3	33
4	39
5	46
Юридические нормы и человеческие поступки[105]	54
1	54
2	59
3	73
4	78
Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права[138]	82
Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства[148]	91
Вина и ответственность по советскому праву[180]	103
Что такое ответственность?	105
Возможна ли ответственность без вины?	110
Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права)[203]	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Олимпиад Соломонович Иоффе

Избранные труды. Том IV

© Наследники, 2009

© И. П. Грешников, предисловие, составление, 2009

© А. Г. Диденко, А. Г. Потюков, вступ. статья, 2009

© Д. М. Коротков, перевод, 2009

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009

* * *

Последние годы жизни и творчества О. С. Иоффе

Я расскажу о некоторых фактах последних десяти лет жизни Олимпиада Соломоновича Иоффе. В чем-то я повторяюсь, поскольку об отдельных эпизодах я уже писал в предисловиях к его работам.

Классик правовой мысли, отметив свой 75-летний юбилей, принял твердое решение прекратить научную деятельность. Но, к счастью, под влиянием друзей эта решимость вскоре улетучилась. Все его работы после этой даты опубликованы в Казахстане, в основном в выпусках сборника «Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика». Темп подготовки статей О. С. Иоффе был настолько высок, что, подгоняя каждый выпуск под готовность его статей, за один год было издано 5 выпусков, хотя до этого предполагалось, что в результате больших усилий ежегодно можно выпустить от силы 2–3 номера. Быстрота публикаций в Алма-Ате приводила его в восхищение.

Издание работ этого автора было непростым делом. О. С. Иоффе представлял работы в рукописном виде, написанные весьма трудным почерком. Мы перепечатывали рукопись и посылали в США на сверку. После корректуры процесс повторялся. Времени это занимало много, однако результат себя полностью оправдал.

Любопытно взглянуть на то, как возникали замыслы отдельных работ. Несколько лет назад я заехал к О. С. Иоффе и жил в соседней квартире, которую он снял для меня. Утром я приходил к нему, и он приступал к размышлениям о праве, политике, экономике постсоветского периода. Разумеется, в разговорах присутствовали какие-то мелкие бытовые вещи. Зашел разговор о плохой американской еде, и он с ностальгией вспомнил, что когда мог самостоятельно водить машину, то часто в одном хартфордском русском магазине покупал селедку и настоящий черный хлеб. Я решил доставить ему удовольствие, выяснил, где находится этот магазин, вызвал такси и поехал за селедкой. Надо сказать, что дом гостинично-санаторного типа для достаточно состоятельных пенсионеров, где проживал Олимпиад Соломонович с супругой Евгенией Лазаревной и домработницей Барбарой, расположен в лесу, весьма далеко от города и от каких-то других жилых массивов, поэтому кататься пришлось долго. Путь к нужному магазину был указан мне неточно, негр-таксист с удивлением взирал на пассажира, которого не устраивала голландская и норвежская селедка и упрямо, почти 3 часа, ищущего какую-то особую русскую селедку. Наконец, кто-то указал на якобы русский магазин. Я без надежды зашел туда и спросил, есть ли у них селедка из России. В ответ услышал: «А вы будете брать»? Ответ говорил сам за себя: я нахожусь в нужном месте. И вот с набором всех мыслимых видов селедок (скажу прямо – наша была самая вкусная), черным хлебом, луком и картошкой я появился у Иоффе. Нужно было видеть его детскую радость. Мы отказались от ресторанного обеда. Барбара быстро соорудила соответствующий стол. Я воспользовался приподнятым настроением Олимпиада Соломоновича, усиленного казахстанским коньяком (Олимпиад Соломонович имел сложную теорию о пользе коньяка при диабете, которым он страдал, и излагал преимущества этого способа лечения, бросая при этом поучительные взоры на строгих жену и домработницу, до сознания которых эти очевидные преимущества никак не доходили), и стал расспрашивать его о людях, окружавших его на протяжении долгой жизни. О. С. Иоффе рассказал о многих известных ученых, давая им развернутые характеристики, с оценкой их сильных и слабых сторон, иногда сопровождая тонкими характеристиками личных особенностей. Это были захватывающие рассказы, сродни портретным зарисовкам таких мастеров, как историк академик Е. Тарле или литературовед профессор И. Андронников. Я попросил его написать воспоминания, но вначале согласия не получил, и лишь после многократных последующих настояний согласие было получено. Так появилась работа «Мои учителя». Результат полу-

чился очень интересный, но, все же, на мой взгляд, проигрывающий в сравнении с устными рассказами за счет почти полного исключения критических оценок научной специфики творчества героев этих рассказов и упоминания о вполне невинных или извиняемых их человеческих недостатках.

Когда Олимпиад Соломонович работал профессором в Хартфорде, я попал к нему на лекцию по римскому праву, после которой во время прогулки он поделился мыслями об особенностях профессорской работы в США, трудностях, с которыми он столкнулся, начав преподавать в Америке. Основной сложностью был язык. Английская разговорная практика была мала. Идя на лекцию пешком, приходилось всю дорогу прокручивать в памяти текст предстоящей лекции. Во время лекции в вузах США принято задавать вопросы, и это была другая трудность. Вопросы задавались в самой непринужденной форме: сокращенные, в которых для коренного американца отсутствующие части подразумевались, с использованием необычных идиом, с разной дикцией и акцентом. Понять вопрошающего было нелегко, а часто переспрашивать – неловко.

Еще одна вещь вызывала поначалу, по признанию Иоффе, у него дискомфорт. Это выставление в конце года студентами оценки работы преподавателя. Оценки Иоффе были высокими, но обязательно находились один-два студента, которые оценивали его лекции низко. Возможно, причиной этого был несовершенный английский язык или другие обстоятельства. Помню, как во время захвата «Норд-Оста» мы с женой были в Лондоне и какой-то весьма по виду приличный англичанин средних лет, услышав русскую речь, смотрел на нас с нескрываемой ненавистью, его не сильно успокоило и то, что мы из Казахстана. Он оказался бывшим морским офицером с твердым убеждением, что из России может приходить только зло. Так что угадать, какие твои особенности могут не прийтись кому-то по вкусу, заранее предвидеть нельзя.

Одну из характерных черт американского юридического образования О. С. Иоффе видел в его ярко выраженной прикладной направленности. То, что у нас является предметом теории права и гражданского права, в юридических школах США либо вообще не изучается, либо остается в тени. Поэтому такие вопросы, как деление норм на диспозитивные и императивные, виды правоотношений, категория причинной связи, предмет и метод правового регулирования и т. п. в учебном процессе не затрагиваются. В то же время, когда О. С. Иоффе, после годовичного преподавания в Гарвардском университете, прибыл в Хартфорд, декан юрфака, узнав, что О. С. Иоффе вел в Ленинграде курс римского частного права, предложил ему, наряду с другими предметами, читать и этот курс. Этот предмет мог читаться только по выбору студентов. «Но кто запишется на него?» – спросил О. С. Иоффе. «Это уже не Ваша забота», – ответил декан. Так, на протяжении нескольких лет студенты этой юридической школы слушали римское право. Благодаря этому ежегодный рейтинг школы, по мнению руководства, поднялся среди юридических школ США на несколько ступенек.

Интересно было наблюдать за мыслительным процессом этого крупнейшего ученого. На его примере я все больше убеждался, что пушкинские строки относятся не только к поэтическому, но к любому творчеству: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» И в самом деле, обсуждая повседневные события, делясь воспоминаниями, он в чем-то ошибался, где-то был наивен, но лишь речь заходила о научных вещах, фразы становились четкими, позиция ясной, высоты полемического искусства сохранялись практически досамого конца жизни.

Предметом его особенных волнений в последние годы была судьба его произведений. Он постоянно интересовался, как идет подготовка настоящего издания. Его очень радовало, что избранные произведения, в том числе написанные совсем недавно, будут выпущены в его родном Санкт-Петербурге.

Одна из его последних задумок – подготовка книги о реформировании постсоветского общества. Он написал план и хотел подготовить часть I этой работы. Вот этот план:

РЕФОРМА (ПЕРЕСТРОЙКА) И ПРАВО Ч. I.

1. Общая программа.
2. Реформа управления экономикой.
3. Реформа права.
4. Право как проводник реформы.
5. Право как следствие реформы.
6. Взаимосвязь реформы права и экономики.

Ч. II. Специальные проблемы права, связанные с реформой. 1. Реформа и понятие гражданского права.

2. Природа важнейших гражданско-правовых институтов в связи с реформой.

А) Правосубъектность.

Б) Право собственности и другие вещные права.

В) Договор.

Г) Внедоговорные обязательства. Д) Ответственность.

Ярко характеризует этого необыкновенного человека одно из последних высказываний, которое мне довелось услышать. В одном из телефонных разговоров я сказал, что собираюсь связаться по делам с некоторыми известными профессорами из Москвы и Санкт-Петербурга, и спросил, не хочет ли он что-нибудь передать им. Он слабым голосом ответил, что просит передать им привет и благодарность за то, что они позволили ему находиться рядом с ними в науке. Как не преклонить голову перед благородством этих слов!

Работы, идеи, концепции работ О. С. Иоффе как раньше, так и теперь, привлекают самое пристальное внимание всех, кто занимается правовой наукой. Вклад этого известного ученого в науку права, и гражданского права в особенности, неоценим.

Профессор Олимпиад Соломонович Иоффе был и остается одним из выдающихся современных русских правоведов.

Доктор юридических наук, профессор А. Г. Диденко

Воспоминания об О. С. Иоффе

Познакомился я с О. С. Иоффе в 1954 г., когда произошло слияние Юридического института имени М. И. Калинина с университетом. В этот период я заканчивал аспирантуру по кафедре гражданского права. Моим научным руководителем являлся профессор Б. Б. Черепахин.

На сентябрь 1954 г. была назначена защита моей кандидатской диссертации и в качестве официальных оппонентов кафедра назначила профессор С. Н. Братуся и О. С. Иоффе, к тому моменту уже защитившего докторскую диссертацию.

Первое же знакомство с О. С. Иоффе произвело на меня неизгладимое впечатление, прежде всего потому, что его научные познания и умение их понятно и доходчиво передавать слушателям свидетельствовали о глубоком проникновении в суть проблемы: сложное становилось ясным и понятным. Кроме того, О. С. Иоффе привлекал к себе простотой, легкостью и доступностью общения, никогда не смотрел свысока на обращающихся к нему с вопросами студентов, аспирантов, преподавателей. При этом, знакомясь с текстами представленных рукописей, был чрезвычайно требовательным читателем, помогая в то же время конкретными советами, вплоть до редактирования отдельных частей работы. Так, например, уже подготовив отзыв о моей диссертации, О. С. Иоффе неоднократно говорил мне, что если по каким-то критикуемым положениям моей работы я испытываю трудности, то он в любое время может мне помочь в решении этой проблемы.

И это качество О. С. Иоффе проявлял всегда, особенно когда речь шла о подготовке к опубликованию коллективных работ (в частности, учебников). При этом О. С. Иоффе вовсе не навязывал свою позицию, речь всегда шла о нахождении таких аргументов, которые были бы достаточно убедительны для тех, кто будет знакомиться с соответствующими работами. Умение убеждать в правильности отстаиваемой им позиции проявлялось не менее ярко и при обсуждении судебных и арбитражных споров. Этому направлению деятельности кафедры (в тот период, когда О. С. Иоффе уже возглавлял кафедру) придавалось особое значение. Были налажены тесные связи с судебными и арбитражными органами, которые ставили перед кафедрой наиболее спорные и сложные для разрешения вопросы, и они предварительно обсуждались на кафедре, а затем рассматривались на совместных заседаниях. Вспоминаю один из характерных случаев, когда и на кафедре, и на совместном заседании О. С. Иоффе предложил свое решение возникшего спора, убедил в правильности предложенного им решения не только членов кафедры, но и работников арбитража. Однако уже в конце совместного заседания, внимательно выслушав возражения, сказал, что все-таки предложенное им решение является ошибочным, и с той же степенью убедительности предложил иное решение проблемы, с которым в итоге все согласились. Таким образом, О. С. Иоффе умел признавать ошибочность своей позиции, что как раз и характеризует его как настоящего ученого. Степень же убедительности его доводов основывалась не на властных полномочиях, как заведующего кафедрой (как это часто бывает), а на его научном авторитете, который в подобного рода случаях является определяющим.

Как заведующий кафедрой О. С. Иоффе особое внимание уделял организации учебного процесса и контролю за его выполнением. В частности, подготавливаемые для студентов задания для практических занятий обсуждались на кафедре, включая и решения наиболее сложных задач по всем темам, что особенно полезно было для молодых преподавателей. Важное значение О. С. Иоффе придавал работе студенческого научного кружка по гражданскому праву, поскольку особенно активные участники работы кружка обоснованно рассматривались как потенциальные кандидаты для поступления в аспирантуру. Кроме того, на факультете достаточно широко использовался такой метод вовлечения студентов в науч-

ную работу как научные студенческие конференции, поэтому отбор докладчиков на такие конференции осуществлялся под контролем О. С. Иоффе.

Лекционный курс по гражданскому праву, читаемый О. С. Иоффе, воспринимался студентами с огромным интересом не только вследствие того, что курс излагался очень содержательно, но и потому что самые сложные проблемы гражданского права излагались так, что даже не очень подготовленные слушатели хорошо усваивали читаемый материал. Немаловажную роль здесь играло и великолепное лекторское мастерство: эмоциональная подача материала, широкое привлечение практики, доступность восприятия и т. д. Не случайно довольно часто студенты других факультетов, наслышанные о превосходных лекциях профессора О. С. Иоффе от своих товарищей по юридическому факультету, стремились попасть на эти лекции.

Из числа особых достоинств профессора О. С. Иоффе как ученого и преподавателя следует отметить его колоссальную трудоспособность. Когда кто-нибудь из членов кафедры не представлял к намеченному сроку свою часть работы (при подготовке коллективных изданий), ссылаясь на загруженность учебной работой, либо приводя какие-либо иные уважительные причины, которые помешали представить рукопись в установленное время, О. С. Иоффе всегда интересовался, как систематически велась работа таким «провинившимся» преподавателем над рукописью независимо от имеющейся учебной нагрузки или выполнения других поручений. При этом обращал внимание на то, что вне зависимости от выполнения всяких других обязанностей он считает своим долгом «сидеть» за столом не менее 6–8 часов. Нам такое представлялось почти невероятным. Однако его познания в науке права, многообразие научных исследований и многочисленных публикаций лишь подтверждают это утверждение. О. С. Иоффе неоднократно говорил о том, что только повседневная, многочасовая, кропотливая работа над различными источниками дают положительный результат.

Могу утверждать, что дискуссии, которые велись на кафедре под руководством О. С. Иоффе, постоянно вспоминаются и сейчас, по прошествии многих лет, особенно тогда, когда обращаешься к его работам по проблемам гражданского права и снова чувствуешь себя признательным учеником и почитателем его таланта.

Кандидат юридических наук, доцент А. Г. Потюков

Предисловие

Олимпиад Соломонович Иоффе из тех людей, которых, даже не будучи знаком лично, кажется, знаешь всю жизнь.

Предваряя, собственно, текст этого небольшого предисловия, необходимо сказать несколько слов о том, почему его составление было поручено редколлегией именно мне. Поступив в 1985 г. на юридический факультете Казахского государственного университета (КазГУ) я связал свою судьбу с цивилистикой и кафедрой гражданского права КазГУ, которой заведовал профессор Юрий Григорьевич Басин. Сегодня это – кафедра гражданского права Казахского гуманитарно-юридического университета (КазГЮУ), ею заведует профессор Анатолий Григорьевич Диденко. По признанию самого Олимпиада Соломоновича – Юрий Григорьевич, Анатолий Григорьевич, а также работающий на кафедре профессор Бахыт Базарбаевич Базарбаев, – были его близкими друзьями и коллегами.

Обучаясь на юрфаке и в аспирантуре, мы изучали гражданское право по Иоффе и Басину, существовали даже магнитофонные записи лекций Олимпиада Соломоновича, сделанные в Ленинграде и во время его командировок в Алма-Ату в 1960–1970-е гг. Одним из весомых результатов тесного научного сотрудничества О. С. Иоффе с кафедрой гражданского права КазГУ стал Комментарий к ГК КазССР (1963 г.), вышедший в свет в 1965 г. под редакцией М. А. Ваксберга, Ю. Г. Басина и Б. В. Покровского, объемом около 50 п. л. Автором пяти глав данного комментария, а также соавтором предисловия к нему, являлся Олимпиад Соломонович¹. Кроме названных ученых, в подготовке комментария приняли участие профессора и доценты кафедры гражданского права КазГУ и сотрудники Института философии и права АН КазССР, в их числе Б. Б. Базарбаев, М. Г. Масевич, С. И. Меерзон и др. В соавторстве с О. С. Иоффе также был написан «Комментарий к Кодексу о браке и семье КазССР», вышедший в 1972 г. под редакцией Ю. Г. Басина.

Несмотря на то, что с начала 80-х годов Олимпиад Соломонович жил и работал в США, как только время предоставило возможность общаться, дружеские связи коллег и друзей с ним были восстановлены. А в 90-е годы и вплоть до кончины Олимпиада Соломоновича в 2005 г. встречи стали регулярными. Гостями Иоффе в США были Ю. Г. Басин, А. Г. Диденко, а также другие сотрудники нашей кафедры, живущие ныне в США, России, Европе.

С 1999 г. идосего времени (2006 г.) работы О. С. Иоффе публикуются в Алма-Ате в сборнике «Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика» (выпуски № 8, 10–15, 17–22, каждый год выходит по два-три сборника), а также

¹ Гражданский кодекс КазССР 1963 г. несколько отличался от своего «российского собрата» и от ГК других союзных республик, если можно так выразиться, большей «цивилистической» направленностью. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к тексту ГК КазССР и проанализировать особенности его основных институтов. Интенция его соавторов, в том числе Олимпиада Соломоновича Иоффе, была направлена на придание гражданскому законодательству Казахстана частногоправового содержания, что ярко отразилось в смелых, и вместе с тем ироничных словах краткого предисловия к Комментарию к ГК КазССР – «в коммунистическом строительстве полностью используются товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, которое они имеют в плановом социалистическом хозяйстве, и применяются такие важные инструменты развития экономики, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы. Строительство коммунизма опирается на принцип материальной заинтересованности граждан, предприятий, колхозов и других хозяйственных организаций... С этим связано дальнейшее укрепление и развитие оперативной и имущественной самостоятельности и инициативы предприятий и иных хозяйственных организаций, расширение их прав в рамках единого народнохозяйственного плана» (см.: Комментарий к Гражданскому кодексу Казахской ССР / Под ред. М. А. Ваксберга, Ю. Г. Басина и Б. В. Покровского. Алма-Ата: «Казахстан», 1965. С. 7–8). Интересный и глубокий комментарий ГК КазССР (1963 г.) в течение 25 лет служил настольной книгой для десятков тысяч практических работников, судей, адвокатов, юрисконсультов, следователей, прокурорских работников, хозяйственных руководителей, многие его положения еще долго останутся актуальными.

в двух учебных пособиях «Гражданское право», подготовленных в 1999 и 2003 гг. под редакцией А. Г. Диденко.

Юрий Григорьевич и Анатолий Григорьевич совместно с Олимпиадом Соломоновичем работали над проектом Гражданского кодекса стран СНГ (Модель) и проектом Гражданского кодекса Республики Казахстан. Переписка с Олимпиадом Соломоновичем, касающаяся цивилистических вопросов, его статьи часто были предметом обсуждения на заседаниях кафедры. Одним словом, на протяжении последних 20 лет Олимпиад Соломонович принимал незримое участие не только в моей судьбе, но и в жизни всех преподавателей и сотрудников нашей кафедры гражданского права, а также многих сотрудников Института частного права КазГЮУ. Возможно поэтому, неоднократно посещая Петербург в 90-е годы, я не переставал удивляться тому факту, что Иоффе не публикуют в городе, который он защищал в годы войны и которому отдал лучшие годы своей жизни, где состоялся как Цивилист и Учитель. Шанс исправить ситуацию представился в 2001 г., когда у меня сложились неплохие деловые отношения с издательством «Юридический центр Пресс» и его руководителем доцентом юридического факультета СПбГУ Рауфом Маггеррамовичем Аслановым. Предложение об издании избранных работ Олимпиада Соломоновича в нескольких томах было поддержано редколлегией, в состав которой входили Александр Петрович Сергеев, Владимир Федорович Попондопуло и многие другие. Мне было поручено собрать работы Олимпиада Соломоновича, изданные в Казахстане, уладить некоторые вопросы, связанные с переизданием его статей в России, а также помочь установить личный контакт с автором для заключения соответствующего договора, что и было сделано.

Читатель, открывая 4-й том работ Олимпиада Соломоновича Иоффе, получает уникальную возможность ознакомиться с «поздним» Иоффе, трудами, написанными Олимпиадом Соломоновичем (далее – О. С.) в США в период с конца 1990-х по 2005 г. В России данные работы публикуются впервые².

² Об истории их первой публикации в Казахстане, статью А. Г. Диденко «Последние годы жизни и творчества О. С. Иоффе».

Краткая характеристика последних работ Олимпиада Соломоновича

В творческой жизни О. С. 2001–2004 гг. стали завершающими, подводящими некий итог, и вместе с тем эти годы были необычайно плодотворными. Результатом стали 13 работ на русском языке общим объемом более 30 печатных листов. 11 работ публикуются в данном томе. Двенадцатая работа О. С. Иоффе «Размышления о праве», к сожалению, не вошла в 4-й том, она вышла отдельным изданием в Астане в 2002 г. Тринадцатая – лекция из курса лекций по гражданскому праву под редакцией профессора А. Г. Диденко, еще не увидела свет, впрочем, как и сам курс лекций. Большинство созданных О. С. работ посвящено фундаментальным вопросам частного права, проблемам теории права, несколько из них представляют собой воспоминания.

В статье **«Право и поведение»** (2004 г.) Иоффе обращается к важной и весьма актуальной теме соотношения и взаимодействия права и трех, как пишет сам автор, «неправовых компонентов»: поведения, интереса и воли. Работа подводит определенную черту под дискуссией, имевшей место еще в советской науке права. Работа представляет собой методологически выверенный образец научной статьи, в которой автор подробно описывает предмет, метод исследования, дает характеристику субъекта исследования, последовательно вводит и разбирает категории поведения, интереса и воли. Помимо того, Иоффе вносит ряд ценных предложений, не связанных непосредственно с темой статьи, например, предложение об издании в России западных книг на языке оригинала.

Статья, как пишет О. С., «основывается на методе материалистической диалектики, взятом в чистом... виде». Для Иоффе методология, лежащая в основе учения Маркса и Энгельса, в том числе диалектика Гегеля и материализм Фейербаха, позволяет наиболее объективно отражать реальность нашего бытия и освещать правовые и связанные с ними явления. Последовательность, с которой Иоффе отстаивает основные методологические и теоретические постулаты марксизма, вызывает уважение. Приведем лишь несколько ярких примеров, почерпнутых О. С. из курса теории права по Марксу. Так, в частности, О. С. констатирует, что марксизм распространил материализм на общественное развитие, подразделив общественные явления на всеопределяющий экономический базис и надстройку – систему политических и юридических взглядов и учреждений³. «Бесспорно, – пишет О. С., – подобно новому обществу, приходящему на смену старому, новое право будет более высоко развитым, чем его предшественники»⁴.

Не вдаваясь в дискуссию и подробный анализ, заметим, однако, что вся история XX в. свидетельствует об ином. Политические и правовые институты («надстройка») определяли и определяют пути и скорость развития экономик, как в развитых, так и в развивающихся странах. СССР являет собой наиболее яркий пример торжества ленинского тезиса о «приоритете политики над экономикой». Что же касается *нового, более высокоразвитого права*, то и это далеко не бесспорно. Сравним право Рима в период Республики или даже во времена императора Юстиниана и право европейских государств раннего Средневековья. Если первое было высокоразвитым, то второе в V–IX вв., находилось лишь в самом начале своего пути к совершенным образцам кодифицированного права европейских государств XIX–XXI вв.

³ Иоффе О. С. Правоиповедение // Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика/ Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 21. С. 5.

⁴ Там же. С. 6.

Западный мир давно уже исповедует инженерный и технологический подходы к решению экономических и социальных вопросов. Базис современных экономики и общества – это инфраструктуры, которые задают правила и порядок движения товаров, оказания услуг, передачи технологий, а также обуславливают избирательный и законодательный процессы. Торговля, финансы, связь, транспорт, медицина, система образования, сервисные службы и т. д. – это системы жизнеобеспечения, построенные человеком и поддерживаемые им искусственно. В этом смысле, с одной стороны, нельзя разделить мнение О. С. о том, что «капитализм не строится, а возникает», капитализм именно строится и право играет в этом строительстве самую активную роль, оно может способствовать или наоборот тормозить его (капитализма) развитие⁵, с другой стороны – построение капитализма, вне всяких сомнений, это «длительный исторический процесс»⁶.

Олимпиад Соломонович, определяет *поведение людей и их коллективных образований как предмет правового регулирования. Цель такого регулирования – это обеспечение нужного, с точки зрения той или иной общественной системы, поведения.* Причем «центральной практической проблемой в связи с теорией правового поведения является задача построения в постсоветском обществе правового государства». Иоффе определяет два основных качества правового государства: *правомерность всех законодательных норм и их общеобязательность для всех субъектов, в том числе и для самого государства. Каждое из этих качеств нелегко объяснить, еще труднее обеспечить,* пишет О. С.⁷ Далее автор обращается к понятию «правовой интеллигентности» и наполняет это понятие предметным содержанием.

Центральной в статье является часть, озаглавленная «Право и воля». Наряду с классическим взглядом на этот тандем, О. С. анализирует процесс *расширения значения понятия «воля» в гражданском праве, который связан с вопросом ответственности без вины, в частности за убытки, причиненные предпринимательской деятельностью.* «Теперь, – отмечает Иоффе, – когда каждый предприниматель несет вредоносные последствия всей совокупности предпринимательских действий независимо от вины, больше оснований, возможно, имеет теория риска. Ясно, однако, что к субъективной воле такую ответственность привязать уже нельзя. Трудно усмотреть также другие основания для расширения действия в праве субъективной воли. Она и без того действует достаточно широко, хотя и не настолько, насколько субъективная воля этого заслуживает, – резюмирует автор»⁸. Чтобы точнее оценить смысл процитированного отрывка, необходимо обратиться к работам Иоффе о роли и значении категории «вина» в гражданском праве⁹ и определить соотношение этой категории с понятием «воля». Однако заметим, что субъективная воля предпринимателя заключается в его решении вступить в правоотношение и заключить тот или иной договор, предварительно просчитав возможные риски и зная о своей ответственности без вины.

Руководствуясь классической марксистской методологией, Иоффе констатирует: «Объективное право создается объективной волей», причем «право непосредственно отражает объективную волю законодателей», которая, в свою очередь, *обусловлена экономикой – этим базисом общества.* «Так как право – система правил поведения, а правомочие есть право на определенное поведение другого лица, и там и здесь проявляется человеческая воля.

⁵ Даже если принимать формационную теорию общественного развития Маркса в качестве рабочей модели.

⁶ Иоффе О. С. Право и поведение // Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика / Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 21. С. 9.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 29–30.

⁹ В настоящем издании см. например, статью «Вина и ответственность по советскому праву».

При этом объективному праву соответствует объективная воля, а субъективному праву – воля субъективная»¹⁰.

«Право не возникает без объективной воли. Но для того, чтобы она появилась, необходимо слияние в объективной воле множества субъективных волей (избирателей или законодателей)». Представляется, что в этой части О. С. противоречит сам себе. С одной стороны, Иоффе пишет, что «какой бы воля ни была, она представляет собой психологический акт со своими мотивами и целями», а с другой – тут же оговаривается, что «психологический акт в объективной воле строится иначе, чем в воле объективной»¹¹.

Если воля – это психологический акт, то он с необходимостью предполагает наличие субъекта, следовательно, всякая воля исходит от субъекта: человека, юридического лица, государства (его органов), в этом смысле она субъективна. Воля законодателя – это воля законодательного органа, одного из субъектов и носителей государственной власти и в данном контексте эта воля субъективна и ничем, по сути, не отличается от воли других субъектов, действующих в пределах своей правоспособности или полномочий.

Если под объективной волей понимать волю, которая предопределена или обусловлена некими объективными процессами, обстоятельствами: экономическими условиями, здравым смыслом, определенными интересами и т. п., то в таком случае любая воля правосубъектного лица объективна в своей предопределенности. Собственное усмотрение лица сводится здесь к осознанию этой предопределенности. Таким образом, воля субъективная в высшем своем воплощении совпадает, сливается с волей объективной, при этом различие воли субъективной и объективной теряет смысл.

Что же касается права, то выводить его понятие из воли, пусть даже самой «объективной» и определять право как систему правил поведения все же не следует. Феномен права требует более сложного, т. е. комплексного подхода.

В целом следует отметить, что деление права на объективное и субъективное, и далее – различие объективных и субъективных составляющих в праве, в том числе объективной и субъективной воли, имеет своим истоком весьма редуцированную, упрощенную схему, почерпнутую Марксом и заимствованную затем «дореволюционными» и советскими юристами в гегелевской философии права. Однако Гегель выводил понятие права из объективного Духа, некоего высшего Разума, который, проходя три стадии своего становления, прежде всего, «реализует себя в правовых отношениях».¹² В этом смысле сводить право до законов любого конкретного государства и объявлять это объективным правом, да еще и придавать «объективному» праву некое подобие сакральных текстов, священной воли государства, как это делают некоторые современные теоретики права, означает лишь смешение понятий права и закона.

С нашей точки зрения, право – это один из способов организации жизни, его цель и смысл – обеспечение реализации возможностей, заложенных в человеке и человечестве, а его базис – институциональность. Государство и его органы должны быть вовлечены в сферу права как институты, его обеспечивающие. С определенностью можно заметить, что на постсоветском пространстве право, как способ организации жизни, не является пока основным и определяющим общественное развитие.

«К обновлению методологии правоведения» (2004 г.) – концептуальная статья, требующая от читателя учитывать несколько важных для понимания моментов.

¹⁰ Иоффе О. С. Право и поведение // Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика / Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 21. С. 23.

¹¹ Там же.

¹² Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 436.

Во-первых, речь идет о материализме в его марксистской интерпретации – методологии правоведения, которая существовала или доминировала в праве в советский период нашей общей истории. Замысел работы, по всей видимости, вынашивался автором еще в 60–80-е годы XX в. и является своеобразным откликом на искажения сути материалистической философии, произошедшие в гуманитарных науках в сталинский период, может быть, от этого имя Сталина упоминается в статье чаще других.

В тандеме государство – право последнее, по Иоффе, занимает второстепенную, подчиненную, ведомую роль. Помимо того, О. С. довольно большое место отводит различным историко-политическим отступлениям и комментариям, посвященным политическим деятелям времен СССР и современной России, что вносит в статью идеологический и даже политологический оттенки.

Во-вторых, для О. С. обновлением методологии является сама возможность сказать то, чего нельзя было публиковать раньше, в годы учебы и работы О. С. Иоффе в СССР, это свобода, которой он был лишен и в 90-е годы XX в., так как его практически не издавали в России вплоть до начала века нынешнего. Таким образом, призыв «к обновлению методологии правоведения» был провозглашен О. С. весьма давно и его конкретное наполнение, быть может, уже не отражает реалий дня сегодняшнего, хотя данная статья в окончательном виде была оформлена в 2004 г.

В-третьих, это – реальный шанс обосновать или хотя бы описать в самых общих чертах собственную, им построенную и выстраданную *«религию» – материализм – как методологию права*. Знание методологии правоведения, по Иоффе, целиком базируется на марксистской методологии и материалистической философии.

Довольно заметное влияние на правовые воззрения Олимпиада Соломоновича оказал нормативизм, и чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к разделу статьи под заголовком «отдельные иллюстрации». В то же время проблемы, которые могут, по мнению О. С., составить план книги по методологии права, также перечисляются автором в «отдельных иллюстрациях» – именно эта часть статьи, с нашей точки зрения, представляет наибольший профессиональный интерес.

Работа **«Право частное и право публичное»** (2003 г.), в которой Олимпиад Соломонович дает краткий исторический обзор концепций, на которых базируется ряд определений частного права (школа естественного права, теория правоотношений, нормативная теория и др.). К загадкам, в определенной степени, следует отнести отсутствие сколько-нибудь значительного анализа О. С. Иоффе работ американских, английских и иных западных коллег. Хотя О. С. знает и цитирует некоторые современные работы российских авторов.

«Я отстаиваю, – пишет О. С., – определение, которое рассматривает право как систему правил поведения (норм), исходящих от государства, выражающих волю государства и господствующие или всеобщие интересы, охраняемых реальными мерами государственной защиты или возможностью их применения. Из этого определения, – по мнению О. С., – следует, что право воплощает два компонента: субъективный и объективный»¹³. Без государственной деятельности и государства, право и законодательство, по О. С. Иоффе, не может не только существовать, но даже и появиться. «В этом смысле и то и другое (здесь: право и законодательство. – И. Г.) субъективны... При законодательном закреплении права все зависит от объективной природы правовых отраслей, и, стало быть, нельзя включить уголовно-правовую норму в гражданское право...»¹⁴ Таким образом, Иоффе обосновывает свою *нормативно-поведенческую теорию права*.

¹³ Иоффе О. С. Право частное и право публичное // Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии. Практика / Под ред. А. Г. Диденко. Алма-Ата, 2004. Вып. 20. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 22.

Заметим, что логические пары объект – субъект, объективное– субъективное и т. п. дефицитны по отношению к законодательству, а уж тем более по отношению к праву. Неясно, как может природа (сущность) правовых отраслей быть объективной, а само право носить субъективный характер и определяться абстрактной «государственной деятельностью».

По Иоффе, право – «система правил поведения (норм), которые исходят от государства», а государство своего рода кукловод в театре марионеток, где театр – это жизнь, в экономическом смысле – хозяйственный оборот, куклы – это субъекты, физические и юридические лица, а право – это система ниточек, за которые дергает государство. Возникает картина некой предопределенности, заданности вектора жизни, бихевиористическая (поведенческая) картина мира. Антология жизни построена, определены все основные ее составляющие, все, казалось бы, просто и ясно. Однако такой взгляд О. С. Иоффе на право не только не приближает нас к пониманию сути феномена права, но и наносит реальный вред процессу формирования в России гражданского общества и развитию цивилизованных хозяйственных отношений, основанных на частном праве. Вред этот выражается, с одной стороны, в закреплении в сознании граждан как должного и в оправдании существующей в России чиновничьей, бюрократической системы, «государственная деятельность» которой, согласно О. С., «творит» право. С другой стороны, негативное влияние подобного рода трактовки права состоит в поощрении иждивенческих настроений и ожиданий «широких масс» российского населения, для которого типичной является жизненная установка следующего рода: если «народные избранники», государственные мужи, чиновники решают и предопределяют все, то собственное усмотрение и воля сводится к минимуму; есть лишь должное поведение, в том числе и в сфере гражданских правоотношений. В гражданах вырабатывается своего рода «условный рефлекс»: потребовать и получить полагающуюся «пайку» в виде системы льгот, дотаций и прочего.

Помимо того, *нормативно-поведенческая теория права* О. С. не учитывает ряд новых реалий, таких как надгосударственные институты: ООН и ее подразделения, международные организации, союзы государств, различные иные надгосударственные объединения; международные суды, в которые может обратиться любой гражданин или юридическое лицо и предъявить иск к государству, в лице, например, правительства. Уже довольно давно существуют судебные и арбитражные органы, в которых государство и гражданин или национальное юридическое лицо обладают формальным равенством. Следовательно, действует международное право, в том числе частное. Сомнительно, что здесь сколько-нибудь серьезно возможно говорить о праве как о системе правил поведения (норм), исходящих от государства.

«Переходя от общих рассуждений к частному праву начнем с общепризнанного тезиса, – отмечает далее О. С., – частное право покоится на товарном производстве и товарном обращении. Там, где их нет, отсутствует и частное право. Но оно появляется лишь в определенной части или целиком там, где товарное обращение только возможно или уже сложилось как полнокровная система...»

Далее Иоффе подкрепляет свои выводы ссылкой на Маркса, «чтобы вещи относились друг к другу как товары, их обладатели должны относиться друг другу как лица».¹⁵ Под этой фразой Маркса можно подписаться и сегодня. Однако, приводя эту тезу, О. С. имеет в виду лишь ее первую часть, о товарах, и фактически игнорирует вторую, о лицах, а между тем это – краеугольный камень данного принципа. Товарное производство появляется не само по себе, рефлексивно или «объективно», а благодаря частному праву. И в этом

¹⁵ Иоффе О. С. Право частное и право публичное// Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статьи. Комментарии Практика/ Под ред. А. Г. Диденко Алма-Ата, 2004. Вып. 20. С. 23–24.

смысле частное право вовсе не «сопутствует всем... эпохам в ограниченном или полнообъемном масштабе»¹⁶ как нечто само собой разумеющееся. Законодатель, беря частное право за основу, как способ организации жизни, создает условия для существования самостоятельных, экономически независимых субъектов гражданских отношений, а уже они, в свою очередь, создают товарное производство. Сначала лица, затем товары, а не наоборот. Нет лиц, нет товаров.

В отношении Хозяйственного кодекса Украины (далее – ХК Украины), нормы которого были подробно проанализированы О. С. в статьях «О хозяйственном праве (теория и практика)» и «Право частное и право публичное», вспоминается украинская пословица – «Нехай буде гірше, ніж інше», т. е. пусть будет хуже, но только не так, как, например, у соседей. Эту народную мудрость часто любили повторять О. С. Иоффе и Ю. Г. Басин, когда речь заходила о хозяйственном и гражданском законодательстве «рідной» Украины. Сколько бы ни писали о ХК и ГК Украины, ясно одно: Украина – единственное крупное государство СНГ с двумя кодексами, ни один из которых не базируется на ГК стран СНГ (Модель). Что же касается тех пробелов и нелепостей, которыми изобилует ХК Украины, то отчасти, это – следствие излишнего стремления украинских законодателей быть «оригинальными».

Завершая краткий обзор статьи, обращаем внимание читателей на ее четвертую часть под заголовком «Гражданское (частное) право и личные неимущественные отношения», в этих трех страничках, как в зеркале, отражается весь Иоффе.

¹⁶ Там же.

Иоффе – штрихи к портрету

Историю любой науки можно, а, может быть, периодически и нужно иллюстрировать забавными случаями из жизни ее выдающихся представителей. То, что одним из столпов российского гражданского права был Олимпиад Соломонович, есть факт бесспорный, а поучительных и одновременно смешных историй в его жизни было немало, недаром одна из статей данного тома озаглавлена «Осмешном и необычном (записки юриста)». Вот лишь несколько историй – штрихов к портрету мэтра.

Как О. С. учился водить машину

Было это в первое послевоенное десятилетие, когда только-только появилась еще довольно призрачная возможность купить личный автомобиль, что О. С. и сделал несколько позднее. Однако, чтобы субъективная возможность быть счастливым обладателем авто и управлять им превратилась в объективную реальность, мало иметь средства и место в очереди на новый автомобиль («Москвич» или, если очень повезет, то «Победу», а чуть позднее и «Волгу» ГАЗ-21), необходимо было обладать водительскими правами. Взвесив все за и против, О. С. отправился на курсы вождения. Пройдя весь теоретический курс: правила дорожного движения, правила вождения и материальную часть – устройство автомобиля, О. С. был допущен к практическим занятиям. Первые попытки курсанта Иоффе сдвинуть с места учебный «Москвич» окончились неудачей, но инструктор спокойно наставлял: «Выжимаете педаль сцепления, заводите машину, включаете первую передачу, плавно убираете ногу и отпускаете педаль сцепления, слегка прибавляя при этом газ, трогаетесь с места. Как будто О. С. делал все по инструкции, но каждый раз повторялось одно и то же: машина заводилась, несколько раз дергалась и глохла. Исчерпав весь свой педагогический арсенал, а вместе с ним и словарный запас, инструктор решил все же не отступать, он наклонился, чтобы повнимательней понаблюдать за точностью действий курсанта Иоффе, и тут ему открылась истинная причина «резких скачков» машины. Чтобы понять, что действительно происходило, представьте себе следующую картину: О. С. плавно отпускал педаль сцепления не на себя – вверх, а медленно отводил ногу вбок (влево), убирая ее, в буквальном смысле, с педали. Высвободившись, педаль сцепления резко подлетала вверх, машина дергалась и глохла. Инструктору пришлось продемонстрировать курсанту, в чем его ошибка, и когда О. С. увидел, что необходимо было сделать, он долго хохотал и подшучивал над своими действиями, рассказывая друзьям эту историю.

К вопросу «О культуре питания»

Понимая, что приведенная ниже история, возможно, получит неоднозначную оценку, хочу оговориться, что целью помещения ее в предисловии к изданию является исключительно желание дать шанс читателю представить О. С. не только нашим современником, великим российским юристом, но и живым человеком, ценившим застолье и хорошую беседу.

После войны юридический факультет ЛГУ пополнился преподавателями-фронтовиками. О. С. был одним из них. Влившись в ряды основных и традиционно состязавшихся между собой за значимость своих дисциплин и студенческие сердца кафедр уголовного и гражданского права, фронтовики подняли соревнование на новую высоту.

Соперничество (разница) между кафедрами уголовного и гражданского права выразилось в том числе и в отношении к российскому народному напитку, вернее в количестве и способах его потребления, в культуре питания. «Уголовники» потребляли исключительно в бутылках емкостью 0,5 литра, цивилисты – эта «интеллигенция» факультета – позволяла себе употреблять по 0,25 литра, в так называемых «четвертушках» и даже коньяк, что вызывало шутки коллег. Но, как отмечал, один из близких друзей О. С., – беря водочку и коньяк в расфасовке по 0,25 литра, народ мог наиболее точно проверить на практике один из основных законов диалектики, а именно постепенный переход количества в качество.

В один из первых июльских дней, после окончания учебного года, О. С., автор теории о пользе алкоголя в лечении диабета, пригласил к себе на дачу двух своих старых военных товарищей, коллег «по цеху». Взяли закуску. Супруга О. С. – Евгения Лазаревна, накрыв на стол, уехала в город, но к вечеру должна была вернуться. Зная крайне негативное отношение жены к обильным возлияниям, О. С. и К° решили соблюдать конспирацию и тщательно прятали каждую початую бутылочку, помещая ее в заблаговременно приготовленный ящик, стоящий за окном комнаты, где проходило застолье. Таким образом, любой зашедший на огонек мог наблюдать на столе только одну небольшую бутылочку – 0,25 литра, потребляемую в данный момент. Около 9 часов вечера, когда «конспиративный» ящик за окном был почти полон чистой посуды, вернулась Евгения Лазаревна. Поздоровавшись, она мгновенно оценила обстановку, поскольку ее цепкий взгляд наткнулся на нечто, что находилось справа от блюда хозяина дачи. Все сидящие также перевели взгляды в эту часть стола и, несмотря на изрядное количество выпитого, буквально зарделись то ли от стыда, то ли от неожиданности. На столе лежала груда из двенадцати крышек от тщательно спрятанных бутылочек...

«Гражданский кодекс в легендах студенческого мира»

Ленинград, осень 1957 г. Профессора Иоффе и Магази́нер беседуют и прогуливаются вдоль набережной Невы, в районе Марсова поля. Плавное течение беседы ученика (Иоффе) и учителя (Магази́нера) прерывает смех, затем раздаются знакомые голоса. Профессора спускаются к реке и встречают своих студентов – девушку и молодого человека, девушка что-то громко декламирует. Поздоровавшись с будущими коллегами, О. С. и Я. М., с удивлением обнаруживают в руках у студентки Гражданский кодекс. Что же может быть смешного в официальном тексте ГК РСФСР (1922 г.), удивляются профессора, – мы сотни раз читали и комментировали каждую статью ГК. На просьбу прояснить ситуацию, молодые люди предложили просто послушать, как звучат нормы некоторых статей из раздела «Обязательства, возникающие из договоров»: *Если одна сторона предоставила другой удовлетворение*, – даваясь от смеха, громко прочла девушка, – *то, соответственно, другая сторона обязана предоставить первой встречное удовлетворение*, – со значением в голосе закончил фразу юноша. Профессора несколько озадачены, но студенты не успокаиваются и просят на примере пояснить смысл статьи 144 ГК: *если в двухстороннем договоре исполнение*

стало невозможным для одной из сторон вследствие обстоятельства, за которое ни одна, ни другая сторона не отвечает, то сторона не вправе требовать от другой стороны удовлетворения по договору. Каждая из сторон вправе требовать от контрагента возврата всего, что она исполнила, не получив соответствующего встречного удовлетворения.

Вспоминая впоследствии эту историю, Олимпиад Соломонович в шутку говаривал, что она помогла ему по-другому взглянуть на проблемы обязательственного права и значительно глубже понять смысл этого важнейшего раздела гражданского права.

В заключении хотелось бы выразить глубокую благодарность издательству «Юридический центр-Пресс», всем, кто участвовал в этом проекте, поделился с читателями воспоминаниями об Олимпиаде Соломоновиче, предоставил материалы, осуществлял финансовое, редакционное и техническое сопровождение. Слова особой признательности адресую светлой памяти Пановой Греты Ясоновны – удивительной женщине, редактору данного тома, человеку, который отдал более шестидесяти лет своей жизни служению Слову.

Кандидат юридических наук, доцент И. П. Грешников

Спорные вопросы учения о правоотношении¹⁸

1

Среди многообразных проблем советской юридической науки центральное место, несомненно, занимает проблема нормы права и правоотношения. Однако несмотря на то, что проблеме правоотношения в последние годы уделялось значительное внимание, в ее разработке многое продолжает оставаться спорным, — начиная от понятия и структуры и кончая содержанием и элементами правоотношения. Между тем, правильное решение перечисленных вопросов имеет важное теоретическое и практическое значение, особенно возрастающее в современных условиях.

Могут сказать, что проблема правоотношения — слишком общая и отвлеченная тема, что из того или иного ее разрешения не вытекают какие-либо *непосредственные* практические выводы и что она должна поэтому временно отойти на задний план, уступив первое место исследованию конкретных вопросов юридической науки.

Настоятельная необходимость в исследовании и разрешении конкретных правовых вопросов бесспорна и очевидна. Но было бы неправильно сводить лишь к такой форме все многообразные связи науки и практики. Между теорией и практикой существуют не только прямые, непосредственные связи, но и, если можно так выразиться, цепные связи, охватывающие множество промежуточных звеньев и лишь в конечном счете приводящие к практическому эффекту.

Можно ли пренебрегать такими связями? История науки свидетельствует о том, что нельзя. Сколько практических выводов сделано в наши дни из теории относительности! Однако сама эта теория непосредственно ни одного из этих выводов не давала. Что же было бы с наукой и практикой, если бы они отвергли теорию относительности на этом основании?

Мы далеки, естественно, от каких бы то ни было аналогий между проблемами различных наук с точки зрения их характера, направленности и практической значимости. Но одно обстоятельство нам кажется совершенно бесспорным. Ни суд, ни арбитраж, ни какой-либо иной государственный орган не извлекут для себя непосредственных практических выводов из того или иного теоретического решения вопроса о понятии правоотношения, о его элементах, о его содержании и т. п. И в то же время без правильного теоретического разрешения этих коренных проблем юридическая наука не могла бы сформулировать ни одного практического вывода, не говоря уже о тех многочисленных положениях, которые получили признание в советской правовой теории и нашли свое подтверждение в практической работе суда, прокуратуры, арбитража и других государственных органов.

Вместе с тем, при всем кажущемся сугубо теоретическом характере проблемы правоотношения ее исследование находится в тесной связи с решением задачи укрепления законности, усиления охраны прав советских граждан, борьбы с беззаконием и произволом, борьбы с нарушениями социалистического правопорядка. Разве не ясно, что для того, чтобы со знанием дела активно вести борьбу за выполнение одного из важнейших решений XX съезда партии — решения, направленного на укрепление социалистической законности и социалистического правопорядка, нужно знать, что такое законность и правопорядок, что такое права и обязанности, каковы методы их охраны и т. д.? Уже перечень этих вопросов не остав-

¹⁸ Печ. по: Очерки по гражданскому праву: Сб. статей / Ленинградский государственный университет. Отв. ред. О. С. Иоффе. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1957.

ляет сомнения в том, что их изучение либо прямо включается в исследование проблемы правоотношения, либо находится в прямой зависимости от того, как будет решена данная проблема.

Ограничиваясь в настоящей статье лишь спорными вопросами учения о правоотношении, мы остановимся на его понятии и характеристике его отдельных элементов.

2

До самого недавнего времени ни у кого не вызывало сомнений определение правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормами права. Из этого определения с неизбежностью вытекает вывод о том, что всякое общественное отношение, в том числе и отношение общественного производства, будучи подвергнутым правовому регулированию, принимает вид правового отношения. Но правовое отношение есть отношение идеологическое, между тем как общественно-производственные отношения являются экономическими, материальными отношениями. Возникает поэтому вопрос, можно ли утверждать, что материальные (экономические) отношения в результате их юридического урегулирования становятся отношениями идеологическими (правовыми)? Не будет ли это означать подмены базисных явлений явлениями надстроечного характера?

Обратив внимание на это обстоятельство, В. П. Мозолин выступил против утверждений о том, что «...социалистическое государство, регулируя... те или иные общественные отношения, придает им новое качество: превращает их в правовые отношения...»¹⁹, что «...некоторые общественные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях преобразуются в правовые отношения...»²⁰ По его мнению, «...такие утверждения ведут к отрицанию объективного характера экономических отношений. В данном случае происходит не «превращение» одних отношений в другие, а возникновение *новых*, ранее не существовавших идеологических отношений – *правовых*, которые не поглощают собой экономические отношения, а только их закрепляют, направляя в нужном для господствующего класса направлении»²¹.

Признание правильными этих подкупающих своей внешней убедительностью соображений должно было бы повлечь за собой ряд далеко идущих выводов. Во-первых, пришлось бы отказаться от определения правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормами права, и его надлежало бы трактовать как идеологическое отношение, создаваемое правом, в целях закрепления существующих общественных отношений. Во-вторых, было бы необходимо внести соответствующие коррективы в общее определение права, которое с этой точки зрения представляло бы собою совокупность норм, регулирующих не всякие, а лишь им самим создаваемые идеологические отношения, в целях закрепления других общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу.

К тому же выводу приводит и другое все чаще встречающееся литературе последних лет мнение, согласно которому право не регулирует общественно-производственных отношений, а лишь *воздействует* на них, регулируя поведение их участников. В основу этого взгляда положены, прежде всего, суждения этимологического и семантического порядка. Регулировать – значит определять. Но право не определяет общественно-производственных отношений, а само определяется ими. Как же при этих условиях можно говорить о правовом регулировании отношений общественного производства? Кроме того, общественно-производственные отношения существуют объективно, независимо от воли и сознания людей, в то время как право имеет дело с волевой, сознательной деятельностью человека. Поэтому якобы общественно-производственные отношения могут быть лишь объектом его воздействия, а объектом правового регулирования является поведение участников этих отношений.

Но дело в том, что «регулировать» вовсе не означает «создавать», «порождать» и в этом смысле определять соответствующие явления. Существуют, например, регуляторы давле-

¹⁹ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд. АН СССР, 1948, стр. 623–624.

²⁰ О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1949, стр. 14.

²¹ В. П. Мозолин. О гражданско-процессуальном правоотношении. «Советское государство и право». 1955, № 6, стр. 52.

ния, температуры, уровня, скорости, направления, частоты, мощности и т. д. Совершенно очевидно, что они только регулируют, т. е. устанавливают известные пределы давления, температуры и т. п., но не создают, не порождают их. Смысловое значение слова «регулятор» ни в какой мере не изменяется в случае применения его к праву. Поэтому когда говорят о правовом регулировании экономических отношений, то этим отнюдь не утверждается первенство права перед экономикой. Вместе с тем, никто не отрицает способности права как возведенной в закон воли господствующего класса регулировать движение общественно-производственных отношений в определенном направлении, которое предопределяется действующими объективными экономическими законами общественного развития.

Когда же отрицание регулирующего значения права для общественно-производственных отношений обосновывается ссылкой на объективную природу последних, то при этом передается забвению тот чрезвычайно важный факт, что в названных отношениях участвуют люди, «...одаренные сознанием, действующие обдуманно или по страсти, ставящие себе определенные цели»²². Деятельность людей как участников общественно-производственных отношений не является для них чем-то потусторонним. Поэтому признать, что право регулирует поведение людей в сфере таких отношений, это и значит по существу признать, что в доступных для него пределах, а именно – в пределах общественной деятельности человека, оно регулирует самые производственные отношения.

Действительно, как происходит правовое регулирование поведения участников общественно-производственных отношений? Включается ли то поведение, которое регулируется нормами права, лишь в идеологическое (правовое) отношение или оно является составной частью также и материального (экономического) отношения? Перед нами, например, меновое отношение, юридически оформленное посредством договора купли-продажи. Что же, в процессе исполнения договора продавец и покупатель выполняют два ряда действий: материальные – относящиеся к области экономики и юридические – относящиеся к области права? Нет, конечно! Одни и те же действия, ими совершаемые, обладают и экономической и юридической природой, – эти действия являются экономическими, поскольку они приводят к реализации менового отношения, но так как те же действия закреплены в договоре, а их совершение составляет обязанность договорных контрагентов, то они вместе с тем приобретают и юридический характер. Итак, перед нами одно и то же поведение, являющееся экономическим по содержанию и юридическим по форме.

То же самое следует сказать и по поводу в целом общественно-производственного отношения, урегулированного в нормах права. Оно имеет свое экономическое содержание и свою юридическую форму. Это, собственно, и имеется в виду, когда говорят, что общественно-производственное отношение, будучи урегулированным нормами права, принимает вид правового отношения.

Можно, конечно, согласиться с тем, что такие выражения, как «превращаются или преобразуются в правоотношения», неудачны, поскольку они создают впечатление об исчезновении отношений материальных и об их замене отношениями идеологическими²³. Но неудачные выражения не меняют существа дела. Главное состоит в том, что в результате юридического урегулирования материальные (экономические) отношения полностью сохраняются, но облекаются в новую форму – в форму идеологического (правового) отношения. Следовательно, правоотношения – это отношения, не вновь создаваемые правом,

²² К. Маркс Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 667.

²³ Вместе с тем, необходимо обратить внимание на то, что авторы, критикуемые В. П. Мозолиным, пользуются, наряду с отмеченными, также и правильными словесными формулами для определения понятия правоотношения. Так, А. В. Венедиктов писал: «Регулируя общественные отношения между людьми и тем самым придавая им форму правоотношений...» и т. д. (А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, стр. 616).

а возникающие в результате правового урегулирования существующих общественных отношений.

О правоотношении можно говорить, имея в виду единство его экономического содержания и юридической формы, и тогда оно охватывает как область базиса, так и область надстройки. Правоотношение в этом смысле есть самое общественно-производственное отношение, урегулированное нормами права. Но о правоотношении можно говорить и в ином смысле, имея в виду только его юридическую форму, и тогда перед нами идеологическое отношение, целиком включающееся в область юридической надстройки. Правоотношение в этом смысле есть та форма или тот вид, который приобретает общественно-производственное отношение, будучи урегулированным нормами права²⁴.

Мы касались до сих пор лишь общественно-производственных отношений для того, чтобы сосредоточиться на наиболее спорном участке интересующей нас проблемы. Но с еще большим основанием те же рассуждения могут быть распространены на иные общественные отношения, не включаемые в область экономического базиса общества. Следовательно, всякое общественное отношение, будучи урегулированным нормами права, приобретает вид правового отношения²⁵.

Какие же специфические свойства возникают у общественного отношения вследствие того, что оно облекается в правовую форму? Ответ на этот вопрос имеет существенное значение, ибо только таким путем можно уяснить, в чем заключается сущность юридического закрепления тех общественных отношений, которые подвергаются правовому регулированию. Пытаясь разрешить его, мы отмечали в свое время, что правоотношение характеризуется, во-первых, конкретным составом его участников, во-вторых, точной фиксированностью их взаимного поведения, в-третьих, обеспечением его осуществления силой государственного принуждения²⁶.

Последний из перечисленных моментов сомнений не вызывает, и указание на него встречается едва ли не в каждой работе, посвященной проблеме правоотношения. Спорными являются два первых момента. Действительно, структура различных правоотношений далеко не одинакова. В правоотношениях одного типа участвует определенное управомоченное и противостоящее ему определенное обязанное лицо. Таковы, например, правоотношения, возникающие из гражданских договоров. В правоотношениях другого типа определена только личность управомоченного при отсутствии такой же определенности на стороне обязанных лиц. Таковы, например, правоотношения собственности, а также правоотношения, связанные с именем, честью, достоинством и т. п. В последнем случае нельзя как будто бы говорить о конкретном составе участников правоотношения, и уже по этой причине отпадают основания считать точно фиксированным их взаимное поведение.

²⁴ С. Ф. Кечекьян («Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 24) и А. А. Пионтковский («Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 23) приемлют лишь это последнее определение, которое касается правоотношения только как правовой формы лежащего в его основе общественного отношения. Мы думаем, что меньшую научную ценность представляет также и то определение, которое охватывает правоотношение в единстве его формы и содержания, тем более, что вне присущего ему содержания немислимо всестороннее изучение правового отношения.

²⁵ В работе «Правоотношение по советскому гражданскому праву» вместо того, чтобы сказать: «Всякое правоотношение есть общественное отношение, урегулированное нормами права», мы писали: «Всякое правоотношение регулируется нормами права...» (стр. 19). Эта словесная неточность послужила поводом к различного рода упрекам уже не словесного, а сугубо научного характера (см., например, С. Ф. Кечекьян. Нормы права и правоотношения. «Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 23; Ю. К. Толстой. Содержание гражданско-правовой защиты права собственности в СССР. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 155), как если бы мы отстаивали какую-то особую теорию, вытекающую из приведенного неудачного выражения. В действительности, однако, дело здесь ограничивается, по меткому выражению А. Е. Пашерстника, оплошностью, встречающейся иногда даже у тех, кто отмечает ее недопустимость (см., например, самокритическое замечание А. Е. Пашерстника на стр. 75 его книги «Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде». Юриздат, 1955).

²⁶ См. «Правоотношение по советскому гражданскому праву», стр. 18–19.

В учении о правоотношении внимание исследователя обычно устремляется на правоотношения первого типа, поскольку все характерные для правоотношения признаки выявлены здесь с большей четкостью и наглядностью. Между тем, для того чтобы полученные таким путем выводы не оказались полностью опровергнутыми, необходимо проверить их правильность на правоотношениях второго типа. Только при этом условии может быть создано действительно *общее* учение о правоотношении.

Из числа правоотношений, относящихся ко второму типу, особое внимание было уделено в последние годы вопросу о структуре правоотношений собственности. Мы также намерены обратиться к их характеристике, чтобы попытаться на этом примере сформулировать некоторые общие положения о структуре правоотношений второго типа.

Многие советские авторы считали, что в правоотношении собственности на одной стороне выступает сам собственник, а на другой – все третьи лица, несущие пассивную обязанность воздержания. Против этой концепции как в печатной литературе, так и в устных дискуссиях был выдвинут, однако, ряд серьезных возражений. Указывалось, в частности, на то, что, во-первых, нельзя сводить круг обязанных ко всем вообще третьим лицам, так как, лишая правоотношения собственности какой бы то ни было определенности, такой взгляд приводит к выхолащиванию их классовой сущности; во-вторых, нельзя сводить в социалистическом обществе обязанность в правоотношениях собственности к пассивному воздержанию, ибо граждане СССР выполняют важную активную функцию, будучи обязанными, согласно ст. 131 Советской Конституции, беречь и укреплять социалистическую собственность как священную и неприкосновенную основу нашего общественного строя.

В связи с этим по вопросу о структуре правоотношений собственности выдвигаются новые взгляды.

Согласно одному из них, выдвинутому С. И. Аскназием²⁷, «ядром» собственности является собственность на средства производства, а эта последняя имеет экономический смысл лишь при условии приложения к ней труда, что не может не получить своего отражения также и в правоотношениях собственности. Исходя из этого С. И. Аскназий считал, что в правоотношениях собственности собственнику противостоят не все третьи лица, обязанные к пассивному воздержанию, а те конкретные лица, которые, в силу существующей системы классовых отношений, должны прилагать свой труд к принадлежащим собственнику средствам производства.

Однако, не говоря уже о том, что все эти рассуждения неприменимы к праву собственности на предметы, предназначенные для индивидуального потребления собственника, а также на средства производства, приводимые в движение его собственным трудом, их нельзя считать правильными даже по отношению к тому «ядру» собственности, которое имел в виду С. И. Аскназий, если, разумеется, оставить в стороне общественно-экономические формации, в которых господствует внеэкономическое принуждение. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, отношения по применению труда опосредствуются не нормами о праве собственности, а нормами обязательственного права в капиталистических странах и нормами трудового права в странах социалистических. Следовательно, конкретные субъекты появляются не в самих правоотношениях собственности, а в возникающих на их основе правоотношениях иного характера. Нас же интересует вопрос о субъектном составе самих правоотношений собственности.

На эту уязвимую сторону концепции С. И. Аскназия обратил внимание Ю. К. Толстой, выступивший одновременно и против сведения круга обязанных лиц в правоотношениях собственности ко всем третьим лицам. Переходя, однако, от критических замечаний к поло-

²⁷ См. С. И. Аскназий. Основные вопросы теории социалистического гражданского права (автореферат докторской диссертации). Вестник ЛГУ, 1947, № 12, стр. 95 и сл.

жительным выводам, Ю. К. Толстой фактически возвращается на позиции теории «третьих лиц», хотя и отвергал ее вначале как основанную, по его мнению, на формально-догматическом методе исследования правовых явлений. Так, он пишет, что «...в субъектный состав правоотношения капиталистической собственности на средства производства входят все третьи лица, которые обязаны воздерживаться от нарушений права собственности...»²⁸. Выделив в правоотношениях государственной социалистической собственности в особую категорию работников социалистического производства, автор тут же добавляет, что в субъектный состав этих отношений «...входят все члены социалистического общества, а не только те из них, которые прилагают свой труд к общенародным средствам производства»²⁹. «...В качестве субъектов права кооперативно-колхозной собственности выступают отдельные коллективы трудящихся. Все остальные члены общества выступают по отношению к субъектам права кооперативно-колхозной собственности в качестве обязанных лиц»³⁰. «В сфере потребления исполнение всеми третьими лицами возложенной на них обязанности пассивного воздержания достаточно для того, чтобы юридически обеспечить носителю права личной собственности возможность определенного поведения, в результате чего происходит удовлетворение охраняемых законом интересов собственника»³¹.

Таким образом, во всех тех видах правоотношений собственности, анализом которых занялся Ю. К. Толстой, на обязанной стороне выступают все лица, противостоящие собственнику. Чем же тогда отличаются его взгляды от «традиционной» концепции? По мнению автора, двумя моментами: во-первых, тем, что он указывает на недостаточность для удовлетворения интересов собственника пассивного воздержания третьих лиц, а во-вторых, тем, что применительно к социалистической собственности вообще не может быть речи ни о «третьих», «чужих», «посторонних» лицах, ибо члены советского общества входят в состав всенародного коллектива, которому принадлежит право государственной собственности, ни об их обязанности пассивного воздержания, ибо советские люди активно участвуют в укреплении и развитии социалистической собственности³².

Мы пока оставляем в стороне вопрос о том, какие функции выполняют советские люди в правоотношениях государственной собственности и в каком качестве они в этих правоотношениях выступают. Для нас важно сейчас отметить, что даже в таких правоотношениях, с точки зрения Ю. К. Толстого, на обязанной стороне выступают все вообще лица, все члены социалистического общества. Что же касается его указаний, что для удовлетворения своих интересов собственник нуждается в установлении разнообразных иных правоотношений, то, во-первых, этого никто никогда не отрицал³³, ибо никто, кажется, в нашей литературе не предлагал ликвидировать все правовые институты, кроме норм о праве собственности, а во-вторых, это не имеет никакого отношения к вопросу о субъектном составе правоотношений собственности: когда собственник вступает, например, в разнообразные договорные правоотношения, то его контрагенты становятся субъектами этих правоотношений, а не правоотношений собственности.

²⁸ Ю. К. Толстой, ук. соч. стр.21.

²⁹ Там же, стр.30.

³⁰ Там же, стр.37.

³¹ Там же, стр.48.

³² См.тамже, стр.16–18.

³³ Ю. К. Толстой пытается приписать подобное отрицание нам (см. стр. 18 его работы). Но мы говорили лишь о том, что *в пределах правоотношений собственности* интересы собственника *юридически* в полной мере обеспечиваются воздержанием всех третьих лиц (см. «Правоотношение по советскому гражданскому праву», стр. 103–104). Если же иметь в виду *общие* потребности собственника средств производства, то на этот счет было сказано нечто совсем иное: «Разнообразие правовых форм, в которых протекает процесс расширенного социалистического воспроизводства, выражается в *различных* правовых отношениях. Вне этих форм не может осуществляться процесс расширенного социалистического воспроизводства» (стр. 12).

Итак, попытка Ю. К. Толстого отрешиться от «традиционной» концепции, несмотря на всю остроту выдвинутых против нее возражений, не увенчалась успехом. И он не пошел дальше «третьих лиц» или «всех лиц», а, выйдя за пределы этого «круга», он сразу же оказывается вместе с тем и за пределами правоотношений собственности.

Существенно новый подход к тому же вопросу выражен во взглядах Д. М. Генкина. По его мнению, «...у собственника создается правоотношение с государством, предоставляющим собственнику “своей властью”, независимо от других лиц, использовать правомочия владения, пользования и распоряжения вещью и одновременно обязывающим всех других лиц не нарушать субъективное право собственника. Это не правоотношение собственника со всеми другими лицами, это – правоотношение и собственника и всех других лиц с государством»³⁴. В каком же качестве государство противостоит собственнику в этом правоотношении? Если собственник является управомоченным, то, по-видимому, государство должно быть лицом обязанным? Однако Д. М. Генкин тут же предупреждает: «Государство суверенно, оно само устанавливает нормы объективного права, и говорить о правовых обязанностях государства как такового значит скатываться на позиции буржуазной концепции “правового государства”»³⁵. Итак, государство не является в правоотношении собственности обязанным лицом. Третьи лица также обязаны не перед собственником, а перед государством. С кем же в таком случае собственник состоит в правоотношении? Из концепции Д. М. Генкина следует, что право собственности вообще находится вне всякого правоотношения, но тогда оно перестает быть субъективным правом.

Трудно понять теоретические и практические мотивы, побудившие автора к выдвиганию подобной конструкции. Если при этом имелось в виду таким способом избавиться от категории «всех третьих лиц», то цель оказывается недостигнутой, ибо «все третьи лица» продолжают фигурировать и здесь, с той лишь особенностью, что они повернуты не в сторону собственника, а в сторону государства. Практически же эта конструкция делает непонятным многое из того, что раньше сомнений не вызывало. Непонятно, в частности, почему ответственность за нарушение своей обязанности «третьи лица» несут также перед собственником, если они обязаны только перед государством? Но главное обстоятельство, делающее конструкцию Д. М. Генкина решительно неприемлемой, состоит в том, что она порывает с научными основами учения о правоотношении в целом, допуская существование либо субъективного права вне правоотношения, либо правоотношения, в котором участвует только управомоченный при отсутствии противостоящего ему обязанного лица.

Как же, однако, может быть положительно решен вопрос о структуре правоотношений собственности?

Существенное значение для его правильного разрешения имеют, на наш взгляд, два момента, забвение которых приводит в одном случае к необоснованной критике некоторых существующих концепций, а в другом – к формулированию выводов, которые по сути дела прямого отношения к праву собственности не имеют.

Первый из упомянутых моментов сводится к тому, что правовые отношения собственности закрепляют существующие экономические, производственные отношения, причем закрепляют последние в их основе, которую составляет обладание средствами производства. Но производственные отношения – это отношения, которые охватывают все общество. При капитализме они выступают как отношения между классом, владеющим средствами производства (буржуазией), и классом, лишенным средств производства (пролетариатом). При социализме, в пределах производства, которое осуществляется на базе государственной собственности, являющейся всенародным достоянием, производственные

³⁴ «Советского государственного права», 1955, № 6, стр. 129.

³⁵ Там же.

отношения выступают как отношения всего общества с членами общества. Спрашивается теперь, почему же производственные отношения могут выступать, и действительно выступают, как отношения, охватывающие все общество, а закрепляющие их правоотношения собственности не могут и не должны обладать таким же субъектным составом? Известно, что критики «традиционной» теории третьих лиц немало иронизировали по ее адресу. При этом, обвиняя советских авторов этой теории в том, что они заимствуют идеи буржуазной (французской) цивилистики, сами критики без всякого смущения нередко пользуются критическими аргументами, заимствованными у Петражицкого. Как часто приходится в устных дискуссиях слышать от критиков рассказ об иголке, покупка которой порождает отношения со всеми, вплоть до готтентотов!

Оставим, однако, в покое Петражицкого, как, впрочем, и французскую цивилистику, учитывая достаточную осведомленность критиков о том, что Ортолан, Глассон, Демог, Планиоль и другие французские цивилисты, отстаивавшие теорию «третьих лиц», никогда не выводили ее из производственных отношений общества, опосредствуемых нормами о праве собственности. Но тем, кто оказывается убежденным иронией, которая сама по себе является аргументом более чем сомнительным, следовало бы задуматься над тем, не обращается ли эта ирония не только против правоотношений собственности, но и против закрепляемых ими экономических отношений, всеобщая общественная значимость которых едва ли может быть кем-либо поставлена под сомнение.

Если верно, что производственные отношения охватывают общество в целом, если верно, далее, что основа производственных отношений – обладание средствами производства – закрепляется правоотношениями собственности (а все это безусловно верно), то из этого с непереложностью следует вывод, что и правоотношения собственности должны по своему субъектному составу строиться так, чтобы охватывать все общество. При этом, субъектный состав правоотношений собственности, всегда соответствуя субъектному составу экономических отношений, может выражать его не только в прозрачно-ясном, но иногда и в извращенно-замаскированном виде.

Так, при капитализме в экономических, производственных отношениях противостоят друг другу два класса: класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых. В отличие от этого в правоотношениях собственности на одной стороне выступает отдельный абстрактный индивид – собственник, а противостоят ему не только эксплуатируемые работники производства, но и все вообще третьи лица. Вследствие этого эксплуататорская сущность капиталистической собственности, которая, как показал Маркс, затушевывается самими экономическими категориями и явлениями капитализма (вспомним о товарном фетишизме!), в еще большей степени маскируется правоотношениями собственности.

В условиях социализма, напротив, субъектный состав правоотношений собственности прямо и непосредственно выражает социальную сущность социалистических производственных отношений. Отношения государственной социалистической собственности, принадлежащей всему народу, являются по своей социально-экономической природе отношениями всего общества как собственника всенародного достояния с каждым членом общества. Но и в правовых отношениях государственной собственности выступают: на одной стороне – социалистическое общество как целое, как единый всенародный коллектив, а на другой стороне – тежесоветские люди, ноуженев качестве единого целого, а в качестве членов социалистического общества.

Из сказанного следует, что, с нашей точки зрения, правоотношения собственности по своей структуре являются отношениями собственника как управомоченного, которому противостоят все подчиненные данному правопорядку лица как обязанные.

Но не противоречит ли это выдвинутому ранее положению о том, что правовые отношения являются способом *конкретизации* закрепляемых ими общественных отношений?

О какой конкретизации может идти речь, если в качестве обязанных в правоотношениях собственности выступают все вообще третьи лица?

Подобные сомнения возникают вследствие того, что, ориентируясь на правоотношения первого типа, исследователь под конкретным составом правоотношения понимает участие в нем отдельных, точно названных лиц. Но конкретность субъектного состава правоотношения выражается не в числе его участников, а в точной их *определенности*, каким бы ни было их число. Такая определенность существует и в правоотношениях второго типа, в частности в правоотношениях собственности. Закон достаточно определенно называет личность обязанного в правоотношениях собственности, когда он говорит: *каждый* обязан не посягать на принадлежащее данному субъекту право собственности. Никаких сомнений на этот счет не испытывает и практика. В самом деле, совершить правонарушение может лишь тот, кто нарушил свою обязанность. Но когда, например, кто-либо привлекается к ответственности за причинение вреда другому, суд и не ставит вопроса о том, лежала ли на нем обязанность не причинять вреда: раз такая обязанность лежит *на каждом*, то она лежала, естественно, и на правонарушителе.

Изложенное дает основание сформулировать первый вывод по поводу сходства и различия между правоотношениями двух типов. Сходство состоит в том, что правоотношение каждого типа конкретизирует закрепляемое им общественное отношение. Различие же состоит в том, что правоотношение первого типа конкретизирует соответствующее общественное отношение *индивидуальным методом*, путем указания лишь на какое-либо отдельное обязанное лицо (или отдельных обязанных лиц), а конкретизация в правоотношениях второго типа достигается *всеобщим методом*, путем возложения обязанности на всех.

Второй момент, который также имеет важное значение для анализа правоотношений собственности, *сводится к тому, что последними не исчерпываются правовые отношения, направленные на закрепление существующих в обществе экономических отношений*. Ввиду этого следует строго различать функции, выполняемые участниками правоотношений собственности, и функции, выполняемые теми же лицами, но уже как участниками *других* правоотношений.

В литературе неоднократно высказывалось утверждение, что обязанные субъекты *в правоотношении собственности* выполняют лишь одну функцию: они должны воздерживаться от посягательств на право собственности. Однако многие авторы решительно выступили против этого утверждения, заявив, что оно неприменимо к социалистической собственности. Особое внимание этому вопросу уделил Ю. К. Толстой, присовокупив к соображениям, которые высказывались ранее, некоторые новые аргументы. Попытаемся в них разобраться, сосредоточившись, в интересах краткости, лишь на государственной социалистической собственности.

Отметим прежде всего, что едва ли кто-либо стал бы отрицать лежащую на всех советских гражданах обязанность не посягать на всенародное достояние. Эту обязанность они выполняют в самих правоотношениях государственной собственности. Но на советских гражданах лежат и другие обязанности: они обязаны беречь и укреплять социалистическую собственность (ст. 131 Конституции), они несут также обязанность трудиться (ст. 12 Конституции), которой соответствует принадлежащее им право на труд (ст. 118 Конституции). Наличия у советских граждан всех этих обязанностей никто не отрицает. Спор идет не об их существовании, а о том, *элементами какого правоотношения эти обязанности являются* — элементами правоотношения государственной собственности или каких-либо иных правоотношений? Мы просили бы читателя постоянно иметь в виду это обстоятельство для того, чтобы если он и не согласится с нами, то, по крайней мере, смог бы правильно оценить отстаиваемую здесь точку зрения.

Итак, входят ли названные обязанности и соответствующие им права советских граждан в состав правоотношений государственной собственности?

Отвечая на этот вопрос положительно, обычно ссылаются на ст. 131 Конституции. Но в этой статье сказано: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую *собственность...*» (курсив мой. – О. И.). Собственность же и право собственности – не одно и то же. Собственность как основа экономического базиса общества опосредствуется не только правоотношениями собственности, но и многообразными иными правоотношениями. Какие же имеются основания утверждать, что, говоря об обязанности граждан беречь и укреплять социалистическую *собственность*, ст. 131 Конституции имела в виду их обязанность как участников правоотношений собственности, а не иных правоотношений, закрепляющих социалистическую собственность? Текст закона оснований для такого вывода не дает. Но, быть может, такой вывод обосновывается предложенным в литературе толкованием ст. 131 Конституции?

Рассмотрим то ее толкование, которое дано в работе Ю. К. Толстого. «...Советские люди, – пишет он, – берегут и укрепляют социалистическую собственность, совершая самоотверженные действия по предотвращению вреда, угрожающего социалистической собственности...»³⁷ Но тут же автор добавляет: «...Обязанность советских людей к совершению действий по предотвращению вреда, угрожающего социалистической собственности, несомненно охватывается содержанием ст. 131 Конституции СССР. Однако, за исключением случаев, указанных в законе, такая обязанность не может быть признана правовой, так как никакой юридической санкции на случай ее неисполнения не установлено»³⁸. Следовательно, этот случай прямого отношения к интересующему нас вопросу о характере *правовых обязанностей*, лежащих на участниках правоотношений социалистической собственности, не имеет.

«Советские люди, – продолжает Ю. К. Толстой, – берегут и укрепляют социалистическую собственность прежде всего своим самоотверженным трудом на благо Родины, активным участием в строительстве социализма»³⁹. Бесспорное положение! Но дело в том, что право на труд и обязанность трудиться, об осуществлении которых в данном случае идет речь, предусмотрены в качестве самостоятельных конституционных прав советских граждан. В литературе спорят о том, является ли право на труд субъективным правом или элементом правоспособности. Не сомневаясь в том, что это право опирается на социалистическую собственность, никто еще не включал его в *правоотношение собственности*. Однако к такому выводу приходит, по-видимому, Ю. К. Толстой, когда он пишет: «Основная особенность субъектного состава правоотношения государственной социалистической собственности состоит в том, что советские люди выступают в указанном правоотношении одновременно и в качестве управомоченных и в качестве обязанных... Выступая в качестве управомоченного, каждый член социалистического общества имеет право прилагать свой труд к общенародным средствам производства и требовать вознаграждения по количеству и качеству труда. В этом случае обязанным перед ним оказывается все общество. Выступая в качестве обязанного беречь и укреплять социалистическую собственность и, прежде всего, своим трудом умножать всенародное достояние, каждый член социалистического общества в свою очередь обязан перед всем обществом»⁴⁰.

Если бы мы согласились, что перечисленные права и обязанности действительно принадлежащие советским гражданам, входят в состав правоотношений государственной соб-

³⁷ Ю. К. Толстой, ук. соч. стр.28.

³⁸ Там же, стр.29.

³⁹ Там же, стр.28.

⁴⁰ Там же, стр.29–30.

ственности, а не других правоотношений, то мы должны были бы сделать следующие выводы.

Во-первых, мы должны были бы признать, что право на труд и обязанность трудиться не являются самостоятельными конституционными правами и обязанностями советских граждан, а представляют собой лишь один из элементов правоотношений государственной собственности. В действительности, однако, трудовые отношения регулируются в СССР не нормами о праве собственности, а нормами трудового права.

Во-вторых, если государство в самих отношениях собственности несет обязанности перед гражданами, то тогда право государственной собственности следовало бы трактовать как правообязанность государства. Но право собственности государства сочетается с его политическим верховенством, что исключает возможность трактовки этого права одновременно и как обязанности.

В-третьих, право в правоотношении собственности может принадлежать только самому собственнику. Собственником всенародного имущества в СССР является общество как целое, а не отдельные его члены. Право на труд же принадлежит каждому в отдельности члену социалистического общества. Если бы это право являлось элементом правоотношения собственности, каждого члена социалистического общества уже как такового, а не через общество в целом, пришлось бы признать собственником государственных имуществ.

Таким образом, попытка доказать, что в самом правоотношении государственной собственности каждый гражданин, выступая одновременно и в качестве управомоченного и в качестве обязанного, выполняет не только пассивную, но и активную функцию, не увенчалась успехом. Советские граждане наделены большим числом важнейших прав, они проявляют высокую активность в деле укрепления и развития социалистической собственности. Но и эти их права, и эта их активность составляют область других правовых институтов, а не права государственной собственности.

Да иначе и быть не может. Одна из специфических особенностей правоотношений собственности, как и всех других правоотношений второго типа, состоит в их длящемся, бессрочном характере. Совершенно очевидно, что нельзя требовать от обязанных лиц непрерывного совершения положительных действий. Этого можно требовать от них лишь при определенных условиях, указанных в законе и именуемых юридическими фактами. Но юридический факт, предусмотренный законом, порождает новое правоотношение. Следовательно, пока собственник остается в пределах правоотношений собственности, он не может от противостоящих ему обязанных лиц требовать ничего другого, кроме воздержания. Право на положительные действия он приобретает лишь при условии, что на основе правоотношений собственности и указанных в законе юридических фактов возникли какие-то иные правоотношения, и именно как участник этих последних правоотношений собственник приобретает право на положительные действия обязанных лиц.

Изложенное дает основание сформулировать второй вывод по поводу сходства и различия между правоотношениями двух типов. Сходство состоит в том, что правоотношение каждого типа точно определяет взаимное поведение его участников. Различие же состоит в том, что правоотношение первого типа может определить поведение обязанного лица и как активное и как пассивное, тогда как правоотношение второго типа определяет лишь пассивное поведение обязанных лиц. Для возложения же на обязанное лицо активной функции необходимо, чтобы между ним и управомоченным, на основе правоотношения второго типа и указанных в законе юридических фактов, возникло новое правоотношение – правоотношение первого типа.

3

В предшествующем изложении мы пытались показать, что правоотношение, рассматриваемое как явление надстроечное, представляет собой вид или форму, в которую облекается урегулированное правом общественное отношение. Из этого следует, что *материальное* содержание всякого правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется.

Наряду с материальным, правоотношение, как явление идеологического порядка, обладает и своим особым, относительно самостоятельным, *идеологическим* содержанием. При этом, поскольку нормы права реализуются посредством устанавливаемых на их основе правоотношений, поскольку, таким образом, нормы и правоотношения находятся в диалектической связи и единстве, их идеологическое содержание также должно быть единым. Таким содержанием является воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в возникающих в соответствии с ними правоотношениях. Что идеологическое содержание правоотношений нужно искать именно в волевом моменте, с непреложностью доказывается ленинской характеристикой идеологических отношений как отношений волевого характера⁴¹.

Наконец, правоотношение как *правовое* явление обладает и своим особым *юридическим* содержанием, которое, на наш взгляд, воплощается в субъективных правах и обязанностях его участников. В основу этого вывода положены следующие соображения.

Во-первых, подобно единству их идеологического содержания такое же единство должно быть присуще и юридическому содержанию права и правоотношений. Юридическое содержание норм права представлено сформулированными в них *общими* правилами поведения, которые в правоотношении приобретают значение *конкретных* правил, адресованных его участникам. Но желательное и должное поведение участников правоотношения фиксируется в их субъективных правах и обязанностях. Поэтому последние и составляют юридическое содержание правоотношения.

Во-вторых, специфика того или иного явления, отличающая его от других, смежных явлений, заключается в его содержании. Но специфика правового отношения в том и состоит, что его участники выступают в качестве носителей прав и обязанностей. Это обстоятельство также подтверждает обоснованность признания за правами и обязанностями значимости юридического содержания правоотношения.

В-третьих, содержание всякого явления должно сопутствовать ему от момента его возникновения до момента его исчезновения. Допустив противное, мы пришли бы к нелепому выводу о возможности существования бессодержательных явлений. Но именно права и обязанности его субъектов сопутствуют правоотношению непрерывно, а их изменение или прекращение влечет за собой изменение или прекращение самого правоотношения. Следовательно, и с этой точки зрения отстаиваемый взгляд на юридическое содержание правоотношения выдерживает испытание и проверку.

Тем не менее он разделяется далеко не всеми авторами. Еще в 1950 г., выступая при обсуждении доклада И. Л. Брауде в секторе гражданского права ВИЮНа, С. Н. Братусь указывал, что «...соотношение права и обязанности и есть само правоотношение, а тогда содержанием правоотношения будет поведение участвующих в нем лиц...»⁴². Правда, впоследствии С. Н. Братусь пришел к другому выводу, признав, что «между участниками пра-

⁴¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 61, 70.

⁴² «Советское государство и право», 1950, № 9, стр. 86.

воотношения устанавливается определенная связь, у них возникают определенные права и обязанности, составляющие содержание правоотношения»⁴³.

Однако в последние годы высказанное в свое время М. М. Агарковым мнение о том, что содержание правоотношения составляет поведение его участников⁴⁴, вновь получило поддержку в литературе. С особой решительностью его отстаивают обратившиеся к анализу процессуального правоотношения некоторые советские процессуалисты и, в частности, В. П. Мозолин. Усматривая основной недостаток даваемых в литературе определений советского гражданского процесса в том, «...что в них искусственно разобщены неразрывно связанные между собою явления – процессуальная деятельность субъектов процесса и процессуальные правоотношения», что «авторы указанных определений считают содержанием гражданского процесса одновременно и процессуальную деятельность субъектов процесса и возникающие между ними в ходе рассмотрения и разрешения судом гражданских дел процессуальные правоотношения...», – В. П. Мозолин вину за такое положение возлагает на распространенный в литературе взгляд, «...согласно которому в содержание правоотношений не включаются действия их субъектов»⁴⁵. Сам же он приходит к иному выводу. «...Под любым общественным отношением, – пишет В. П. Мозолин, – ...нужно понимать не только положение людей, которое они занимают при совершении действий, но вместе с тем и их взаимоотношения, проявляющиеся в совершении разного рода действий.

Действия людей составляют содержание всех без исключения общественных отношений»⁴⁶.

Мы должны прежде всего отметить, что не усматриваем неизбежной связи между теми определениями советского гражданского процесса, которые В. П. Мозолин признает ошибочными, и критикуемым им взглядом на юридическое содержание правоотношения. Сторонники этого взгляда вовсе не исключают поведения людей из их взаимных отношений, но, считая поведение необходимым элементом правоотношения, не признают его лишь содержанием последнего. Поэтому, опираясь на данную теорию, трудно, если не невозможно, доказать, что процессуальные правоотношения и процессуальная деятельность существуют как разобщенные явления. Этого, кстати сказать, не утверждают и такие процессуалисты, как С. Н. Абрамов и А. Ф. Клейнман, хотя они и различают понятия процессуальных правоотношений и процессуальной деятельности⁴⁷.

Мы не можем также согласиться и с общетеоретическим выводом В. П. Мозолина о том, что *юридическое* содержание правоотношения образует поведение его субъектов.

Известно, что поведение само по себе лишено каких-либо правовых признаков и приобретает их лишь вследствие указаний на юридическую значимость соответствующего поведения, содержащихся в нормах права. В частности, действия субъектов правоотношения приобретают юридическое значение только потому, что они совершаются в целях осуществления субъективных прав и в порядке выполнения обязанностей. Как же в таком случае сами эти действия могут воплощать в себе юридическое содержание правоотношения? И не потому ли В. П. Мозолин вынужден в конце концов заявить, что «...содержанием правоотношений будут не только сами действия субъектов правоотношений, но вместе с тем

⁴³ Советское гражданское право, под ред. С. Н. Братуся, 1960, стр. 49.

⁴⁴ См. М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву, 1940, стр. 22, 23. См. также стр. 71 написано Щ. М. Генкиным главы о правоотношении учебнике гражданского права для вузов, изд. 1944, ч. 1. Но уже в следующем издании учебника (ч. I, 1951, стр. 108, 109) Д. М. Генкин называет в качестве содержания правоотношения права и обязанности субъектов.

⁴⁵ В. П. Мозолин ук. соч., стр. 50.

⁴⁶ Там же, стр. 52.

⁴⁷ См. С. Н. Абрамов. Советский гражданский процесс, 1952, стр. 6; А. Ф. Клейнман. Советский гражданский процесс, 1954, стр. 8–9.

и те права и обязанности, предоставленные законом, на основании которых субъекты правоотношений могут совершать свои действия»⁴⁸? В результате получается, что правоотношения обладают двойным юридическим содержанием: его составляют и поведение субъектов, и права и обязанности последних. Но тогда первое содержание по крайней мере подчинено второму, ибо действия совершаются *в соответствии с* правами и обязанностями! Значит, и с этой точки зрения решающее значение для содержания правоотношения имеют права и обязанности его участников, а не поведение последних?

Но дело не только в этом. Как уже отмечалось, содержание любого явления должно сопутствовать ему на всем протяжении его существования. Соответствует ли этому требованию поведение субъектов правоотношения? Возьмем то же процессуальное правоотношение. Оно возникает с момента предъявления иска и прекращается в момент исполнения судебного решения. Как же быть с содержанием процессуального правоотношения в те периоды его существования, когда никакие связанные с ним процессуальные действия не совершаются? Если бы мы сказали, что и в этом случае речь должна идти о действиях, то тогда следовало бы признать, что правоотношение временно лишено своего содержания. Чтобы выйти из этого положения, иногда указывают, что в таких случаях нужно говорить не о реальных, а лишь о возможных действиях. Но юридическая возможность и необходимость совершения определенных действий – это и есть не что иное, как права и обязанности. Поэтому они, и только они, могут быть признаны юридическим содержанием правоотношения.

Если, однако, в вопросе о содержании правоотношения большинство авторов в настоящее время сходится на том, что его образуют субъективные права и обязанности, то при определении сущности самих субъективных прав и обязанностей тех же авторов нередко разделяют весьма существенные разногласия, особенно резко проявляющиеся в характеристике понятия субъективного права. На этот счет в литературе были выдвинуты два различных взгляда. Одни авторы в формулируемых ими определениях субъективного права придают решающее значение возможному или дозволенному поведению самого управомоченного. «...Субъективное право, – пишет С. Н. Братусь, – это мера возможного поведения данного лица, обеспеченная законом и тем самым соответствующим поведением обязанных лиц»⁴⁹. Другие же авторы, напротив, говоря о понятии субъективного права, переносят центр тяжести на обеспеченность возможного поведения управомоченного поведением обязанных лиц. Мы также склонялись к этой позиции, считая: что «...субъективное право есть юридическое средство обеспечения определенного поведения обязанных лиц, обуславливающее для управомоченного... возможность совершения его собственных действий»⁵⁰.

Переходя от абстрактных определений к их проверке на материалах конкретных правоотношений, нельзя не заметить, что последнее определение ориентируется главным образом на правоотношения первого типа, в которых управомоченному противостоит отдельное обязанное лицо, выполняющее активную функцию. Так, если взять заемное обязательство и попытаться подвергнуть анализу субъективное право кредитора с точки зрения его понимания как меры возможного поведения, то окажется, что эта мера сводится единственно к возможности требовать уплаты долга, т. е. требовать совершения определенных действий должником. Не подлежит как будто бы сомнению, что в этих случаях сущность субъективного права состоит не в мере возможного поведения самого управомоченного, а в том поведении обязанных лиц, на которое он вправе притязать.

⁴⁸ В. П. Мозолин, ук. соч. стр.53.

⁴⁹ С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права, 1950, стр. 13.

⁵⁰ О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву, стр.53.

Но как только мы обращаемся к правоотношениям второго типа, в которых управомоченному противостоят в качестве обязанных все лица, выполняющие пассивную функцию, становится затруднительным отстаивать тот взгляд, будто сущность субъективного права состоит не в том, что может делать сам управомоченный, а в том, что он вправе требовать от обязанных лиц. Так, если взять правоотношение собственности и подвергнуть его анализу с точки зрения подобного понимания субъективного права, то окажется, что от обязанных лиц собственник вправе требовать всего лишь воздержания, между тем как сам он может владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Не подлежит как будто бы сомнению, что в этих случаях сущность субъективного права состоит не в том, что должны делать обязанные лица, а в том, что может делать сам управомоченный, т. е. в мере возможного поведения управомоченного.

В действительности, однако, сущность субъективного права является единой, как бы ни отличались друг от друга правоотношения различных типов. Эта единая сущность и должна быть выражена в едином определении.

Мы думаем, что оба приведенных определения субъективного права страдают известной односторонностью и не учитывают всего многообразия связей, характерных для правоотношения, одним из элементов которого субъективное право является.

Всякое правоотношение представляет собой связь, во-первых, между его субъектами и, во-вторых, между последними и государством⁵¹.

Связь участников правоотношения с государством выражается не только в том, что государство обеспечивает осуществление правоотношения в принудительном порядке, но также в том, что установленные или санкционированные им правовые нормы определяют круг и характер прав и обязанностей участников правоотношения. Признавая за гражданином субъективное право, государство тем самым указывает, в каких пределах, в какой мере оно считает дозволенным совершение определенных действий управомоченным. Если управомоченный действует в этих пределах, его действия получают защиту со стороны государства. Напротив, он лишается государственной защиты, а иногда лишается и самого субъективного права, если выйдет за пределы установленной государством меры дозволенного поведения. Эта сторона связи, характерная для правоотношения, получает свое теоретическое отражение в понимании субъективного права как меры возможного поведения.

Но одно дело – позиция, которую управомоченный занимает, по отношению к государству, и совершенно иной характер приобретает позиция того же управомоченного по отношению к обязанному лицу.

Если бы субъективное право представляло собой только меру дозволенного управомоченному поведения, то не было бы никакой нужды для обеспечения его осуществления возлагать на других лиц какие-либо обязанности. Дозволенность поведения вытекала бы из самого факта ее государственного признания, и тогда субъективное право действительно могло бы существовать вне правоотношения. Это прекрасно понимают авторы, допускающие подобную возможность. Так, В. И. Серебровский, присоединяясь к теории С. Н. Братуся, пишет: «Исходя из этого понимания субъективного гражданского права, нет оснований не признавать субъективными гражданскими правами принадлежащие данному лицу на основании закона правомочия, заключающиеся в возможности – путем одностороннего волеизъявления – создания, изменения или прекращения правоотношений, причем *таким правомочиям не противостоит ничья конкретная обязанность*»⁵².

На самом деле фактическое совершение управомоченным тех действий, возможность которых за ним государством признана, зависит также и от его взаимоотношений с дру-

⁵¹ См. Н. Г. Александров, ук. соч. стр.99–100.

⁵² В. И. Серебровский. Очерки советского наследственного права. Изд. АН СССР, 1953, стр.49(курсивом. – О.И.).

гими лицами, зависит от поведения этих лиц, от того, совершат ли они действия, необходимые для осуществления принадлежащего управомоченному субъективного права. Поэтому, предоставляя гражданину субъективное право, государство признает за ним не только определенную меру дозволенного ему самому поведения, но и возможность требовать определенного поведения от других, обязанных лиц. И если по отношению к государству субъективное право выступает в качестве меры дозволенного поведения, то по отношению к обязанным лицам оно выступает в качестве возможности требовать определенного поведения с их стороны.

Конечно, обе эти стороны субъективного права тесно между собой связаны. Именно потому, что государство дозволяет совершение известных действий управомоченному, он может требовать определенного поведения от обязанных, как и, в свою очередь, соблюдение обязанными предписанного для них поведения необходимо для совершения управомоченным дозволенных ему действий. Но какова бы ни была их взаимосвязь, для государства субъективное право есть мера дозволенного им поведения, а для обязанных лиц оно является требованием о выполнении лежащей на них обязанности.

Оба отмеченных момента характеризуют субъективное право вообще, независимо от того, элементом правоотношения какого типа оно является. Однако для практического осуществления субъективных прав названные моменты в правоотношениях различных типов имеют далеко не одинаковое значение.

В правоотношениях первого типа, например в обязательственных правоотношениях, должное поведение обязанных лиц необходимо не только для охраны субъективного права, но и для его осуществления, так как именно обязанные лица совершают те положительные действия (передают вещь, уплачивают долг, производят работы и т. п.), которые приводят к удовлетворению интересов управомоченного. Здесь, следовательно, центр тяжести субъективного права лежит в том поведении обязанных лиц, на которое управомоченный может притязать.

В правоотношениях второго типа, например в правоотношениях собственности, должное поведение обязанных лиц, выполняющих пассивную функцию, необходимо лишь для охраны субъективного права, а для его осуществления решающее значение имеют действия самого управомоченного, который совершает их (например, владеет, пользуется, распоряжается имуществом) в целях удовлетворения своих законных интересов. Здесь, следовательно, центр тяжести субъективного права лежит в возможных действиях самого управомоченного.

Вместе с тем, не следует забывать, что и в правоотношениях первого типа положительные действия управомоченного также имеют, нередко, весьма существенное значение. Так, например, для удовлетворения интересов нанимателя в договоре имущественного найма необходима не только передача ему вещи наймодателем (положительные действия должника), но и использование ее нанимателем (положительные действия кредитора).

С другой стороны, когда, имея в виду правоотношения второго типа, мы говорим, например, о том, что собственник сам использует свое имущество, то по отношению к собственности на основную массу средств производства это ведь не более, чем теоретическая абстракция, ограничивающаяся лишь *правоотношениями* собственности. В действительности же производительное использование средств производства осуществляется благодаря деятельности работников производства. В капиталистическом обществе они не являются собственниками средств производства. В условиях социализма работник производства является собственником средств производства не как таковой, а через всенародный советский коллектив. Таким образом, для осуществления своих правомочий собственник средств производства вступает в разнообразные иные правоотношения с лицами, положительная деятельность которых приобретает для него решающее значение.

Ввиду этого, мы полагаем, что в общей характеристике понятия субъективного права нужно учитывать его значение и в качестве меры возможного поведения самого управомоченного и в качестве средства обеспечения должного поведения обязанных лиц⁵³. Тогда мы получим такое определение субъективного права, которое будет применимым в равной степени к правоотношениям различного типа и позволит вместе с тем в процессе анализа каждого отдельного правоотношения выявить, какой из моментов, характеризующих субъективное право, является существенно важным в данном конкретном случае.

⁵³ Н. Г. Александров предлагает различать в субъективном праве не две, а три возможности: вид и меру возможного поведения его обладателя, возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц, возможность прибегнуть в необходимых случаях к принудительной силе государственного аппарата (см. *цит. соч.*, стр. 108–109). Разумеется, в определении субъективного права должно быть указано на его обеспеченность принудительной силой государства. Но санкция, которой снабжается субъективное право, выступает в нем именно как государственная обеспечительная мера, которую нельзя ставить в один ряд с обеспечиваемой ею дозволенностью поведения и возможностью требовать определенного поведения от обязанных лиц.

4

Едва ли не самым спорным в общем учении о правоотношении является вопрос об объекте правоотношения. Правда, теперь уже почти не приходится встречаться с поддержкой в литературе тезиса о том, что объект – не элемент, а всего лишь возможная, хотя и не необходимая, предпосылка правоотношения⁵⁴. Все как будто бы согласны с тем, что безобъектных прав и правоотношений существовать не может. Все реже также в печати воспроизводится имевшее в прошлом широкое распространение определение объекта, которое гласило: «Объектом права называется то, по поводу чего субъекты права вступают в правоотношение...»⁵⁵. Теперь почти везде объект определяется как то, на что направлено правоотношение, на что направлены права и обязанности его субъектов⁵⁶. Но вопрос о том, какие явления внешнего мира могут выступать в качестве объектов правоотношения, продолжает оставаться остро дискуссионным.

Еще в 20-х годах в работе «Советское хозяйственное право», а также в некоторых предшествовавших ее опубликованию статьях Я. М. Магазинер высказал мысль о том, что единственно возможным объектом правоотношения является поведение людей. Признавая правильной эту идею, мы пытались в работе, опубликованной в 1949 г. («Правоотношение по советскому гражданскому праву», гл. IV), привести дополнительные аргументы в ее обоснование. Она получила поддержку и в других литературных источниках – как в советских⁵⁷ так и в некоторых работах юристов стран народной демократии⁵⁸. Отдельные авторы испытывали в ее оценке значительные колебания. Так, Н. Г. Александров в 1950 г. говорил, что правильно определять «...объект как то, на что воздействует правоотношение. Правоотношение же воздействует всегда на обязанное лицо. Поэтому объектом правоотношения является поведение людей, участвующих в данном правоотношении»⁵⁹. В 1954 г. Н. Г. Александров выступил против этой точки зрения, заявив, что «...объектом права является... имущество...» и что «...теория, отбрасывающая имущественные объекты, воспроизводит буржуазную теорию, согласно которой все граждане, и бедняк и капиталист, имеют равные права, поскольку объект права – не имущество, а действие или воздержание от действий, и, следовательно, уже не имеет значения вопрос о том, какая собственность у бедняка и у капиталиста»⁶⁰. Наконец, многие авторы выступили с самого начала со всей решительностью против теории объекта как действия обязанного лица.

Многочисленные возражения, накопившиеся за истекшие годы, сводятся в основном к следующему.

а) Теория действия не представляет собой чего-либо нового, а воспроизводит соответствующую буржуазную «теорию», направленную на затухивание эксплуататорской сущности капиталистических отношений, прежде всего эксплуататорской сущности капиталистической собственности (Н. Г. Александров)⁶¹.

⁵⁴ См. Гражданское право, т. 1, 1944, стр. 71.

⁵⁵ А. Голунский и М. Строгович. Теория государства и права, 1940, стр. 227.

⁵⁶ См. «Советское гражданское право», под ред. Д. М. Генкина, т. 1, Юриздат, 1950, стр. 109; «Советское гражданское право», под ред. С. Н. Братуся, 1950, стр. 55.

⁵⁷ См. «Советское гражданское право», под ред. Д. М. Генкина, т. 1, Юриздат, 1950, стр. 110–111; «Теория государства и права», под ред. М. П. Каревои Г. И. Федькина, Юриздат, 1955, стр. 417.

⁵⁸ См. В. Knapp. Собственность в странах народной демократии, Изд. ИЛ, 1954, стр. 30; G. Dornbergeru. a. Das Zivilrecht der DDR, allgemeiner Teil, 1954, S. 134.

⁵⁹ «Советское государство и право», 1950, № 9, стр. 85.

⁶⁰ «Советское государство и право», 1954, № 6, стр. 120.

⁶¹ См. там же.

б) Эта теория, объявляя объектом права поведение, фактически превращает в объект самого человека, что находится в явном противоречии с подлинной сущностью социалистических общественных отношений и социалистического демократизма (И. В. Павлов)⁶².

в) Она не учитывает того, что «...нельзя отрывать производственные отношения от объектов правоотношений. Производственные отношения – это прежде всего отношения по поводу средств производства. В юридических отношениях средства производства – это объекты правоотношений» (Н. Г. Александров)⁶³.

г) Неубедительны и аргументы, приводимые в обоснование этой теории, сводящиеся к тому, что объектом правового воздействия может быть лишь поведение людей. За этими аргументами, «...по-видимому, скрывается неправильное распространение бесспорного положения, что правоотношение возможно только между людьми, также и на понятие “воздействия”. Между тем “воздействие” есть отношение фактическое; “воздействовать” можно и на вещь (например, посредством использования, уничтожения вещи и т. д.)» (И. Б. Новицкий)⁶⁴.

д) Теория действия не выдерживает критики с практической точки зрения. «Когда мы говорим об объекте правоотношения, надо прежде всего исходить из потребностей практики. А с этой точки зрения объектом права собственности явится всегда вещь, а не воздержание» (С. Н. Братусь)⁶⁵.

Обратимся к анализу этих возражений. Верно ли, что теория действия в том виде, в каком ее формулируют советские авторы, воспроизводит одноименную буржуазную теорию? Если Н. Г. Александров приходит к такому выводу только потому, что о действии как единственно возможном объекте говорили некоторые буржуазные ученые, то и взгляд на объект, им отстаиваемый, мог бы вызвать аналогичные упреки. Действительно, многие буржуазные авторы признают объектом правоотношений только имущество, вещи. Мы далеки, однако, от мысли упрекать Н. Г. Александрова в воссоздании буржуазных концепций, ибо отдаем себе ясный отчет в том, что основной аргумент о неразрывной связи правоотношений с производственными отношениями как отношениями людей по поводу средств производства он не мог заимствовать ни у Вендта, ни у Леонгарда, ни у других буржуазных юристов. Но разве буржуазные юристы, выдвигавшие концепцию объекта-действия, полагали в ее основу общефилософское понимание объекта в марксизме, систему связи между нормами права, идеологическими отношениями, производственными отношениями и производственной деятельностью людей, т. е. все те социально-политические, методологические и практические аргументы, авторами которых являются советские, и только советские, юристы? Какое же здесь заимствование?

Конечно, концепция объекта-действия служит в буржуазной юриспруденции маскировочным целям. Ну, а концепция объекта-вещи той же буржуазной юриспруденции служит иным, разоблачительным целям? У бедняка право на действие и у капиталиста право на действие, следовательно они равны, – так критикует эту теорию Н. Г. Александров. Но если бы мы то же самое сказали о вещи («у бедняка право на вещь и у капиталиста право на вещь»), Н. Г. Александров, вероятно, потребовал бы, чтобы было указано, о каких именно вещах идет речь, – закономерный вопрос в устах советского юриста-марксиста, отстаивающего свою собственную, ни у кого не заимствованную теорию объекта-вещи! Но ведь тот же вопрос нужно ставить и в отношении действия! На какие действия трудящихся приобретает право капиталист? На их трудовую деятельность, создающую капиталисту прибавочную стои-

⁶² См. там же, № 1.

⁶³ Там же, № 6, стр. 120.

⁶⁴ И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. *Общее учение об обязательстве* Юриздат, 1950, стр. 44.

⁶⁵ «Советское государство и право», 1950, № 9, стр. 86.

мость, – закономерный ответ в устах советских юристов-марксистов, отстаивающих свою собственную, ни у кого не заимствованную теорию объекта-действия! Далее, верно ли, что, признав объектом правоотношения поведение обязанного лица, мы тем самым превращаем в объект самого человека? Предполагая возможность подобного упрека, мы отмечали в свое время, что, во-первых, человек и его поведение – не одно и то же; во-вторых, объектом каждого данного правоотношения является не поведение человека в целом, а лишь то единичное действие или их совокупность, на которые вправе притязать управомоченный; в-третьих, даже авторы, не разделяющие данной теории, не могут не признать, что в ряде случаев объектом правоотношения бесспорно являются действия⁶⁷, что было бы невозможно, если бы подобная позиция приводила к превращению в объект права самого человека⁶⁸. Все эти соображения не произвели впечатления на И. В. Павлова. Во всяком случае он их обходит молчанием. К ним следует, однако, присовокупить ссылку еще на одно в высшей степени важное обстоятельство. Сторонники теории объекта-действия считают, что поскольку правоотношения являются не отношениями человека к вещи, а отношениями между людьми, то и их объектом может быть лишь поведение людей, а не вещи. Стало быть, необходимой предпосылкой признания поведения объектом является признание носителя этого поведения – человека субъектом права. В тех же общественно-экономических формациях, в которых человек объявлялся объектом права, он приравнивался к вещи, а не к поведению. *Servi res sunt*, – говорили римляне. В буржуазной юриспруденции человека также иногда объявляли объектом права те авторы, которые основное место среди правовых объектов отводили вещам. Так, среди четырех групп объектов, перечисленных Беккером, на первом месте фигурируют люди⁶⁹, а Барон делит все возможные объекты правоотношения на две группы: «а) собственная личность каждого человека... б) все, что следует отличать от личности управомоченного...»⁷⁰, куда относятся и вещи. Все эти обстоятельства нужно принять во внимание, прежде чем выдвигать против теории объекта-действия обвинения, которые с гораздо большим успехом могли бы быть выдвинуты против теории объекта-вещи.

Наконец, верно ли, что сторонники теории объекта-действия неправильно трактуют понятие «воздействия», забывая, что оно носит не правовой, а лишь фактический характер? Воздействие может быть, конечно, и фактическим. Но право тоже оказывает воздействие на те общественные явления, на которые оно направлено, и такое воздействие безусловно является юридическим, а не фактическим. Когда И. Б. Новицкий говорит, что на вещь нельзя воздействовать юридически, но на нее можно воздействовать фактически, посредством использования, уничтожения и т. п., то он тем самым лишь подтверждает то, что стремятся доказать авторы критикуемой им теории, а именно, что вещь является не объектом права, а объектом действий человека.

Мы останавливались пока лишь на тех возражениях, которые, по всей вероятности, не могут поколебать отстаиваемого здесь взгляда на объект правоотношения. Иначе обстоит дело с двумя другими, из числа приведенных ранее, возражениями – с указанием Н. Г. Александрова на то, что поскольку производственные отношения являются отношениями людей по поводу средств производства, этот факт должен получить отражение и в правоотношении, а также с указанием С. Н. Братуся на то, что практически невозможно признать, например, объектом права собственности не вещи, а воздержание обязанных лиц. Действительно, сторонники теории объекта-действия концентрировали главное внимание на доказывании

⁶⁷ Совсем недавно это обстоятельство вновь было отмечено в литературе таким противником рассматриваемой здесь теории, как М. В. Гордон, который признал, что «при рассмотрении отдельных категорий правоотношений оказывается, что таким объектом могут быть иногда только действия людей» (М. В. Гордон. Советское авторское право, 1955, стр. 57).

⁶⁸ См. О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву, стр. 86–87.

⁶⁹ См. E. Bekker. System des heutigen Pandektenrechts, Weimar, 1866, S. 62.

⁷⁰ I. Baron. Pandekten. Leipzig, 1887, S. 32.

основного тезиса, гласящего, что объектом правоотношения может быть поведение, и только поведение, людей. Необходимо, однако, ответить и на другой вопрос: какое же в таком случае место в правоотношении занимают вещи, если они не являются его объектом? Вопрос этот важен для правоотношений собственности и других имущественных правоотношений, связь которых с вещами бесспорна.

Говоря о содержании правоотношения, мы отмечали, что ему присуще материальное, идеологическое и юридическое содержание. Но так как всякое явление воздействует на определенный объект своим содержанием, то у правоотношения должен быть не только юридический, но также идеологический и материальный объект.

Юридическое содержание правоотношения образуют права и обязанности его субъектов, а юридическим объектом правоотношения будет то, на что эти права и обязанности направлены. Субъективное право, предоставленное управомоченному, определяет меру дозволенного поведения. Направлено же оно на то поведение обязанного лица, на которое вправе притязать управомоченный. То же самое поведение выступает и в качестве объекта, на который направляется обязанность. Следовательно, поведение обязанного лица является объектом субъективных прав и обязанностей, а значит, и объектом правоотношения.

Идеологическое содержание правоотношения образует воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в субъективных правах и обязанностях, принадлежащих участникам правоотношения. В норме права воля господствующего класса выражается в форме общеобязательного правила поведения. В субъективных правах и обязанностях она выражается в форме определения государством возможного и должного поведения их носителей. Тем самым воля отдельных лиц как участников правоотношения ставится в подчинение воле господствующего класса. Воля этих лиц является идеологическим объектом правоотношения.

Нетрудно заметить, какое существенно различное значение для правоотношения имеет его юридический и его идеологический объект. Управомоченный имеет право на определенное поведение обязанного лица (юридический объект), но не на его волю (идеологический объект). Воля субъектов правоотношения не является объектом их взаимных притязаний, а выступает в качестве объекта воздействия со стороны норм объективного права, которое последние осуществляют посредством правоотношения.

Следует при этом иметь в виду, что нормы права воздействуют на волю людей не только при помощи правоотношений, но и самим фактом своего существования. Взять хотя бы воспитательное воздействие норм советского социалистического права. Совершенно очевидно, например, что воспитательное значение норм уголовного права проявляется не только после совершения преступления и не только по отношению к преступникам, но и по отношению ко всем честным советским людям уже хотя бы потому, что эти нормы вселяют в них уверенность в том, что ни одно преступление не может остаться безнаказанным, что с преступлениями социалистическое общество ведет борьбу самым решительным образом. Однако специфика правового воздействия на волю людей посредством правоотношений состоит в том, что в этом случае оно осуществляется не просто путем провозглашения общеобязательных правил поведения, а путем предоставления на основе таких правил субъективных прав и возложения обязанностей на конкретных лиц.

Материальное содержание правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется. Общественное отношение, регулируемое нормами права, может и не иметь своего материального объекта, примером чему могли бы служить родственные отношения. Тогда материальный объект отсутствует и в правоотношении. Далее, некоторые общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования, сами носят идеологический характер. Объект таких общественных отношений также является идеологическим по своей природе, но он уже воплощается в определенной материальной форме.

Таковы, например, общественные отношения, возникающие в результате авторского творчества создателей произведений науки, литературы и искусства. Объектом таких отношений является творческая мысль автора, при том, однако, непременном условии, что она получила объективное выражение, т. е. определенное материальное воплощение. В этом смысле мы можем говорить, что отношения такого рода имеют свой материальный объект, являющийся вместе с тем и материальным объектом соответствующего правоотношения. Наконец, те общественные отношения, которые имеют решающее значение, – отношения общественного производства – обладают своим материальным объектом, каковым являются средства производства. Когда такие отношения подвергаются правовому регулированию, то их объект (средства производства) становится материальным объектом правоотношения.

Этим и определяется значение вещей в правоотношениях. Если данное правоотношение так или иначе связано с вещью, то вещь выступает в качестве его материального объекта.

Юридический и материальный объекты также имеют для правоотношения существенно различное значение. На юридический объект (поведение обязанных лиц) правоотношение воздействует непосредственно. На вещи (материальный объект) правоотношение может воздействовать не непосредственно, а лишь через поведение его участников. Именно таким путем социалистическое право выполняет свою активную роль в обеспечении неуклонного роста социалистического производства путем как создания новых, так и максимально эффективного использования наличных технических средств. Создают новую и новейшую технику и используют ее люди, а не право. Но, воздействуя на поведение людей как участников правоотношений, нормы права обеспечивают такое направление их деятельности, которое необходимо для дальнейшего развития и роста социалистического производства. Разграничивая юридический и материальный объекты в теории, мы получаем, таким образом, возможность правильно определить столь важные для практики формы активного воздействия норм права и правоотношений на базис социалистического общества, а также на социалистическое производство.

Наряду с этим разграничение юридического и материального объектов важно и для решения практических вопросов сугубо правового характера. Если бы дело ограничивалось только материальным объектом, это нередко приводило бы к тому, что существенно различные по своему характеру правоотношения имели бы один, и тот же объект. Представим себе, например, что собственник вещи сдал ее внаем, а наниматель передал эту вещь во временное пользование поднанимателю. Перед нами три вида правоотношений: правоотношения собственности, найма и поднайма. Их материальным объектом является одна и та же вещь. Но их юридические объекты различны, поскольку управомоченные субъекты каждого из перечисленных правоотношений могут притязать на различные действия обязанных лиц. Именно таким путем различные виды правоотношений могут быть разграничены не только по их содержанию, но и по их объектам.

Необходимо, наконец, обратить внимание и еще на одно весьма существенное обстоятельство. Дело в том, что не все общественные отношения, регулируемые правовыми нормами, имеют свой материальный объект. Поэтому если бы в качестве объекта правоотношения мог выступать только материальный объект, пришлось бы признать, что в ряде случаев правоотношения, а стало быть, и заключенные в них права и обязанности являются безобъектными. Известно, что к подобному выводу оказались вынужденными прийти авторы, которые считали, что вещь является единственно возможным объектом правоотношения. Но право без объекта, право, которое ни на что не направлено, – какое же это право? В действительности же дело обстоит таким образом, что у правоотношения может отсутствовать материальный объект, если его нет у регулируемого правом общественного отношения, но в то же время всякое правоотношение всегда имеет свой юридический объект – то поведение обязанного лица, на которое может притязать управомоченный. Таким образом, лишь

путем разграничения материального и юридического объектов мы раз и навсегда избавляемся от лишнего какого бы то ни было смысла вывода о возможности существования безобъектных правоотношений.

Так обстоит дело со значением вещей для правоотношений, которое, как видно из сказанного, ни в какой мере не умаляется вследствие признания за поведением людей значения *юридического* объекта правоотношений.

Попытаемся теперь под этим углом зрения подвергнуть хотя бы краткому анализу суждения об объекте права, высказанные Н. Г. Александровым в его работе «Законность и правоотношения в советском обществе», оставляя при этом в стороне критические замечания автора против теории объекта-действия, поскольку они были рассмотрены ранее.

Автор признает, что «волевое поведение людей как участников общественных отношений... является объектом воздействия для правовых норм...»⁷¹. Поскольку в другом месте он указывает, что «...все нормы права реализуются в общественной жизни через правоотношения»⁷², следует прийти к выводу, что, с точки зрения Н. Г. Александрова, поведение является также объектом воздействия со стороны правоотношения. Почему же в таком случае нельзя признать поведение объектом правоотношения? Оказывается потому, что, во-первых, «...вопрос об объекте правового воздействия не следует смешивать с совершенно другим вопросом, лежащим в иной плоскости, а именно – с вопросом о внешнем объекте (предмете) поведения людей...»⁷³; во-вторых, «наше действующее законодательство, – имеется в виду гл. III ГК РСФСР, именуемая “Объекты прав (имущества)”», – О. И., – термин “объект права” применяет не в смысле объекта правового воздействия (правового регулирования), а только в смысле внешнего объекта поведения участников имущественных отношений»⁷⁴; в-третьих, объект в этом смысле свойственен лишь имущественным отношениям и является главным признаком их отграничения от отношений неимущественных⁷⁵.

Необходимо прежде всего отметить, что объект в том смысле в каком его понимает Н. Г. Александров, свойственен не только имущественным правам. Взять хотя бы право автора на неизменность его произведения. Неимущественный характер этого права сомнений не вызывает. Но у такого права есть свой внешний объект, каковым является не вещь, а авторское произведение. Из этого следует, что наличие внешнего объекта не является специфическим признаком только имущественных отношений и что даже *внешним* объектом правоотношения не обязательно должны быть только вещи (имущества). Из этого следует далее, что выводы о так называемом внешнем объекте нельзя базировать всецело и исключительно на главе III Гражданского кодекса. Во-первых, в ней речь идет лишь об объектах имущественных отношений, ибо Гражданский кодекс, как известно, личных неимущественных прав вовсе не касается, а потому и не предпринимает вопроса об их объектах; во-вторых, эта глава действительно говорит о внешнем (или, как мы бы сказали, материальном), но не о юридическом объекте правоотношения, а потому и не может служить решающим доказательством в пользу признания или, наоборот, отклонения той или иной точки зрения по данному вопросу.

Но что собой представляет внешний объект правоотношения в трактовке Н. Г. Александрова? Автор прямо говорит, что он имеет в виду не объект права, а объект поведения людей⁷⁶. Как же, однако, быть с объектом права или, как мы его называем, с юридиче-

⁷¹ Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе, стр.116.

⁷² Там же, стр.92.

⁷³ Там же, стр. 116–117.

⁷⁴ Там же, стр. 117.

⁷⁵ См. там же.

⁷⁶ См. там же, стр. 117, 119.

ским объектом правоотношения? С точки зрения Н. Г. Александрова, надлежало бы прийти к выводу, что такого объекта вообще не существует, что у правоотношений нет своего объекта, что у них в лучшем случае имеется внешний объект, который к тому же является не объектом правоотношения, а объектом поведения его участников.

Пусть теперь судит читатель, какой взгляд является, по выражению Н. Г. Александрова, глубоко ошибочным⁷⁷ – взгляд, который признает поведение юридическим, а вещи материальным объектом правоотношения, или взгляд, который объявляет все неимущественные отношения безобъектными, признавая наличие объекта только в имущественных отношениях, да и то лишь в качестве объекта поведения, но не объекта права?

⁷⁷ См.там же, стр.118.

5

Обычно принято в общей характеристике элементов правоотношения относить к их числу и тех субъектов, между которыми правоотношение устанавливается. Вместе с тем против этого иногда возражают, ссылаясь на то, что правоотношение есть отношение между людьми, а потому сами люди не могут быть элементами правоотношения. Но этот спор едва ли имеет под собой какую-либо принципиальную основу. Так, например, в учебнике политической экономии говорится, что «производительные силы выражают *отношение* людей к предметам и силам природы, используемым для производства материальных благ»⁷⁸. Это обстоятельство не препятствует, однако, признанию того, что в состав производительных сил общества входят, наряду с орудиями производства, «...люди, приводящие в движение эти орудия и осуществляющие производство материальных благ благодаря производственному опыту и навыкам к труду...»⁷⁹. Но если люди вообще могут входить в состав отношений, в которых они участвуют (например, в состав отношений к предметам и силам природы), то почему же такая возможность исключается для правоотношений? С другой стороны, как ни именовать субъекта правоотношений, никакого влияния на характер исследования данной проблемы это обстоятельство оказать не может. Изучение правоотношения обязательно предполагает, наряду с анализом всех других его элементов, также и исследование правового положения его субъектов.

Известно, что в науке гражданского права принято различать категории правоспособности и дееспособности, а так как для обладания большинством гражданских прав достаточно одной лишь правоспособности, многие цивилисты приходят к выводу, что правоспособность и правосубъектность понятия тождественные. Этот тезис, который мог бы получить некоторое обоснование в пределах гражданского права, был, однако, подвергнут известной генерализации в работах по теории права. Так Н. Г. Александров говорит уже общим образом о том, что «признаваемая государством за отдельным человеком или коллективом способность быть субъектом правоотношений называется *правоспособностью* или *правосубъектностью*»⁸⁰.

Ход рассуждений, приводящий к подобному выводу, примерно таков: субъекты права – это лица, которые признаются способными иметь права и обязанности; но способность иметь права и обязанности называется правоспособностью; следовательно, правосубъектность и правоспособность – понятия равнозначные.

Мы не можем, однако, согласиться с этим выводом по следующим соображениям.

Во-первых, одной только правоспособности достаточно лишь для обладания некоторыми, например гражданскими (имущественными), правами. Для того же, чтобы быть носителем многих других прав (избирательских, брачных и т. п.), необходимо наличие не только право-, но и дееспособности. «В этих случаях, – указывает Н. Г. Александров, – можно говорить о праводееспособности как едином свойстве субъекта, придаваемом ему государством»⁸¹. Но это равносильно признанию того, что «в этих случаях» *нельзя* говорить о равнозначности правоспособности и правосубъектности⁸².

⁷⁸ Политическая экономия (учебник), второе дополненное издание. Госполитиздат, 1955, стр.8 (курсивом. – О.И.).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Н. Г. Александров, ук. соч. стр.134.

⁸¹ Там же, стр.149.

⁸² Ср. А. В. Венедиктов. О субъектах, социалистических правоотношений». Советское государство и право», 1955, № 6, стр.20.

Во-вторых, даже в пределах гражданского права рассматриваемый вывод мог бы быть распространен не на всех его субъектов, а лишь на граждан, поскольку правоспособных, но не дееспособных юридических лиц не существует: юридические лица всегда обладают и право- и дееспособностью. Значит, и в этом случае правосубъектность и правоспособность весьма далеки от тождества.

В-третьих, если даже ограничиться правосубъектностью граждан в области одного лишь гражданского права, то и тогда отождествление правоспособности с правосубъектностью не могло бы быть проведено последовательно и до конца. Что значит – обладать субъективным правом? Ответить на этот вопрос можно лишь исходя из сущности субъективного права, которое представляет собой меру возможного поведения самого управомоченного и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц. Соответственно этому обладание субъективным правом означает обладание возможностью совершать определенные действия и возможностью требовать от других лиц определенного поведения. Но для того чтобы такая возможность возникла, недостаточно правоспособности. Нужна также дееспособность как необходимая предпосылка осуществления прав и исполнения обязанностей.

Мы полагаем поэтому, что лишь два общественно-юридических качества в своем единстве – правоспособность и дееспособность – могут составить ту общественно-правовую категорию, которую принято именовать правосубъектностью.

Но против этого тезиса на дискуссии о правосубъектности, проведенной в 1955 г. на юридическом факультете Ленинградского университета, было выдвинуто весьма существенное возражение. А. В. Венедиктов, выступивший на дискуссии в качестве докладчика, указал в заключительном слове, что нужно продумать, как согласуется с подобным взглядом признание правосубъектности за недееспособными лицами (малолетними и душевнобольными)⁸³.

Представляется, однако, что никакого противоречия между сформулированным тезисом и признанием правосубъектности за недееспособными нет. В самом деле, почему закон признает необходимым назначение к недееспособным лицам опекунов и попечителей либо возложение их функций на родителей? Потому, что для осуществления правосубъектности недостаточно одной лишь правоспособности, а правосубъектность без ее осуществления лишена какого бы то ни было смысла. Назначение к недееспособным дееспособных лиц вытекает и из самой сущности права как совокупности норм, как совокупности общеобязательных правил поведения. Только вследствие назначения дееспособных лиц к недееспособным может быть обеспечено в данном случае то поведение, которое в нормах права признано общеобязательным.

Таким образом, закон исходит из того, что для правосубъектности необходимо обладание правоспособностью и дееспособностью. В очень многих случаях оба эти качества должны быть объединены в одном лице для того, чтобы его можно было признать субъектом соответствующих прав. Наряду с этим по отношению ко многим правам (в частности, по отношению к гражданским правам) правосубъектность возникает при наличии у данного лица одной лишь правоспособности. Однако законодатель принимает необходимые меры к тому, чтобы правоспособность данного лица была восполнена дееспособностью другого лица, ибо в противном случае его правосубъектность оказалась бы лишенной реального смысла.

Итак, для признания правосубъектности не всегда необходимо, чтобы правоспособность и дееспособность совпадали в одном лице. Но что оба названных качества должны быть воссоединены (в одном лице или путем назначения к нему дееспособного лица)

⁸³ См. «Вестник ЛГУ», 1956, № 5, стр. 146.

для того, чтобы правосубъектность была реальной, а не чисто номинальной, – в этом, на наш взгляд, едва ли можно сомневаться. Исходя из изложенного, мы и приходим к выводу, что правосубъектность – это категория, охватывающая понятия как правоспособности, так и дееспособности.

Каково же соотношение между правосубъектностью и субъективными правами?⁸⁴

В литературе были высказаны на этот счет две различных точки зрения. Согласно одной из них, выдвинутой М. М. Агарковым, содержание правоспособности зависит не только от факта ее признания за данным лицом со стороны государства, но и от того, какими реальными правами данное лицо обладает, в каких отношениях с другими лицами оно находится. Так, например, мало признать за лицом способность вообще страховать имущество. Для того, чтобы эта способность была реальной, лицо должно *обладать* тем или иным имуществом. Таким образом, правоспособность – это не неизменная абстрактная способность вообще иметь права и обязанности, а динамическое явление, так как «гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый данный определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами»⁸⁵. Вместе с тем, не всякое юридическое действие, совершаемое данным лицом и проявляющее его правоспособность, можно считать осуществлением субъективного права, ибо, как указывает М. М. Агарков, субъективному праву всегда противостоит *обязанность* другого лица, между тем как иногда совершаются юридические действия, которым противостоит не обязанность, а лишь *связанность* другого лица. Так, например, лицо, сделавшее оферту, еще *не обязано* перед адресатом оферты, но *связано* возможностью получения от него акцепта. У получателя оферты не возникло еще субъективное право, поскольку договор не заключен, связанность не превратилась в обязанность, количество не перешло в новое качество. Но у него имеется все же нечто большее, чем вообще способность заключить договор: он может путем акцепта заключить *данный* договор. Поэтому, у него нет субъективного права, но есть «образующееся» или так называемое секундарное право⁸⁶.

Таким образом, М. М. Агарков различает три понятия: 1) *правоспособность*, но не в статическом, а в динамическом состоянии, поскольку ее содержание в каждый данный момент зависит от взаимоотношений ее обладателя с другими лицами; 2) *субъективное право*, возникающее на основе правоспособности и характеризующееся тем, что ему противостоит обязанность других лиц; 3) *секундарное право*, являющееся промежуточным звеном между правоспособностью и субъективным правом: оно представляет собой нечто большее, чем правоспособность, так как принадлежит не каждому, а лишь данному лицу, и нечто меньшее, чем субъективное право, так как ему противостоит не обязанность, а лишь связанность других лиц.

Теория М. М. Агаркова была подвергнута критике в работе С. Н. Братуся «Субъекты гражданского права». Вместе с тем автор предложил свое собственное решение вопроса о соотношении правоспособности и субъективных прав. «Правоспособность, – пишет С. Н. Братусь, – необходимое условие для правообладания, т. е. необходимая предпосылка субъективного права. Правоспособность как возможность иметь любые, признанные законом права и принимать на себя обязанности – абстрактная, т. е. общая возможность, принадлежащая всякому и каждому. Иначе говоря, правоспособность – это только возможность быть субъектом всех тех прав и обязанностей, которые признаны и допущены объективным

⁸⁴ Те авторы, которые отождествляют правоспособность и правосубъектность, ставят вопрос о соотношении *правоспособности* и субъективных прав. Соответственным выводами, сформулированными ранее, мы будем говорить о соотношении *правосубъектности* и субъективных прав.

⁸⁵ М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 70.

⁸⁶ См. там же, стр. 70–73.

правом»⁸⁷. При таком понимании правоспособности то, что «именуют ее отдельными, конкретными проявлениями, становится содержанием субъективного права»⁸⁸. Раз субъективное право является мерой возможного или дозволенного поведения, то никаких вторичных прав не существует: «...так называемые вторичные права являются субъективными правами»⁸⁹, поскольку и в них заключена мера возможного поведения, и они представляют собой одно из проявлений правоспособности.

Таким образом, С. Н. Братусь различает два понятия: 1) *правоспособность* как абстрактное или суммарное выражение способности обладать предусмотренными законом правами и обязанностями; 2) *субъективное право* как меру возможного или дозволенного поведения, как всякое проявление правоспособности.

Присоединяясь, в основном, к последней теории и не соглашаясь с теорией М. М. Агаркова, мы полагаем, что выводы С. Н. Братуся нуждаются в известных коррективах, а в связи с этим – в некотором дополнительном обосновании.

Для того чтобы у данного лица возникли те или иные субъективные права, недостаточно одной лишь правосубъектности, но необходимо также наступление определенных, законом предусмотренных юридических фактов. Это относится и к таким субъективным правам, которые возникают одновременно с возникновением правосубъектности. Например, одновременно с рождением у лица появляется правосубъектность и право советского гражданства. Но для возникновения правосубъектности достаточно одного лишь факта рождения, а для того, чтобы у родившегося возникло право советского гражданства, необходимы иные юридические факты (например, рождение от родителей, являющихся советскими гражданами). Таким образом, между правосубъектностью и субъективным правом имеется промежуточное звено в виде юридических фактов, каковыми могут быть не только события, но и действия, причем действия, которые отнюдь не всегда представляют собой осуществление субъективного права. Так, если лицо находит утерянную гражданином вещь, то оно совершает правомерное действие, порождающее для него и обязанности (вернуть вещь собственнику) и права (право на вознаграждение). Но само это правомерное действие не является, конечно, осуществлением субъективного права.

Поэтому, в отличие от С. Н. Братуся, мы считаем, что не всякое проявление правосубъектности есть субъективное право, что между правосубъектностью и субъективными правами имеется промежуточное звено в качестве которого иногда выступают и правомерные действия, не являющиеся осуществлением субъективного права. Однако возможность совершения подобных действий нельзя считать и вторичным правом, как думает М. М. Агарков. Речь идет лишь о возможности совершения таких действий, которым закон придает силу юридического факта. Конечно, не каждым лицом может быть совершено *при всех условиях* то действие, которое необходимо для установления *данного* правоотношения. Так, акцептовать оферту может лишь тот, кому она направлена. Но происходит это не потому, что у данного лица возникло вторичное право, а потому, что для возникновения некоторых правоотношений необходимо наступление определенной *совокупности* юридических фактов, причем наступившая часть юридических фактов иногда создает возможность породить своим действием правоотношение не для всех, а лишь для данного лица. Так, для заключения договора требуется оферта и акцепт. Но если оферта уже была сделана, то для возникновения правоотношения необходим еще один юридический факт – акцепт, который может совершить не всякое, а лишь данное лицо. Однако это обстоятельство так же мало влияет на его правоспособность, как не расширяет пределов правоспособности гражд-

⁸⁷ С. Н. Братусь *Субъекты гражданского права*, 1950, стр. 5.

⁸⁸ Там же, стр. 6.

⁸⁹ Там же, стр. 10.

данина, нашедшего утерянную вещь, тот факт, что именно ему, а не другому лицу удалось ее обнаружить. Право участвовать в договоре имеет каждый, кто обладает правосубъектностью. Но отсюда вовсе не следует, что каждое правосубъектное лицо может притязать на заключение данного конкретного договора.

Отрицание понятия секундарного права приводит нас и к отрицанию понятия динамической правоспособности. Выдвигая это понятие, М. М. Агарков допустил по существу смешение *процесса образования субъективного права* с правоспособностью. Для того, чтобы у данного лица возникло субъективное право, оно должно обладать правосубъектностью. Но непосредственно из правосубъектности субъективные права не возникают. Необходимо еще наступление определенных юридических фактов. В этом качестве могут выступать события, действия и даже самые субъективные права, которыми лицо уже обладает. Но субъективное право, играющее одновременно роль юридического факта, правосубъектности не порождает, а само появляется потому, что правосубъектность уже существует. Следовательно, отношения, в которых субъект права находится с другими лицами, имеют значение не для его правосубъектности (или правоспособности, как говорит М. М. Агарков), а для приобретения на основе уже имеющейся правосубъектности данных конкретных прав в отношениях с данным конкретным лицом.

Итак, с нашей точки зрения, нужно различать три понятия: 1) *правосубъектность* как категорию, охватывающую правоспособность и дееспособность; 2) *субъективное право* как меру возможного поведения и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц; 3) *юридические факты* как промежуточное звено между правосубъектностью и субъективным правом⁹⁰, с тем, что в этом качестве могут выступать не только события и действия, но и сами субъективные права.

Характеризуя понятие правоспособности, Н. Г. Александров указывает, что «правоспособность надо рассматривать как своеобразное длящееся отношение между лицом и государством, отношение, обуславливающее возможность для лица при наличии фактических условий, предусмотренных юридической нормой, становиться участником правоотношения того или иного вида, то есть обладать теми или иными правомочиями и нести те или иные обязанности»⁹¹. Если оставить в стороне вызывающее сомнения отождествление правоспособности и правосубъектности, то нельзя не согласиться с Н. Г. Александровым в том, что правосубъектность – это отношение между лицом и государством, но не между ним и другими лицами. Действительно, какие требования данное лицо по линии правосубъектности могло бы предъявить к другим лицам? По-видимому, лишь одно требование, а именно – чтобы они признавали его субъектом права. Но такое признание зависит не от них, а от государства. Поэтому сущность правосубъектности сводится к длящемуся отношению субъекта права с государством. Напротив, субъективное право есть отношение не только с государством, но и с обязанным лицом. На этой основе и может быть проведено, на наш взгляд, разграничение понятий правосубъектности и субъективного права.

Правосубъектность как длящееся отношение лица с государством исчерпывается лишь одной возможностью – мерой дозволенного данному лицу поведения. Субъективное право включает в себя не только меру дозволенного поведения, но и возможность требовать определенного поведения от обязанных лиц. И до тех пор, пока юридические факты не породили этой последней возможности, перед нами либо только правосубъектность, либо также и наступившая часть юридических фактов, но еще отсутствует субъективное право. Это положение особенно ярко иллюстрируется на примере сделанной, но еще не акцепто-

⁹⁰ Ср. А. В. Венедиктов. О субъектах социалистических правоотношений. «Советское государство и право», 1955, № 6, стр. 19–20.

⁹¹ Н. Г. Александров, ук. соч. стр. 134.

ванной оферты, т. е. на том примере, который обычно приводится в обоснование отвергаемой нами категории секундарных прав. Направление оферты есть проявление правосубъектности, но не субъективного права, так как это действие ни к чему не обязывает других лиц, а представляет собой совершение того, что государством дозволено. Возможность принять оферту, акцептовать ее вытекает из правосубъектности и наступившего юридического факта (получения оферты), но не составляет осуществления права, ибо никаких претензий к оференту акцептант в силу одной лишь возможности принятия оферты предъявить не вправе. Возможность предъявления претензий к оференту (в том числе и притязаний, связанных с тем, что оферент, не дожидаясь получения акцепта, заключил договор с другим лицом) возникает лишь после того, как оферта будет акцептована, т. е. после заключения договора и возникновения на его основе субъективных прав и обязанностей. По этой линии, т. е. по линии появления возможности требовать определенного поведения от обязанных лиц, и проходит граница между субъективным правом и правосубъектностью.

Субъекты правоотношений, или, как их иначе называют, субъекты права, подразделяются обычно на три вида: 1) государство, 2) граждане, 3) юридические лица. Однако последний член этой классификации («юридические лица»), весьма важный в гражданском праве, не имеет всеобщего значения, поскольку в других отраслях советского права (например, в государственном, административном, процессуальном праве) в качестве субъектов нередко выступают организации, не являющиеся юридическими лицами⁹². Ввиду этого в учебном пособии по теории государства права, изданном в 1955 г., вообще исключено обобщенное понятие для организаций как субъектов права, которое заменено их перечнем (государственные организации трудящихся, общественные организации трудящихся)⁹³.

Но перечень, даже исчерпывающий, неспособен заменить общего научного понятия, а самая наука начинается лишь там, где появляются обобщения. Что же может служить таким обобщением для разнообразных организаций (государственных, колхозных, кооперативных, различных иных общественных организаций), которые выступают в качестве субъектов социалистических правоотношений? Можно ли признать, что эту роль в состоянии выполнить понятие социальной реальности, которым оперирует Д. М. Генкин⁹⁴.

По-видимому, нет, ибо автор сам пишет, что «...право и правовые отношения... являются социальной реальностью»⁹⁵. Значит, качество социальной реальности свойственно не только правосубъектности, но также правоотношениям и праву в целом. Поэтому, характеризуя организации в качестве субъектов права, нельзя поставить точку на понятии социальной реальности, но нужно выяснить также ту специфику, которой они отличаются от других социальных реальностей. Д. М. Генкин учитывает это обстоятельство, когда он переходит к анализу правового положения кооперативно-колхозных организаций. «...Для колхоза, промысловой артели, сельского потребительского общества как юридических лиц характерно наличие *коллектива членов*, выражающих в правовом отношении волю этих организаций»⁹⁶. Следовательно, специфика такой социальной реальности, как коопе-

⁹² В то же время необходимо учитывать следующее безусловно правильное положение, сформулированное А. В. Венедиктовым: «Институт юридического лица действительно — категория гражданского права. Но, во-первых, ряд юридических лиц, если так можно выразиться, обязан своим возникновением не гражданскому праву, а другим отраслям права, в первую очередь государственному и административному праву. Достаточно назвать государственные юридические лица. Во-вторых, признавая социалистическую организацию юридическим лицом, т. е. субъектом гражданского права, советский закон учитывает юридическую личность социалистической организации в других областях правоотношений» (А. В. Венедиктов. О субъектах социалистических правоотношений, стр. 23).

⁹³ См. «Теория государства и права», под ред. М. П. Карево и Г. И. Федькина, 1955, стр. 410.

⁹⁴ См. Д. М. Генкин. Значение применения института юридического лица во внутреннем и внешнем товарообороте СССР. Сб. научных работ Моск. ин-та нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова, вып. IX, 1955, стр. 8, 16–17.

⁹⁵ Там же, стр. 16.

⁹⁶ Там же, стр. 9.

ративно-колхозная организация, выступающая в качестве юридического лица, воплощается в образующем ее коллективе членов. Какова же тогда специфика государственных юридических лиц? Д. М. Генкин отрицает правосубъектность и за директором государственного юридического лица⁹⁷, и за коллективом его работников, возглавляемым директором⁹⁸. Не найдя живых людей, воплощающих в себе правосубъектность госоргана, Д. М. Генкин пришел к следующему определению его юридической личности: «Госорган – это не обособленное имущество, а юридическое лицо, являющееся социальной реальностью, наделяемое имуществом для достижения возложенных на юридическое лицо задач»⁹⁹.

Итак, мы узнали, что государственное юридическое лицо – это не просто социальная реальность, а такая социальная реальность, которая наделяется имуществом и выполняет определенные задачи. Очень хорошо! Но нам хотелось бы узнать, что же такое самая эта социальная реальность, *которую* наделяют имуществом и *на которую* возлагается выполнение определенных задач? Пока что это ведь не более чем ноумен. А какое содержание скрывается за этим ноуменом?

Для ответа на поставленный вопрос особый интерес представляют суждения Д. М. Генкина об ответственности юридических лиц. Он говорит, что «такая ответственность вытекает из второй части ст. 119 ГК РСФСР, в силу которой должник отвечает за действия тех лиц, на которых он возложил выполнение обязательства. Это правило относится как к договорной, так и вне договорной ответственности и распространяется как на физических, так и на юридических лиц»¹⁰⁰. Вслед за этим, для разъяснения данного положения автор приводит в качестве примера случай ответственности квартиросъемщика за действия домашней работницы, «... хотя, – не без иронии добавляет он, – никто не станет утверждать, что такая ответственность наступает потому, что квартиросъемщик и домашняя работница образуют коллектив, возглавляемый квартиросъемщиком»¹⁰¹.

Мы не будем останавливаться на этом примере, ибо не можем не учитывать того факта, что только настоятельная потребность в иронии могла побудить Д. М. Генкина проводить аналогию между отношениями, складывающимися в государственных юридических лицах, и отношениями между квартиросъемщиком и домашней работницей. Но вот на что действительно следует обратить внимание, так это на то, что, согласно приведенному положению, все работники государственного юридического лица, включая директора, охватываются ч. 2 ст. 119 ГК, т. е. являются лицами, которым госорган поручает выполнение возложенных на него обязательств. На это обстоятельство следует обратить внимание потому, что, как известно, все функции (в том числе и все обязательства) госоргана выполняют его работники. И если последние являются для госоргана посторонними лицами, которым он поручает выполнение всех своих обязательств, то чем же тогда занимается сам госорган? По-видимому, ничем или в лучшем случае тем, что он поручает выполнение всех своих обязанностей другим лицам и несет ответственность за их действия.

Каким бы странным ни показался подобный вывод, автора по крайней мере нельзя упрекнуть в непоследовательности: кто-то ведь должен выполнять работу юридического лица, если само оно представляет собой такую своеобразную социальную реальность, в которой нет ни одного живого человека!

⁹⁷ См. там же, стр. 15.

⁹⁸ См. там же, стр. 11–12.

⁹⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰⁰ Там же, стр. 14.

¹⁰¹ Там же.

Впрочем, в одном отношении непоследовательность все же имеется, ибо если нет ни одного живого человека, стоящего за фигурой госоргана как юридического лица, то кто же, собственно, перепоручает исполнение его обязательств другим лицам?

Перечень подобных вопросов, адресованных автору теории социальной реальности, можно было бы продолжить. Но в этом едва ли имеется надобность. Одно во всяком случае бесспорно: никто еще не опустошал юридической личности госоргана в такой мере, как автор рассматриваемой теории, несмотря на то, что госорган как юридическое лицо в данной теории эффектно именуется социальной реальностью.

Мы вновь, таким образом, возвращаемся к проблеме общей категории, которая могла бы охватить все разнообразные организации, выступающие в качестве субъектов социалистических правоотношений. Разрешая эту проблему, необходимо опираться на существующие понятия правосубъектности, субъективного права и обязанности. Сущность правосубъектности состоит в том, что благодаря ей лицо выступает как участник правоотношений, как носитель прав и обязанностей. Обладая же правами, правосубъектное лицо может совершать определенные действия и требовать определенного поведения от обязанных лиц, а, выполняя обязанности, оно должно совершать те действия, на которые вправе притязать управомоченный. Но совершенно очевидно, что совершать те или иные действия – все равно, по праву или в силу выполнения обязанности – может только человек индивидуально или в коллективе с другими людьми. Поэтому субъектами права могут быть либо отдельные люди как общественные индивиды, либо коллективы людей как общественные образования, которые выступают в нашей стране в виде разнообразных организаций, предусмотренных законом.

Еще в 1950 г. в работе «Субъекты гражданского права» С. Н. Братусь писал: «...участники правоотношения – либо индивиды, либо их коллективные образования...»¹⁰². В 1955 г. Н. Г. Александров тот же вывод сформулировал для теории права в целом. Говоря о правосубъектности, он указывает, что последняя может быть государством признана «...за отдельным человеком или коллективом людей...»¹⁰³. Можно соглашаться или не соглашаться с тем конкретным решением вопроса о носителе правосубъектности госорганов, которое предложено Н. Г. Александровым. Но его ориентация на выявление реальных общественных отношений, закрепляемых в правосубъектности социалистических организаций, на выявление «людского субстрата» юридического лица в советском праве является безусловно правильной.

Что же касается специального цивилистического вопроса о юридической личности госорганов и возникающего в связи с этим вопроса о том, кто эту юридическую личность воплощает – коллектив рабочих и служащих во главе с директором, как думают сторонники теории коллектива, директор госоргана, как думают сторонники теории директора, или известным образом организованная постоянная группа должностных лиц госоргана, как думает Н. Г. Александров¹⁰⁴, – то все эти вопросы заслуживают того, чтобы они подверглись особой разработке.

¹⁰² С. Н. Братусь, ук. соч. стр. 32. См. также А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность, 1948, стр. 615.

¹⁰³ Н. Г. Александров, ук. Соч., стр. 134.

¹⁰⁴ См. там же, стр. 153–154.

Юридические нормы и человеческие поступки¹⁰⁵

1

Право – регулятор общественных отношений. С точки зрения марксистско-ленинской юридической науки, это положение носит характер элементарной и общеизвестной аксиомы, а потому в особом обосновании не нуждается. Но то, что относится к праву в целом, характеризует, естественно, и образующие его составные элементы, каковыми являются юридические нормы. Норма права, как и право вообще, тоже выступает в качестве регулятора общественных отношений.

Регулировать общественные отношения – значит устанавливать известные рамки, границы, пределы поведения их участников. К этому, собственно, и сводится, если рассуждать абстрактно, регулирующее действие всякой юридической нормы. Однако подобное понимание вопроса может встретить возражения применительно к нормам социалистического права, призванного играть творческую роль и активно содействовать преобразованию общественных отношений, особенно в современных условиях – в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране. Ибо если право лишь определяет границы поведения участников социальных процессов, то оно, по-видимому, не порождает и не преобразует, а только фиксирует эти процессы в том виде, в каком они уже сложились ко времени издания соответствующих юридических норм. «Всюду, где мы сталкиваемся с теми или иными жизненными отношениями, уже существующими независимо от права, – пишет С. А. Голунский, – роль права, если не ставится задача заменить эти отношения новыми, заключается именно в упорядочении этих отношений применительно к интересам господствующего класса (а в развитом социалистическом обществе – к общенародным интересам). Но понятия «упорядочение», «введение в определенные рамки», безусловно, не исчерпывают всего воздействия права на общественные отношения в социалистическом обществе.

...Если понимать термин «регулирование» только как упорядочение общественных отношений, введение их в определенные рамки, то это неизбежно ограничивает роль социалистического права.

Возьмем, например, Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций от 31 марта 1958 г. Разве его роль сводится к тому, что он упорядочивает отношения колхозов с МТС или с кем-нибудь другим? Нет! Он создает совершенно новые отношения, существенно меняет характер колхозной собственности, меняет целую область производственных отношений, вносит существенные изменения в базис социалистического общества»¹⁰⁶? Отсюда как будто бы следует, что либо социалистическое право выполняет активно творческую роль, и тогда правовое регулирование включает в себя также способность к преобразованию наличных и созданию новых общественных отношений, либо его действие исчерпывается введением в определенные рамки поведения людей, и тогда, по мнению, С. А. Голунского, оно тождественно правилам уличного движения, а функции государства свелись бы к обязанностям «ночного сторожа»¹⁰⁷. В действительности

¹⁰⁵ Печ. по: Актуальные вопросы советского гражданского права: Сб. статей/ Моск. Ин-т народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Под ред. С. М. Братуся, О. С. Иоффе. Вып.36. М.:Юридическая литература, 1964.

¹⁰⁶ С. А. Голунский, О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма, «Советское государство и право» 1961 г. № 10, стр.41–42.

¹⁰⁷ Там же.

сти, однако, подобной альтернативы не существует – не существует по соображениям, которых явно не учитывают авторы, ее формулирующие.

Прежде всего, как бы велика ни была творческая роль социалистического права, оно вопреки С. А. Голунскому не создает и не преобразует реальных общественных отношений. По совершенно очевидному недоразумению подобное качество приписано и Закону от 31 марта 1958 г. Ясно, что этот Закон сам по себе не реорганизовал машинно-тракторных станций и не осуществил дальнейшего развития колхозного строя, а определил мероприятия (ликвидация МТС, создание на их базе РТС, продажа сельскохозяйственной техники колхозам и др.), которые, будучи проведенными в жизнь, способны обеспечить достижение указанных целей.

Если бы было иначе, если бы закон обладал той чудодейственной силой, которая ему приписывается, оставалось бы только удивляться тому, что мы до сих пор испытываем известные трудности в решении некоторых хозяйственных проблем, а причины таких трудностей следовало бы усматривать в «лености» и «неповоротливости» законодателя, все еще не издавшего нужных законов. Но суть дела в том как раз и состоит, что создают новые и преобразуют старые отношения не законы, а люди – в результате своей повседневной деятельности. Что же касается законов, то они могут стимулировать такую деятельность, и только через ее посредство можно добиваться необходимых и объективно осуществимых социальных преобразований. Между юридическими нормами и практическим эффектом, к которому законодатель стремится, существует не непосредственная, а косвенная связь, в качестве одного из посредствующих звеньев которой выступает поведение людей. В рамках такой связи и должны осуществляться научные поиски разнообразных форм, в которых со всей силой проявляется или способно проявиться творческое начало, заложенное в самой природе социалистического права. Напротив, как только такая связь упускается из виду или тем более сбрасывается со счета, теоретические построения рискуют вырождаться в чистейшую утопию, а возведенная в ранг научной доктрины и становящаяся поэтому «руководством к действию» утопия оказывается слишком опасной для практики, чтобы можно было проходить мимо нее со спокойным равнодушием.

Таким образом, первая часть упоминавшейся выше альтернативы отпадает сама собой: нормы социалистического права, бесспорно, призваны к выполнению творческой роли, которая, однако, выражается не в создании или преобразовании реальных общественных отношений, а в стимулировании поведения людей, единственно способных обеспечить наступление таких социально значимых результатов. Но не более обоснованной представляется и вторая часть той же альтернативы если правовое регулирование сводится только к установлению определенных границ поведения людей, к его известному упорядочению, право лишается каких бы то ни было творческих элементов и ограничивается простой фиксацией социальных явлений, существовавших до и независимо от него.

Правовое регулирование поведения людей, понимаемое как определенное целенаправленное упорядочение последнего, если его рассматривать в наиболее общем виде, осуществляется путем включения в юридические нормы тех или иных дозволений и запретов. Но при установлении любой новой юридической нормы можно разрешить совершение действий, ранее запрещенных, что повлечет за собой установление отношений, отсутствовавших в прошлом, либо запретить совершение действий, ранее дозволенных, в целях обеспечения ликвидации некоторых из числа существующих отношений. Из этого следует, что правовое регулирование как упорядочение поведения, понимаемое в разъясненном смысле, ни в какой мере не устраняет активного влияния права на реальные жизненные явления, если при этом учитывать, что объектом непосредственного правового воздействия становятся человеческие поступки, лишь вследствие совершения или воздержания от совершения которых наступает определенный объективированный социальный результат, более того, право-

вое регулирование в таком понимании раскрывает свое содержание в качестве активного фактора в любой, а не только в социалистической системе права, поскольку дозволение и запрет представляют собой всеобщие формы правового воздействия на человеческое поведение. Право активно уже потому, что «правовые нормы являются одной из форм политики, проводимой государством (господствующим классом) и диктуемой экономическим строем данного общества»¹⁰⁸.

Но, выявляя значение права в социалистическом обществе, мы говорим не просто об активной, а о его активно *творческой* роли. Активным является всякое право и любое правовое регулирование. Напротив, активно творческим является лишь право социалистическое. Не потому, разумеется, что в отличие от предшествующих правовых систем оно способно «создавать» новые и «преобразовывать» старые общественные отношения, а в силу причин совершенно иного порядка.

Кратко говоря, активно творческая роль социалистического права заключается в обеспечении таких лежащих вне ее факторов, которые призваны обусловить наступление нового социального эффекта, заранее предвиденного и определенного законодателем. Этот социальный эффект конкретно может проявиться либо в ликвидации некоторых из числа существующих общественных отношений, либо в их совершенствовании или преобразовании, либо в создании новых общественных отношений. С точки зрения конечных целей к достижению которых стремится государство социалистического типа, новый социальный эффект, обеспечиваемый при помощи юридических норм, заключается в переходе либо от одной общественной формации к другой (от капитализма к социализму в условиях переходного периода), либо от одной фазы к другой фазе единой социально-экономической формации (от социализма к коммунизму).

Нетрудно заметить, что подобные задачи не ставит и не может перед собой ставить ни один законодатель в государствах эксплуататорского типа. Задача перехода от одной социально-экономической формации к другой противоречила бы классовым интересам эксплуататорского государства и потому оно не только не выдвигает ее, а, наоборот, ставит совершенно иную задачу – всемерного укрепления и охраны существующего социального строя, хотя бы он уже отжил свой век и должен в силу объективных законов общественного развития уступить место новому типу социальной организации. Стремление добиться ликвидации одних отношений и создания благоприятных условий для развития других отношений наблюдается в определенный момент и в законодательной деятельности эксплуататорских государств. Так обстояло, например, дело в условиях замены феодального государства капиталистическим; последнее в издававшихся им законодательных актах обнаруживало различный подход к феодальному и буржуазному укладу жизни. Но в этом случае за пределами предвидения эксплуататорского государства оставался конечный результат, к которому приводит бурное развитие капиталистических производственных отношений, подготовляющее разложение и гибель капитализма. Тем самым возникали совершенно превратные представления и о подлинном значении ближайших последствий, обусловленных законодательной деятельностью.

Все это и позволяет противопоставлять активной роли эксплуататорского права активно *творческую* роль права социалистического. В противоположность эксплуататорскому праву издание норм социалистического права включает в себе возможность: а) не только препятствовать развитию одних и благоприятствовать развитию других общественных отношений, но и способствовать социальному преобразованию общества в целом; б) добиваться определенных социальных эффектов, осознавая и предвидя объективное содержание наступающих при этом как ближайших, так и конечных результатов.

¹⁰⁸ Д. М. Генкин, Правособственность в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 18.

Указанная возможность, заключенная в социалистическом правотворчестве, опирается на определенные объективные и субъективные предпосылки.

Ее объективными предпосылками являются: во-первых, экономический строй социалистического государства, развивающийся по пути постепенного преобразования в экономический строй коммунистического общества; во-вторых, обусловленные им специфические объективные экономические законы (основной экономический закон, закон планомерного развития), которые определяют указанный путь общественного развития; в-третьих, природа и назначение социалистического государства и социалистического права, призванных не только охранять новый общественный строй от попыток реставрации старых порядков, но и обеспечивать такое его дальнейшее развитие, которое на определенном этапе приведет к их собственному отмиранию. Указанным объективным предпосылкам корреспондируют и определенные предпосылки субъективного порядка. Они состоят в том, что, во-первых, социалистическое государство, являющееся в качестве носителя государственной собственности и хозяйствующего субъекта непосредственным участником экономических процессов, испытывает не только политическую, но и материальную заинтересованность в обеспечении их надлежащего развития¹⁰⁹, во-вторых, руководимое Коммунистической партией, опирающейся на передовую теорию, оно способно познать объективные экономические законы, овладеть ими и соответствующим образом их использовать; в-третьих, согласно с историческим назначением социалистического государства оно устремляет свою деятельность на то, чтобы добиться достижения ближайших, а через их посредство – конечных объективных результатов, знаменующих собой коренное преобразование всего строя общественных отношений между людьми.

Однако дело не только в возможности осуществления социалистическим правом его активно творческой роли, но также и в том, что выполнение им этой функции является *объективно необходимым*. Вместе с тем объективная необходимость осуществления социалистическим правом активно творческой роли предопределяется природой экономического строя социалистического государства, характером вступающих при этом в действие экономических законов и самой сущностью социалистического государства.

Выясняя активно творческую роль социалистического права, необходимо постоянно учитывать, что издаваемые государствам нормативные акты имеют дело с человеческими поступками, с поведением людей, независимо от того, действуют ли последние индивидуально или в качестве определенным образом организованных коллективов. Сами же поступки людей приводят к наступлению известного результата или к его предотвращению. При этом они могут вызывать как ближайшие, так и более отдаленные, как непосредственные, так и различные параллельные последствия, многочисленные и многообразные переплетения которых обуславливают конечный социальный эффект данного этапа общественного развития. Если под таким углом зрения подходить к оценке издаваемых государством нормативных актов, то нельзя не признать, что условиями их доброкачественности являются: а) способность оказания такого мотивационного воздействия на психику людей, которое обуславливает совершение или воздержание от совершения указанных в акте поступков; б) объективная возможность наступления ближайшего результата, к которому законодатель при издании данного нормативного акта стремится, с одновременным учетом вероятных (параллельных) последствий, которые должны наступить или, напротив, должны быть предотвращены принятием мер иного порядка; в) учет отдаленных последствий или даже конечного социального эффекта, который может возникнуть в силу переплетения последствий, вызванных изданием данного нормативного акта, с последствиями разнообразных

¹⁰⁹ Ср.: Д. М. Генкин, Правособственность в СССР, Госюриздат, 1961, стр. 6.

иных человеческих поступков. Обратимся к подробному рассмотрению каждого из перечисленных моментов, начав с форм мотивационного воздействия права на поведение людей.

2

Всеобщими формами воздействия права на человеческие поступки, как уже отмечалось, являются выраженные в юридических нормах *запреты* и *дозволения*.

Запрет может касаться действия, когда требуется воздержание от его совершения, и бездействия, когда предполагается выполнение обязанным лицом активных функций. По своему содержанию запреты бывают всеобщими и специальными. Всеобщий запрет подлежит соблюдению при всех условиях. Так, например, из норм, определяющих правоспособность субъектов советского права или компетенцию органов государственной власти, вытекает всеобщий запрет для каждого лица или органа устанавливать правоотношения, которые выходят за пределы его правоспособности или компетенции. Специальный запрет рассчитан на конкретную ситуацию и подлежит соблюдению в строго определенных условиях. Такой характер носят, например, правила, допускающие наложение запрещения на морской порт в течение определенного времени, или объявление о запрещении охоты в определенные периоды. Наиболее широкое применение в юридических нормах получают специальные запреты: даже нормы уголовного законодательства, запрещающие совершать преступления, признают преступными только такие деяния, которые соответствуют определенным, указанным в законе условиям и признакам. Всеобщий запрет, поскольку он подлежит постоянному и непрерывному соблюдению, может предполагать только воздержание от какого-либо поведения.

Напротив, специальный запрет бывает связан как с бездействием, так и с действием, поскольку он должен выполняться лишь в данной конкретной ситуации.

Дозволение касается преимущественно активных действий. С предоставлением возможности воздерживаться от каких-либо действий дозволение связано только в тех случаях, когда его содержание сводится к освобождению лица от ранее лежавшей на нем обязанности (например, отмена взимания налогов с низкооплачиваемых работников). Дозволения тоже бывают общими и специальными. Но так как они обращены почти исключительно к положительным действиям (а не к бездействию), нормы об общей дозволенности какого-либо поведения, как правило, не могут быть реализованы без установления норм, в которых формулируются дозволения специального порядка, рассчитанные на определенные точно установленные условия. Так, правоспособность представляет собой абстрактную способность к приобретению входящих в ее содержание субъективных прав и юридических обязанностей, но реализуется она в конкретных правоотношениях, возникающих лишь при наступлении определенных, законом предусмотренных, юридических фактов. Поэтому норма о правоспособности, включающая в себя общее (абстрактное) дозволение, оказалась бы лишенной практического смысла, если бы она не была дополнена нормами со специальными дозволениями, рассчитанными на возможность установления отдельных конкретных правоотношений.

В качестве средства правового воздействия на поведение людей, объединяющего в себе элементы запрета и дозволения, выступает *предписание*. Предписание является запретом в том смысле, что оно запрещает воздержание от поведения, в нем указанного. С другой стороны, поскольку какое-либо поведение предписано, то оно тем самым и дозволено. Но в то же время предписание качественно отличается от запрета и дозволения. Оно применимо лишь к активным действиям, носит не общий, а специальный характер, ориентируется на определенные условия, предполагает обязательное совершение указанных в нем действий (в противоположность дозволению) и обязывает к его исполнению при наступлении предусмотренных им фактов конкретное лицо, а не всех вообще третьих лиц (как это нередко имеет место при установлении запретов). Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться

для примера к любой юридической норме, формулирующей предписание. Так, ст. 129 УК РСФСР, устанавливающая наказуемость неоказания помощи капитаном судна лицам, гибнущим на море или на ином водном пути, если эта помощь могла быть оказана без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров, формулирует определенное предписание – оказать помощь при наступлении указанных в данной норме условий. Это предписание является и дозволением, в данном случае особенно важным потому, что, согласно нормам морского законодательства, если отсутствует угроза жизни, помощь судну, терпящему бедствие, может быть оказана только с согласия его капитана; оно представляет собой также и запрет – запрещение уклоняться от оказания помощи. Но так как норма ст. 129 УК РСФСР рассчитана на активные действия (оказание помощи), ориентируется на конкретные обстоятельства (когда люди гибнут на море или на ином водном пути, если помощь может быть оказана без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров), требует обязательного совершения указанных в ней действий лицом, столкнувшимся с указанной в ней ситуацией (капитаном судна, получившего сигнал о бедствии), ее нужно рассматривать как норму-предписание, а не как дозволение или запрет.

Всеобщие формы правового воздействия, каковыми являются запрет и дозволение, а также синтезирующее их предписание, используются и в нормах социалистического права. Но, не говоря уже о том, что это использование осуществляется в целях, которые прямо противоположны назначению тех же форм в эксплуататорском обществе, в социалистическом праве, соответственно его активно творческой роли, появились новые, совершенно специфические формы и способы применения запретов, дозволений и предписаний и установлено совершенно иное соотношение между ними.

В самом деле такой метод воздействия на поведение людей, как запрет, обычно воплощается в юридических нормах со своеобразным негативным содержанием, ограничивающимся указанием лишь на то, чего нельзя делать или не делать. В противоположность этому практика социалистического нормотворчества широко пользуется таким приемом, при котором запрет становится не более чем оборотной стороной правила, наполненного соответствующим позитивным содержанием. В результате – норма права, снабженная запретом, оказывается способной обеспечить необходимое государству направление активного поведения отдельных лиц или их организованных коллективов. Типичным примером тому могут служить нормы, в которых определяется целевое назначение вытекающих из них субъективных прав и юридических обязанностей. Придание субъективному праву целевого назначения включает в себе одновременно как запрет использовать его не по назначению, так и необходимость совершения действий, направленных на достижение указанных целей.

Подобные нормы чаще всего применяются в области хозяйственной деятельности в целях обеспечения условий, необходимых для бесперебойного осуществления процесса расширенного социалистического воспроизводства. Таковы, например, юридические нормы, определяющие правовой режим фондов имущества государственных предприятий, кооперативно-колхозных и иных хозяйственных организаций. Каждый их имущественный фонд имеет строго целевое назначение, а отсюда вытекает запрещение использовать его для иных целей и, с другой стороны, необходимость эксплуатации отдельных видов имущества в строгом соответствии с потребностями социалистического производства. Однако к нормам аналогичной структуры прибегают также для соответствующего целенаправленного регулирования и многих других отношений социалистического общества. Когда, например, ст. 25 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик¹¹⁰ указывает, что право личной собственности граждан предназначено для удовлетворения их

¹¹⁰ В дальнейшем изложении Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик именуются «Основы».

материальных и культурных потребностей и, следовательно, может быть использовано лишь в потребительских, но не в производственных или каких-либо иных целях, она тем самым способствует укреплению принципа сочетания общественных и личных интересов не только пассивным (путем запрета), но и самым активным образом – путем придания строго очерченного направления поведению граждан – субъектов предусмотренного ею права.

Второй метод воздействия на поведение людей – дозволение – обычно характеризуется как предоставление субъектам права каких-либо возможностей, реализация которых зависит всецело от их собственного усмотрения. А это означает, что дозволение, формулированное законом, может быть реализовано, но может остаться и неосуществленным. Однако в тех случаях, когда социалистическое государство испытывает особый интерес в том, чтобы установленное им дозволение было проведено в жизнь, оно применяет специальные юридические средства, которые, не лишая дозволения характерного для него момента добровольности, обуславливают вместе с тем необходимость или даже неизбежность его реализации. Благодаря таким средствам, дозволение не только определяет известные рамки для предусмотренного им поведения, но и устремляет его в нужном для государства направлении. Например, утвержденное Советом Министров СССР 9 августа 1955 г. Положение о фонде предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства¹¹¹ установило, что половина этого фонда расходуется для проведения мероприятий по внедрению новой техники и модернизации действующего оборудования, на расширение производства, строительство и ремонт жилищного фонда сверх планов капитальных вложений, а вторая половина предназначена для расходов по улучшению культурно-бытового обслуживания работников предприятий, выдачи премий, приобретения путевок в дома отдыха и в санатории и для оказания единовременной помощи рабочим и служащим. Однако 31 июля 1957 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР издали постановление о развитии жилищного строительства в СССР¹¹³, в котором директорам предприятий было разрешено в течение 1957–1960 гг. направлять на финансирование жилищного строительства до 70 % средств этого фонда. Приведенная норма содержит в себе дозволение директору предприятия на совершение определенных действий. В то же время согласно названному Положению 1955 г. порядок использования средств из указанного фонда директор обязан согласовывать с фабрично-заводским профсоюзным комитетом¹¹⁴. Участие же профсоюзной общественности в составлении сметы расходования денежных средств оказалось вполне достаточным, чтобы обеспечить направление их на нужды жилищного строительства в том именно объеме, который был предусмотрен (в порядке дозволения) постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г.

Как и иные формы правового регулирования, дозволение призвано известным образом мотивировать человеческие поступки. На первый взгляд может показаться, что оно всегда мотивирует совершение тех именно действий, которые им предусмотрены. Практика социалистического правотворчества, опираясь на вновь возникшие общественные отношения и учитывая их объективное качество, открыла новые пути применения этого юридического средства. Например, интересам всех народов Советского Союза соответствует сохранение и дальнейшее укрепление государственных отношений, установленных между союзными республиками, которые объединились в единое федеративное социалистическое государство. Казалось бы, что при таких условиях закон должен был бы воспользоваться методом правового запрета, предусмотрев юридическую нерасторжимость указанных отно-

¹¹¹ См. «Законодательные акты по вопросам народного хозяйства СССР», т. I. Госюриздат, 1961, стр. 298–301.

¹¹³ См. «Законодательные акты по вопросам народного хозяйства СССР», т. II. Госюриздат, 1961, стр. 536–540.

¹¹⁴ Согласно Положению 1961 г. Смета расходования средств фонда предприятия утверждается директором совместно с фабзавместкомом.

шений. Однако, учитывая, что прочность отношений между социалистическими нациями зависит от последовательного и строгого соблюдения принципа добровольности, Советская Конституция в решении этого вопроса пошла прямо противоположным путем, используя вместо запрета дозволение, т. е. предоставив союзным республикам право свободного выхода из Союза ССР (ст. 17). Признание за союзными республиками такого права, выраженное в форме дозволения, стимулирует не совершение охватываемых им действий, а, наоборот, всемерное укрепление государственно-федеративных отношений на основе возведения начала добровольности в ранг юридической нормы. Таким образом, существуют дозволения с прямой или обратной мотивацией. Первые позволяют направлять развитие общественных отношений посредством действий, которые становятся юридически дозволенными. Вторые способствуют сохранению и дальнейшему укреплению наличных общественных отношений посредством воздержания от совершения действий, незапрещенность (дозволенность) которых служит дополнительным мотивом к их несовершению. Благодаря новому социальному качеству общественных отношений, складывающихся при социализме, государство социалистического типа приобретает возможность добиваться необходимого эффекта при помощи дозволения там, где эксплуататорские государства вынуждены прибегать единственно и исключительно к методу правового запрета.

В качестве юридического средства дозволение представляет одну из форм реализации государством своих властных функций. При этом тот факт, что государство разрешает совершать субъектам права определенные действия, разумеется, сам по себе ничего не меняет в природе и организации государственной деятельности. Но в условиях социалистического общества дозволение используется и как правовой метод отказа государства от некоторых его властных полномочий, знаменующего процесс постепенного преобразования отношений, опирающихся на государственное принуждение, в отношения общественной самостоятельности. Известно, что именно в такой форме и производится передача общественным организациям ряда функций, которые ранее выполнялись государственными органами.

Третья форма правового воздействия, синтезирующая две предшествующие, – предписание, рассчитанное на обязательное совершение указанных в нем конкретных действий определенными лицами в конкретной обстановке, также приобретает в практике социалистического нормотворчества существенно новые признаки и качества.

Во-первых, если обычно указание, которое в предписании содержится, ограничивается лишь наименованием предписываемых действий, то в нормах социалистического права, особенно в тех, которые направлены на регулирование производственно-хозяйственной деятельности, значительное внимание уделяется также характеристике подлежащего обязательному достижению объективного результата. Именно такой характер носят нормы-задания, широко распространенные в советском законодательстве¹¹⁵. Нормы такого рода включаются в законы о государственных планах развития народного хозяйства и на данной стадии не имеют или могут не иметь какого-либо конкретного адресата. Издаваемые же в соответствии с ними акты планово-регулирующих органов разверстывают задания этих норм между отдельными хозяйственными организациями и, таким образом, придают им вполне конкретную адресованность. В целях выполнения полученных плановых заданий хозяйственные организации вступают в разнообразные (гражданские, административные и т. д.) правоотношения с вышестоящими органами, друг с другом и с гражданами, подчиняясь при установлении таких отношений как регулирующим их нормам, так и норме-заданию. Предписание, содержащееся в правовой норме, считается выполненным, если достигнут результат,

¹¹⁵ См. подробнее: *С. А. Голунский*, К вопросу понятия правовой нормы в теории социалистического права («Советское государство и право» 1961 г. № 4, стр. 21–36); *Н. Г. Александров*, Правовая законность период развернутого строительства коммунизма. Госюриздат, 1961, стр. 199–200; *Л. С. Явич*, Творческая роль советского права в строительстве коммунизма («Советское государство и право» 1962 г. № 2, стр. 26).

указанный в самой норме-задании и в конкретизирующих ее актах государственных планово-регулирующих органов¹¹⁶.

Во-вторых, хотя предписание и должно быть рассчитано на указанные в нем конкретные условия, советский закон знает и некоторые общие предписания, используемые для того, чтобы при их помощи оказать определяющее воздействие на содержание целой совокупности возникших или могущих возникнуть конкретных правоотношений. Такие предписания тоже подлежат выполнению лишь в строго определенной обстановке. Но, будучи сформулированными в общем виде, они позволяют законодателю охватить одной нормой самые разнообразные конкретные ситуации. Так обстоит, например, дело с нормой ст. 131 Конституции СССР, которая возлагает на граждан обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность и применение которой конкретизируется в ряде других юридических норм, например в ст. 95 Основ.

В-третьих, предписание, поскольку оно включено в правовую норму, по своей природе является требованием юридическим.

Но ввиду тесного единства, существующего между социалистическим правом и социалистической нравственностью, в форму юридического предписания может быть облечено требование о соблюдении этических установок советского общества. Типичный пример — ч. II ст. 5 Основ, в которой говорится, что «при осуществлении прав и исполнении обязанностей граждане и организации должны соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества, строящего коммунизм». Разумеется, ни правила социалистического общежития, ни принципы коммунистической морали не становятся источниками права в силу одного только того факта, что закон требует их соблюдения от граждан и организаций при осуществлении прав и при исполнении обязанностей. Но они, бесспорно, приобретают значение критериев, сообразно с которыми должно оцениваться поведение индивидов и их организованных коллективов, если ставится вопрос о том, что кем-либо из них было нарушено предписание, воплощенное в юридической норме. А это создает для граждан и организаций дополнительный, уже сугубо юридический мотив к строгому выполнению требований коммунистической морали и, таким образом, расширяет рамки этического воздействия также и на те отношения, которые подвергаются правовому регулированию и потому приобретают вид или форму правовых отношений. Сказанное позволяет утверждать, что процесс превращения юридических норм в социальные нормы будущего коммунистического общества отнюдь не исчерпывается такими фактами, как перенесение некоторых правил из правовой сферы в область морали. Он имеет и вторую, нередко, к сожалению, упускаемую из виду сторону, заключающуюся в том, что и некоторые моральные принципы могут приобрести на известном этапе правовую окраску, благодаря чему постепенно стираются грани между правом и нравственностью, но не посредством сокращения, а наоборот, путем увеличения численности и расширения сферы действия юридических норм, содержание которых ничем не отличается от чисто нравственных, этических правил.

¹¹⁶ В интересной статье И. С. Самощенко «О понятии юридического нормативного акта» («Советское государство и право» 1962 г. № 3, стр. 77–86) этот вопрос получает несколько иное разрешение. Автор полагает, что задания народно-хозяйственных планов всегда конкретны. Но так как сумма конкретных плановых предписаний обеспечивает регулирование народного хозяйства в целом, то в своей совокупности они приобретают нормативное значение (стр. 79–80). Представляется, однако, что как бы многочисленны ни были сами конкретные предписания и отношения, с которыми они связаны, их сумма не образует общего правила и не становится нормой права. Если в законодательном плановом акте определяются общие показатели объема производства, повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции и т. п., он приобретает значение нормативного акта. Когда же такие задания адресуются конкретным предприятиям и иным организациям, их следует квалифицировать не как норму права, а как юридический акт или факт, порождающий конкретные права и обязанности.

Наряду с новыми формами и способами применения в практике социалистического правотворчества юридических запретов, дозволений и предписаний между ними устанавливается и новое соотношение. Особенно явственно оно проявляется в области правового регулирования экономических, т. е. социалистических имущественных отношений.

Позиция буржуазного государства по отношению к экономике выражается в формуле: все, что не запрещено, дозволено. Обусловлена такая позиция тем, что непосредственная экономическая деятельность современного капиталистического государства ограничивается производством военных расходов и (в некоторых странах) эксплуатацией национализированных отраслей промышленности. В остальном же хозяйство при капитализме ведется частными предпринимателями и капиталистическими монополиями, а потому буржуазное государство оказывается неспособным направлять его развитие. При помощи запретов оно лишь устанавливает границы осуществления экономической деятельности, долженствующие обеспечить охрану интересов класса капиталистических собственников в целом. Таковы, например, мы, запрещающие недобросовестную конкуренцию, шикану и т. п. За указанными пределами действуют диспозитивные нормы, восполняющие волю участников экономических отношений путем формулирования условий, которые являются типичными для каждого вида таких отношений, или «формулярные» нормы, навязывающие волю одной стороны другой.

Социалистическое государство, опирающееся на безраздельное господство общественной собственности, призвано не только определять дозволенные границы развития социалистического народного хозяйства, но и направлять это развитие в соответствии с познанными экономическими законами на основе широчайшей активности и творческой инициативы трудящихся масс. Такая цель достигается посредством как специальных запретов, дозволений и предписаний, так и путем закрепления общих правовых принципов, которыми должны руководствоваться участники производственных и иных хозяйственных процессов. В соответствии с этими общими принципами и надлежит оценивать правомерность или неправомочность, запрещенность или дозволенность совершаемых в данной области действий. Можно поэтому сказать, что здесь действует формула: не все то, что не запрещено, дозволено, но и дозволено не только то, что прямо разрешено законом¹¹⁷. Обусловлена такая позиция тем, что признавать дозволенным лишь прямо разрешенное законом — значит сковывать инициативу оперативных звеньев социалистической хозяйственной системы. Отсюда правило: «Дозволено не только то, что прямо разрешено законом». Но и, наоборот, считать все не запрещенное дозволенным — значит ослабить направляющее и организующее начало, заложенное в общих принципах социалистического права. Отсюда второе правило: «Не все то, что не запрещено, дозволено»¹¹⁸.

Особенно тесное переплетение запретов, дозволений и предписаний с использованием разнообразных специфических форм их применения наблюдается в нормативных актах, посредством которых осуществляются реорганизационные мероприятия и, прежде всего, мероприятия, направленные на реорганизацию форм управления социалистическим народным хозяйством.

По юридическому содержанию акты о реорганизации представляют собой совокупность предписаний, дозволений и запретов. В самом деле, выражается ли реорганизация в упразднении одних и создании новых либо в изменении функций существующих органов, она по необходимости сопряжена с предписаниями, касающимися ее осуществления, а также с дозволениями и запретами, посредством которых определяются компетенция

¹¹⁷ См. С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, Госюриздат, 1950, стр. 198.

¹¹⁸ Примером, иллюстрирующим применение указанной формулы в законодательной практике, могла бы служить ч. I ст. 4 Основ.

и функции вновь создаваемых и реорганизуемых органов. Своеобразие издаваемых социалистическим государством актов о реорганизации состоит в том, что в их состав обязательно входят как общие правила (нормы права), так и конкретные административные предписания (юридические факты), порождающие у строго определенных лиц обязанность совершить указанные действия. Правила, определяющие структуру и компетенцию вновь образуемых органов, имеют нормативное значение, а указания на организации и должностных лиц, которые обязуются совершить вытекающие из реорганизации действия, выполняют функцию юридических фактов.

Значение реорганизации, следовательно, не ограничивается одним только совершенствованием правового регулирования соответствующей области общественных отношений. В отличие от многих других нормативных актов, на основе которых могут возникнуть, но могут и не возникнуть, конкретные правоотношения, акты о реорганизации реализуются при всех обстоятельствах и, значит, действия, ими предусмотренные, подлежат обязательному совершению. Поэтому наряду с совершенствованием правового регулирования и обусловленным им совершенствованием реальных общественных отношений такие акты во всех случаях способствуют возникновению или по крайней мере созданию предпосылок для возникновения новых общественных отношений.

Таковы важнейшие из числа разнообразных форм мотивационного воздействия, оказываемого нормами социалистического права на поведение людей, если их рассматривать в пределах одних только выраженных в нормах правил поведения (диспозиций). Однако помимо этого огромную роль в образовании мотивов для совершения определенных поступков или, наоборот, для отказа от их совершения играют стоящие за правовыми нормами *обеспечительные средства*.

Эти средства весьма многообразны и могут быть разбиты на две основные группы – юридические и материальные формы обеспечения. Так, например, охраняющие уголовно-правовые нормы меры наказания составляют юридическое средство, а природа социалистических общественных отношений, исключающая необходимость преступности, – материальное средство, обеспечивающее соблюдение этих норм. Но так как нас интересует сейчас лишь мотивационное воздействие самих правовых норм на поведение людей, представляется целесообразным сосредоточиться только на анализе юридических средств их обеспечения.

Подобно тому как универсальными формами правового регулирования являются запреты, дозволения и предписания, в качестве всеобщих, т. е. применяемых в любой исторической системе права средств, которые обеспечивают соблюдение требований юридических норм, выступают меры *государственного принуждения*, – все равно, выражаются ли они в виде санкции данной нормы права или всей совокупности охранительных мер, которыми государство располагает.

Общеизвестно, что в процессе реального осуществления норм социалистического права принуждение играет вспомогательную роль и что эти нормы исполняются на основе убежденности в их целесообразности и правильности. Это означает, что мотивационное воздействие на поведение людей нормы социалистического права оказывают не столько стоящими за ними санкциями, сколько выраженными в них диспозициями. Отсюда, однако, иногда делаются ошибочные выводы о том, что, во-первых, в социалистическом законодательстве все большее место начинают занимать нормы, которые вообще не предусматривают самой возможности применения принудительных мер¹¹⁹, и во-вторых, что из определения понятия социалистического права следует вовсе исключить указание на меры государствен-

¹¹⁹ См., например, С. А. Голунский, К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права. «Советское государство и право» 1961 г. № 4, стр. 31.

ного принуждения, поскольку для социалистического права они неспецифичны и потому не выражают его подлинной сущности¹²⁰. Между тем нормы, которые не просто реализуются добровольно, но за которыми не стоит даже возможность применения государственно-принудительных мер, не являются правовыми нормами, и говорить, что они занимают все более значительное место в системе *права*, – значит выдвигать положение, опровергающее самое себя: либо эти нормы (имеются в виду нормы рекомендательные) действительно занимают место в системе социалистического права, и тогда они опираются на государственную, в том числе и государственно-принудительную охрану, либо они вообще исключают возможность государственного принуждения и, следовательно, никакого места в системе права не занимают, а находятся за ее пределами. Что же касается общего определения понятия социалистического права, то ничем не оправданная гиперболизация принудительных мер, нашедшая отражение в формуле, которая была предложена в 1938 г., теперь для всех ясна и очевидна. Однако нет решительно никаких оснований полностью исключать из определения понятия социалистического права указание на государственно-принудительные меры, так как это лишь дезориентировало бы наших теоретиков и практиков. Если бы и было верно утверждение, что принудительные меры не выражают сущности *социалистического права*, то и тогда от них не следовало бы отказываться в общенаучном определении, которое должно строиться на основе сочетания признаков рода и вида. А родовая характеристика *права*, одним из видов которого является право социалистическое, по необходимости включает в себя также и указание на меры государственной охраны, в том числе – на меры государственного принуждения. Но дело здесь прежде всего в том, что ошибочна самая посылка, на которой критикуемая концепция строится. Поскольку государственное принуждение остается при социализме объективно необходимым, то как бы относительно малочисленными ни были случаи его фактического применения, оно сохраняет значение существенного признака социалистического права наряду с тем, что в этом качестве выступает и убеждение в его различных формах. Вот почему нельзя абстрагироваться от государственного принуждения как при разработке общего определения понятия социалистического права, так и при анализе методов его воздействия на человеческие поступки в социалистическом обществе.

Однако (и на это надлежит обратить особое внимание) меры государственного принуждения, если даже ограничиться одними только юридическими средствами, не исчерпывают всех методов стимулирования должной реализации норм социалистического права. Они хотя и стоят за любой юридической нормой, но остаются на заднем плане – только как последствия, устанавливаемые для случаев правонарушений. Напротив, на передний план все более выдвигаются в современных условиях такие юридические обеспечительные средства, как *разъяснительные, организационные, стимулирующие и рекомендательные*.

Разъяснительное значение имеют широко применяемые в законодательной практике нашего государства, особенно в законодательной практике последних лет, преамбулы к важнейшим законам, совместным постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а также к важнейшим постановлениям правительства по вопросам государственного, хозяйственного и культурного строительства. В преамбулах разъясняются мотивы, приводящие к изданию соответствующего акта, и задачи, разрешению которых он призван способствовать. Достаточно вспомнить, например, какое место было отведено преамбулам в таких нормативных актах, как Закон о дальнейшем совершенствовании, организации управления про-

¹²⁰ См., например, Д. А. Керимов, Сущность общенародного социалистического государства. «Вестник Ленинградского университета» 1961 г. № 23, серия экономики, философии права, вып. 4, стр. 137.

мышленностью и строительством¹²¹ или Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР¹²².

Самые законодательные разъяснения, содержащиеся в преамбулах, выполняют и организационную функцию. В то же время во многих случаях соответствующие части нормативных актов посвящаются непосредственно организационным мерам, проведение которых должно способствовать реализации определенных теми же актами общих юридических правил. Вследствие этого нередко и возникает необходимость, наряду с общими правилами, включать в законы и постановления статьи, которые приобретают значение юридических фактов, порождая конкретные права и обязанности у тех или иных государственных органов.

Упомянутые меры зачастую сочетаются с мерами стимулирующего порядка. При этом если содержание правовой нормы исчерпывается единственно и исключительно тем, что она объявляет какое-либо поведение противоправным, то никакие особые, дополнительные стимулы, кроме мер ответственности, для обеспечения ее соблюдения в закон не вводятся. Когда же норма права направлена на урегулирование нормальной и полезной деятельности, она может быть снабжена теми или иными стимулами в случаях формулирования не только дозволений, но и подлежащих безусловному выполнению юридических предписаний. Так, например, общие плановые нормы носят обязательный характер, чем и обуславливается обязательность конкретных плановых заданий, устанавливаемых для каждой социалистической хозяйственной организации в отдельности. Тем не менее Положение от 4 февраля 1961 г. о фонде предприятия, значительная часть которого расходуется на премирование и иные виды поощрения работников, устанавливает, что для производства отчислений в этот фонд достаточно выполнения плана по основным его показателям.

Используемые в юридических нормах стимулы бывают моральными и материальными. Моральные стимулы, поскольку они опираются на определенные юридические нормы (например, на Положения об орденах и медалях), обладают одновременно и правовым характером. Они отличаются от материальных стимулов тем, что не вносят каких-либо изменений в имущественное положение поощряемого, кроме случаев, когда они сочетаются со стимулами материальными, как это, например, имеет место при присуждении Ленинских премий. Материальные стимулы всегда получают определенное ценностное выражение, а в зависимости от их влияния на имущественную сферу могут быть разбиты на меры эквивалентного и поощрительного порядка. Например, стимулирующая функция повышения государственных заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию состоит в том, чтобы обеспечить приведение их в соответствие с себестоимостью продуктов, производимых колхозами, т. е. направлена на внедрение начала эквивалентности в отношения по заготовкам сельскохозяйственной продукции. Когда же постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июня 1960 г.¹²³ предусматривало премирование работников предприятий промышленности, строительства, транспорта и связи, а также некоторых других организаций за создание и внедрение новой техники и технологии, комплексной механизации и автоматизации производства, оно тем самым в дополнение к началу эквивалентности (оплата труда по его количеству и качеству) ввело и соответствующие поощрительные меры.

Как моральные, так и материальные стимулы могут быть применены не только к отдельным гражданам — труженикам социалистического производства, но и к их коллективным объединениям. Применимость к последним моральных стимулов (в виде, например, награждения орденами и медалями) и стимулов материальных, выражающихся во внедре-

¹²¹ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1957 г. № 11, ст. 275.

¹²² См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1959 г. № 1, ст. 5.

¹²³ СП СССР 1960 г. № 12, ст. 87.

нии начал эквивалентности, сомнений не вызывает. Но то же самое следует сказать и о материальных стимулах, воплощающихся в поощрительных мерах. Так, например, предусмотренные законодательством о морских перевозках премии за досрочную погрузку и выгрузку грузов уплачиваются хозорганам – грузоотправителям и грузополучателям. Согласно Правилам о подрядных договорах по строительству, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г.¹²⁴, экономия, полученная подрядчиком в результате рационализации строительного производства, целиком поступает в его распоряжение. В соответствии с Уставом Государственного банка СССР, утвержденным Советом Министров СССР 29 октября 1960 г.¹²⁵, Госбанк должен подходить дифференцированно при кредитовании социалистических организаций, предоставляя тем из них, которые хорошо работают, преимущества, установленные действующим законодательством.

Особое место среди юридических способов, обеспечивающих выполнение правовых норм в социалистическом обществе, занимают рекомендации, которые применяются едва ли не исключительно в нормативных актах, обращенных к колхозам и иным кооперативным и общественным организациям¹²⁶. Нормы, в которых содержатся рекомендации, бывают двух видов: одни из них, рекомендуя что-либо, одновременно и позволяют совершение действий, которые ранее дозволенными не считались (такова, например, рекомендация постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г.¹²⁷ относительно ежемесячного авансирования колхозников); другие же из числа различных вариантов поведения, дозволявшегося и ранее, рекомендуют выбрать и закрепить какой-либо один вариант (такова, например, рекомендация постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 26 сентября 1953 г.¹²⁸ образовывать в колхозах строительные бригады). То обстоятельство, что рекомендации первого вида являются юридическими нормами, едва ли может быть оспорено, ибо за ними, как и за любыми правовыми дозволениями, стоят меры юридической охраны. Сложнее обстоит дело с рекомендациями второго вида, действительная сущность которых не столь очевидна. Как уже отмечалось, С. А. Голунский считает их особыми, свойственными лишь социалистическому обществу юридическими нормами, специфика которых состоит в том, что за ними вовсе не стоят меры государственного принуждения. Н. Г. Александров¹²⁹ и А. С. Пиголкин¹³⁰, соглашаясь с тем, что указанные нормы на государственно-принудительные меры не опираются, вообще исключают их из числа юридических норм. Было, однако, высказано и иное мнение, согласно которому силу юридических норм имеют любые включаемые в закон рекомендательные нормы, так как все они в конечном счете обеспечиваются мерами государственной охраны¹³¹.

Присоединяясь к последней точке зрения, необходимо подчеркнуть, что авторы, ее оспаривающие, не усматривают в нормах такого рода ничего другого, кроме рекомендации. Но так как рекомендация сама по себе не может иметь обязательного значения, то отсюда и делается вывод об отсутствии у нее какой бы то ни было правовой силы. Нетрудно, однако, заметить, что при подобном одностороннем подходе следовало бы отказать в правовом значении и таким, безусловно, юридическим нормам, в которых формули-

¹²⁴ См. «Законодательные акты по вопросам народного хозяйства СССР», т. II, Госюриздат, 1961, стр. 263–272.

¹²⁵ СП СССР 1960 г. № 18, ст. 160.

¹²⁶ Иногда, впрочем, с рекомендациями приходится встречаться так же в нормах, адресуемых государственным организациям.

¹²⁷ См. «Известия» 9 марта 1956 г.

¹²⁸ См. «Правда» 26 сентября 1953 г.

¹²⁹ См. Н. Г. Александров, Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе, «Вопросы философии» 1957 г. № 1, стр. 50.

¹³⁰ См. А. С. Пиголкин, Нормы советского права и их толкование, автореферат кандидатской диссертации, М., 1962, стр. 5.

¹³¹ См., например, П. Е. Недебайло, Советские социалистические правовые нормы, Львов, 1959, стр. 75–79.

руется дозволение. Ведь дозволение само по себе тоже ни к чему не обязывает лиц, которым оно адресовано! Тем не менее подобных выводов никто не делает, ибо каждому понятно, что совершение действий, дозволенных законом, им и охраняется. Но то же самое наблюдается и в рекомендательных нормах. Если какое-либо поведение уже и ранее было дозволено законом, вновь издаваемая рекомендательная норма в пределах дозволенного выделяет лишь один и именно такой вариант поведения, который с общегосударственной точки зрения представляется наиболее желательным. Тем самым рекомендательная норма включает в себя как дозволение, которое конкретизирует и уточняет формулированное в прошлом более широкое правило, так и рекомендацию – в рамках такого широкого правила следовать указанному в ней оптимальному варианту. Как метод конкретизации общего дозволения рекомендательная норма опирается на государственную охрану и потому приобретает все признаки, характерные для юридической нормы. Однако содержащаяся в ней рекомендация принудительной силой не обладает, а является средством претворения в жизнь общего правила в таком конкретном направлении, которое при отсутствии рекомендации, возможно, и не было бы избрано или избиралось бы случайно, спорадически, без ясного представления о том, что именно данное направление оказывается максимально эффективным и целесообразным.

Следовательно, рекомендательная норма является нормой права в том смысле, что она формулирует дозволение – либо впервые для советского законодательства в целом, либо в порядке детализации более широкого дозволения путем указания на оптимальный вариант его использования. Однако в отличие от обычного дозволения, реализация которого передается всецело на усмотрение правомочных лиц, дозволение-рекомендация представляет собою метод активного воздействия государства на формирование воли тех, от кого зависит принятие колхозом, иной кооперативной или общественной организацией определенного нормативного решения. Поэтому если, рассуждая абстрактно, из нормативного дозволения не вытекает необходимость его реализации, то сопутствующая ему государственная рекомендация способствует переходу от дозволения действий к принятию нормативного решения, которое не просто дозволено, но и рекомендовано. В этом как раз и состоит обеспечительная функция, которую по отношению к юридическим нормам выполняют наряду с разъяснительными и стимулирующими также и рекомендательные средства.

Итак, общими формами мотивационного воздействия правовых норм на поведение людей являются: а) в пределах диспозиций – запреты, дозволения и предписания; б) в пределах обеспечительных мер – санкции. В условиях социалистического общества эти общие формы выступают: а) в пределах диспозиций – в виде запретов прямых и негативных; дозволений с прямой и обратной мотивацией, устремленных или не устремленных на их обязательную реализацию, выражающих властные полномочия государственных органов или направленных на передачу таких полномочий негосударственным (общественным) организациям; предписаний обычных и предписаний-заданий, предписаний специальных и общих, включая и те, которые возводят в правовую норму требование соблюдать этические установки социалистического общества; б) в пределах обеспечительных мер – санкции, а также меры разъяснительные, организационные, стимулирующие и рекомендательные. Задача заключается лишь в том, чтобы из общей совокупности перечисленных форм при издании конкретных законодательных актов избирать такие, которые более всего способны мотивировать целесообразное и желательное с государственной точки зрения поведение.

Если, например, государство считает какие-либо поступки нежелательными, то в первую очередь используются, конечно, специальные прямые запреты.

Но не всегда прямые (общие и специальные) запреты оказываются достаточно эффективными в борьбе с нежелательным поведением. Известно, например, что запрещение абор-

тов под угрозой уголовного наказания не дало сколько-нибудь ощутимых положительных результатов. В подобных случаях следует либо вовсе отказаться от правового воздействия, либо прибегнуть к правовому нормированию посредством дозволений с обратной мотивацией.

В нормотворческой практике встречаются и такие случаи, когда запреты распространяются на поведение, которое отнюдь нельзя рассматривать как нежелательное. Подобные запреты порождают серьезные затруднения на практике, так как мотивируют не столько воздержание от совершения запрещенных поступков, сколько изыскание способов, при помощи которых можно было бы обойти ничем не объяснимый законодательный запрет. Например, действующие правила запрещают органам потребительской кооперации отпускать товары в порядке безналичных расчетов любым социалистическим организациям, кроме колхозов и межколхозных объединений. Трудно сказать, чем вызвано издание таких правил. На практике же это приводит к последствиям, аналогичным тем, о которых сообщалось в газете «Известия» № 82 за 1962 г. Школе были отпущены средства для приобретения угля, который имелся в достаточном количестве на торговом складе райпотребсоюза. Однако школа могла приобрести уголь только в порядке безналичных расчетов, а райпотребсоюз был вправе отпустить ей его лишь за наличные деньги. Чтобы выйти из такого несуразного положения, местные руководители предоставили школе возможность перевести деньги на счет раймежколхозстроя с тем, чтобы последний приобрел уголь у райпотребсоюза в порядке безналичных расчетов, а затем передал его школе.

Ясно поэтому, что прежде чем вводить законодательный запрет, необходимо не только выявить его способность мотивировать отказ от запрещаемого поведения, но и установить, действительно ли следует считать нежелательными те поступки, юридическое запрещение которых проектируется.

Если же какое-либо поведение с государственной точки зрения не является нежелательным, то прежде чем избирать форму его правовой регламентации, нужно всесторонне изучить вопрос, целесообразно ли вообще распространять на него действие правовых норм. Иногда отказ от правового регулирования дает гораздо больший эффект, чем его применение. Примером тому являются многочисленные факты передачи функций некоторых государственных органов различным общественным организациям. Но мыслимы явления и обратного порядка. Например, в прошлом некоторые работы в колхозах производились государственными организациями в порядке шефства, что порождало крайнюю неопределенность во взаимоотношениях между ними. Колхозы не всегда знали, какие из выполненных работ и затраченных материалов подлежат оплате, отвечают ли шефы за качество произведенных работ и т. д. Кроме того, шефская помощь порождала иждивенческие настроения в некоторых колхозах. Но после того, как XX съезд партии предложил оформлять такие работы заключением подрядных договоров, от былой неопределенности не осталось и следа, так как взаимоотношения сторон определяются отныне законом и заключенными на его основе договорами.

Если установлена необходимость правового регулирования такого поведения, выбор конкретной юридической формы может колебаться между дозволением и предписанием с учетом, разумеется, того, что запрет составляет необходимый элемент предписания и зачастую выступает в качестве внешней границы дозволения.

Дозволения и предписания, используемые в целях нормирования правомерного поведения, могут быть применены в четко определенных границах и без таких ограничений. Само собой, однако, разумеется, что предписание-здание должно быть точно очерчено, так как в противном случае ни исполнитель не будет знать, что от него требуется, ни законодатель не сможет проверить, в какой мере выполнено его предписание. Поэтому когда в плановых нормативных актах встречается, например, формула «добиться новых, более высоких

показателей на прежних производственных площадях», то ее можно рассматривать лишь как общий призыв, а не нормативное предписание. Нормативным предписанием такая формула стала бы при условии, если бы в плане было затем разъяснено, каких именно показателей следует достигнуть на прежних производственных площадях и каких – за счет введения новых мощностей.

Далее нет надобности прибегать к предписаниям-напоминаниям. Когда, например, в некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда СССР напоминает о необходимости строго соблюдать тот или иной закон, к самому закону это ничего не добавляет, ибо его обязательность очевидна без всяких напоминаний. Подобное напоминание создает лишь ошибочные представления, будто имеются законы, соблюдать которые необязательно.

Наконец, когда к органам государственной власти адресуется дозволение (уполномочие очень важно в целях укрепления законности установить его внешнюю границу, за которой начинает действовать запрет, так как в противном случае все будет зависеть от дискреционного усмотрения должностных лиц, а при таких обстоятельствах не исключены элементы произвола и бесконтрольного злоупотребления властью¹³².

Существенное значение имеет также правильный выбор обеспечительных мер с учетом мотивационных возможностей, заложенных в каждой из них.

Конечно, поскольку речь идет о юридических нормах, они, как уже неоднократно отмечалось, всегда опираются на меры государственного принуждения. Но в условиях социалистического общества в самих правовых нормах используются и другие перечислявшиеся ранее обеспечительные средства, целесообразное применение которых в законодательной практике не может не дать серьезного социального эффекта.

В частности, такое обеспечительное средство, как разъяснительный метод, может применяться не только в целях объяснения мотивов издания законодательного акта или задач, разрешению которых он посвящается, но и для ознакомления с конкретными способами, при помощи которых должны быть реализованы правила, воплощенные в юридических нормах¹³³. Но не следует думать, что организационные меры можно заменить разъяснениями. Эти меры имеют самостоятельное значение, и когда при издании нормативного акта о них забывают, его применение становится либо вовсе неосуществимым, либо в высшей степени затруднительным. Так произошло, например, с идеей третейских судов, выдвинутой в 1959 г. Сама по себе очень правильная и важная, эта идея, направленная на усиление демократических начал в разрешении хозяйственных споров между социалистическими организациями, длительное время после ее юридического оформления фактически не находила никакого отклика. И если ныне третейское разрешение хозяйственных споров между социалистическими организациями становится все более частым, то это в значительной степени является результатом усилий самих арбитражных органов. По их инициативе в некоторых совнархозах утверждены лица, из которых по выбору спорящих сторон формируются третейские суды. Арбитражи рекомендуют также хозяйственникам, с учетом особенностей некоторых дел, переносить такие дела на разрешение третейских судов и т. п.

По поводу средств, которые используются для стимулирования определенного поведения, нужно сказать, что когда они рассчитаны на конкретные правоотношения, только стабильность и достаточная определенность делают их действительно эффективными методами мотивирования поступков, в совершении которых заинтересовано общество. В противном случае они могут вызвать к себе скептическое или даже просто равнодушное отно-

¹³² По тем же причинам наши ученые выступают в принципе против использования в советских законах абсолютно-неопределенных гипотез (см. например, А. С. Пиголкин, Нормы советского права и их толкование. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1962, стр. 6).

¹³³ См., например, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 марта 1962 г. («Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 12, ст. 155).

шение. Например, такое мероприятие, как конкурс, целиком базируется на стимулировании. Однако закона о правовом регулировании конкурсных отношений не было до принятия новых республиканских гражданских кодексов и это позволяло иногда организаторам конкурса совершенно безнаказанно менять его условия или даже вовсе отменять объявленный конкурс. В результате затраченный труд, воплощенный в произведениях, созданных для конкурса, оказывался не только не поощренным и не компенсированным, но вообще оставался вне какой-либо оценки. Важно определить, наконец, и разумные рамки практического применения законодательных рекомендаций.

Следует, например, учитывать, что рекомендация, обращенная к гражданам, оказалась бы лишенной каких-либо юридических признаков и ничего, кроме обычного совета, собой не представляла бы, ибо гражданин не может на ее основе юридически закрепить для себя в качестве обязательного то поведение, которое закон ему лишь рекомендует. Другое дело – колхозы и иные кооперативные или общественные организации, которые в соответствии с рекомендательной нормой вправе принять определенное нормативное решение с тем, что вплоть до его отмены это решение приобретает обязательную силу для самих принявших его организаций и будет обеспечено мерами государственной охраны как санкционированное исходящей от государства рекомендательной нормой. То же самое следует сказать и о случаях, когда администрация госоргана обязана согласовывать свои решения с профсоюзной организацией, поскольку и здесь законодательная рекомендация может быть реализована посредством самостоятельно принимаемого, но юридически обязательного решения.

Таким образом, использование рекомендательного метода обеспечения юридических норм предполагает одновременное наличие двух условий: а) нежелательность применения предписаний в связи с тем, что хотя бы один из адресатов правовой нормы не является составной частью общегосударственной системы и выступает как самостоятельный по отношению к государству субъект; б) способность адресатов рекомендации к ее самостоятельному юридическому закреплению, которое приобретает обязательную силу для них самих и обеспечивается мерами государственной охраны.

3

Норма права должна мотивировать совершение или воздержание от совершения указанных в ней поступков. Но при ее установлении нельзя опираться единственно и исключительно на анализ мотивационных способностей, заложенных в самой юридической норме. Не меньшее значение приобретает оценка последствий, которые в соответствии с целью, преследуемой законодателем, должны наступить в результате издания и практического применения изданного нормативного акта. Эти последствия нуждаются в оценке с точки зрения двух критериев – *возможности и целесообразности*.

Первый критерий – критерий возможности – означает, что для действительности установленных государством правовых норм необходимо, чтобы были объективно осуществимы, во-первых, реальные последствия, к которым в области регулируемых отношений законодатель стремится, и, во-вторых, юридические последствия, предусмотренные им на случай нарушения той или иной нормы права. Если не соблюдается хотя бы одно из перечисленных требований, изданная норма становится практически бессмысленной: в случае неосуществимости вытекающих из нее реальных последствий не выполняется диспозиция нормы, какими бы строгими санкциями она ни была обеспечена; когда же нереализуемой оказывается санкция, установленное правило перестает быть правовой нормой, поскольку следование ему ставится фактически в зависимость всецело от усмотрения его адресатов.

Так, при обсуждении проекта Основ некоторые авторы, ссылаясь на стирание различий между городской семьей и семьей колхозника, предлагали упразднить институт совместной собственности колхозного двора и ввести для семьи колхозника режим общей супружеской собственности, а также индивидуальной собственности всех других членов колхозного двора. Основной дефект этого предложения заключался в том, что оно выдвигалось вне реального учета современной действительности. Как ни продвинулся за последние годы процесс сближения города и деревни, различия между ними все еще сохраняются, что дает о себе знать также и в различии укладов имущественных отношений, сложившихся в городской и сельской семье: первая представляет собой семейное, а вторая – семейно-трудовое объединение, цементируемое не только родственными связями, но и совместным ведением хозяйства на приусадебном участке. Отменить это различие путем декретирования невозможно. Оно будет постепенно сглаживаться по мере сближения государственной и колхозно-кооперативной собственности и окончательно исчезнет только после их слияния в единую всенародную собственность. Пока же существует различие между двумя формами социалистической собственности, сохраняется и специфика колхозного двора как семейно-трудового объединения.

Но бывает и так, что фактический результат, предполагавшийся при проектировании правовой нормы, вполне достижим, однако юридические средства, рекомендуемые для его достижения, объективно нереализуемы. Например, до тех пор, пока проектные организации находились на бюджетно-сметном финансировании, невозможно было добиваться улучшения качества проектных работ путем возложения на них, как иногда предлагалось в литературе, материальной ответственности за допущенные недостатки, ибо у проектных организаций отсутствовали источники, за счет которых можно было бы взыскивать с них имущественные санкции. Поэтому если бы была принята норма с подобными структурными дефектами, относящимися, в частности, к обеспечивающим ее исполнение правовым средствам, она тоже превратилась бы в социальный нуль ввиду ее полной неспособности стимулировать необходимый практический эффект.

Еще более важно устанавливать в каждом отдельном случае, насколько объективно осуществимы последствия практически целесообразны. Критерий целесообразности

сти также должен быть применен к оценке изменений, касающихся как самих реальных отношений, так и форм их юридического опосредствования.

Нет, например, каких-либо юридических препятствий к тому, чтобы упразднить промежуточные звенья в системе договорных связей по сбыту и снабжению и ввести для всех без исключения случаев прямые договорные отношения между предприятиями, изготавливающими продукцию и потребляющими ее. Предложения такого рода в литературе выдвигались, и их объективная осуществимость никогда под сомнение не ставилась. Но они не могли быть приняты по соображениям экономической целесообразности. Нельзя сбрасывать со счета многочисленные мелкие отправки, а также хозяйственные отношения, субъектный состав которых из года в год меняется. Распространение прямых договорных связей также и на эти случаи приводило бы к тому, что вместо 5–10 договоров, заключаемых ныне со сбыто-снабженческими организациями, предприятия вынуждены были бы оформлять сотни, а то и тысячи договоров с непосредственными потребителями своей продукции. В результате их сбыто-снабженческий аппарат разросся бы настолько, что по сумме всех предприятий страны он значительно превысил бы численность аппарата сбыто-снабженческих органов, не говоря уже о том, что такое раздвоение деятельности хозорганов отрицательно сказалось бы на выполнении стоящей перед ними основной задачи, связанной с осуществлением процесса расширенного воспроизводства на социалистических предприятиях. Как давно уже доказано экономической наукой, отделение торговли от чисто производственных функций обеспечивает экономию сил и времени, внешним выражением которой является экономия денежных средств. Отказываться от такой экономии ради огульного внедрения прямых договорных связей нет ровно никакого смысла. Выявившаяся экономическая нецелесообразность соответствующих рекомендаций и обусловила их отклонение.

Те же соображения целесообразности могут касаться и последствий юридического порядка. Так, в отношениях по договору перевозки грузов отдельные виды транспорта в прошлом нередко несли ответственность независимо от их вины (железнодорожный транспорт отвечал независимо от своей вины за просрочку в доставке груза, воздушный транспорт – за сохранность груза). Такое построение оснований ответственности на транспорте было явно нецелесообразным, ибо возложение на перевозчика ответственности независимо от его вины ни в какой мере не отражало недостатков его деятельности. Поэтому Основы отказались от подобных исключительных норм и предусмотрели в ст. 74–75 вину как необходимое условие ответственности всех видов транспорта за несохранность груза и просрочку в его доставке. Вместе с тем Воздушный кодекс СССР 1961 г.¹³⁴, принятый уже после издания Основ, для случаев причинения личного вреда пассажиру сохранил прежний принцип, согласно которому при правонарушениях такого рода воздушно-транспортное предприятие несет ответственность не только за вину или казус, но и за непреодолимую силу. И это вполне объяснимо, так как здесь на первый план выступают соображения целесообразности, относящиеся не к оценке недостатков работы транспортного предприятия, а к обеспечению повышенной охраны интересов граждан, когда они пользуются услугами такого вида транспорта, каким является транспорт воздушный.

Не следует, однако, забывать и о том, что наряду с прямым результатом, на достижение которого непосредственно рассчитано издание юридической нормы, она может повлечь за собой и некоторые другие, параллельные, или попутные, последствия, которые не составляли цели введения нового закона, но должны всесторонне учитываться в процессе нормотворческой деятельности социалистического государства. Иногда такие последствия столь же желательны, как и те, которые составляли главную цель, преследовавшуюся при издании нормативного акта. Они, разумеется, еще в большей степени усиливают и под-

¹³⁴ См. «Ведомости Верховного Совета СССР» 1961 г. № 52, ст. 538.

крепляют необходимость запроектированных законодательных нововведений. Так, например, ст. 7 была включена в Основы для расширения юридических методов охраны чести и достоинства советских граждан и социалистических организаций. Но в то же время, предусмотрев обязательность опровержения в печати не соответствующих действительности, позорящих честь и достоинство сведений, которые были опубликованы также в печати, она способствует повышению ответственности работников газет и иных печатных органов за доброкачественность и достоверность помещаемых ими материалов, что имеет весьма существенное положительное значение, хотя и не составляет основной цели конструирования этого нового для советского гражданского права института. Другое дело, когда параллельные последствия относятся к разряду нежелательных. В этом случае сообразно с особенностями той или иной конкретной ситуации возникший вопрос может получить тройное разрешение.

Во-первых, закон, запроектированный ради достижения основной цели, издается, но одновременно принимаются законодательные меры, направленные на устранение других и именно нежелательных последствий. Например, главное назначение ст. 59 Основ состоит в том, чтобы обеспечить перераспределение образовавшихся у съёмщика излишков жилой площади в целях предоставления их лицам, нуждающимся в жилье. Но при переходе к распределению жилой площади по принципу «каждой семье – отдельная квартира» последовательное применение правила о перераспределении излишков жилой площади очень скоро могло бы привести к тому, что многие отдельные квартиры превратились бы в коммунальные. Во избежание таких нежелательных последствий та же ст. 59 Основ устанавливает, что если излишки жилой площади образуются у семьи, имеющей в пользовании отдельную квартиру, она вправе требовать предоставления ей другой квартиры меньшего метража, а при невыполнении этого требования наймодатель лишается права на изъятие излишков.

Во-вторых, ввиду невозможности устранения вытекающих из запроектированного закона параллельных последствий, законодатель вовсе отказывается от его издания, несмотря на то, что он мог бы привести и к некоторым положительным результатам. Несколько лет тому назад, например, известное распространение получила идея, суть которой состояла в том, чтобы для борьбы с непотребительским использованием материальных объектов личной собственности запретить сдачу внаем дачных помещений их индивидуальными владельцами. Однако сторонники этой идеи не учитывали, что государство пока еще не располагает дачным фондом в таком объеме, который позволил бы полностью удовлетворить потребности трудящихся в летнем отдыхе, и потому если бы предложенная норма была введена, число случаев непотребительского использования материальных объектов личной собственности оказалось бы, конечно, сокращенным, но сокращенным за счет существенного ущемления интересов и потребностей широких слоев населения. Ясно, что Советское государство пойти на такой шаг не могло и предложенная идея законодательной поддержки не получила.

В-третьих, если основная цель запроектированного закона приобретает особенно существенное значение, он может быть принят, несмотря на то, что повлечет за собой и некоторые неустранимые отрицательные последствия. Так, едва ли нужно доказывать, что отмена аналогии в уголовном праве обусловила безнаказанность некоторых общественно опасных деяний, прямо не предусмотренных в уголовном законодательстве в качестве составов преступлений. Но для целей укрепления социалистической законности несравненно большее значение имеет принцип «нет преступления, нет наказания, если нет на то прямого указания в законе», чем оставление ненаказуемыми отдельных общественно опасных деяний до тех пор, пока выявившийся в уголовном законодательстве пробел не будет восполнен. В этом, как и в ряде других случаев, разумное «взвешивание» последствий обоего рода может привести законодателя к выводу, что закон все же должен

быть принят, поскольку обеспечиваемые им положительные последствия явно преобладают над последствиями отрицательными.

Очень важно, наконец, добиваться логического и практического согласования последствий, которые порождаются различными по содержанию, но так или иначе связанными между собой нормативными актами К сожалению, однако, это требование иногда не выполняется, и в таких случаях бывает очень трудно выявить логику нормативного акта, а главное сообразовать ее с логикой самой жизни. Вот один из примеров, относящихся к практике последнего времени.

В литературе по гражданскому праву давно уже ведется спор о том, как в делах о причинении увечья на производстве определять объем причитающегося потерпевшему возмещения, если имела место так называемая смешанная, или обоюдная, вина. Предположим, что средний заработок потерпевшего составлял 100 руб.; в результате причиненного увечья он утратил полностью как профессиональную, так и общую трудоспособность и ему была назначена пенсия в сумме 40 руб. Однако в ходе рассмотрения дела выяснилось, что виновными в наступлении вредных последствий были в одинаковой степени как причинитель вреда, так и сам потерпевший. Согласно одной точке зрения в таких случаях следует общую сумму заработка, утраченного потерпевшим, разделить пополам ($100: 2 = 50$), из полученного результата исключить сумму назначенной пенсии ($50 - 40 = 10$), которую причинитель обязан целиком возместить органам собесов по предъявленному ими регрессному иску, и тогда остаток (10 руб.) составит сумму, которую в порядке возмещения вреда причинитель должен выплачивать потерпевшему. В соответствии с другой точкой зрения нужно поступить иначе, а именно из общей суммы утраченного потерпевшим заработка вычесть сумму пенсии ($100 - 40 = 60$) с тем, что сообразно со степенью его вины выплачиваемая пенсия в половинном размере ($40: 2 = 20$) компенсируется причинителем органам собесов, остаток (60 руб.) разделить пополам ($60: 2 = 30$) и таким образом определить сумму возмещения (30 руб.), которая причитается с причинителя вреда в пользу потерпевшего.

Каждая из этих точек зрения получила свое вполне логичное обоснование. Сторонники первого метода исчисления ссылались на то, что он обеспечивает полное соответствие между степенями виновности причинителя вреда и потерпевшего и распределением ущерба между ними. Действительно, причинитель и потерпевший в наступлении ущерба (100 руб.) виновны в одинаковой мере, и потому причинитель возмещает половину от общей суммы вреда (50 руб.: 40 руб. органам собесов и 10 руб. потерпевшему), а потерпевший получает возмещение половины понесенного им ущерба (50 руб.: 40 руб. в виде пенсии и 10 руб. за счет причинителя). Сторонники второго метода исчисления отмечали, что, поскольку основанием ответственности причинителя перед органами собесов служит его вина, он должен нести такую ответственность не в полном размере суммы выплачиваемой пенсии (40 руб.), а соответственно степени своей вины ($40: 2 = 20$ руб.). Тогда причинитель будет сообразно со степенью его виновности отвечать в пределах половины от общей суммы причиненного ущерба (50 руб.: 20 руб. органам собесов и 30 руб. потерпевшему), органы собесов также получат возмещение половины выплачиваемой ими пенсии ($40: 2 = 20$ руб.), а потерпевшему будет выплачиваться возмещение, превышающее сумму, на которую он мог бы притязать с учетом тяжести им самим допущенной виновности (не 50 руб., а 70 руб.: 40 руб. в виде пенсии и 30 руб. от причинителя вреда). И если при первом варианте сверхвозмещение получали бы органы собесов, то при втором варианте его получил бы потерпевший за счет собесов, что вполне оправданно, поскольку размер назначаемой в порядке социального обеспечения пенсии ни в какую зависимость от вины потерпевшего не ставится и ставиться не может.

Статья 94 Основ в вопросе о пределах удовлетворения регрессного иска, предъявляемого органами собесов к причинителям вреда, восприняла вторую точку зрения. В ней установлено, что при обоюдной (смешанной) вине такой иск подлежит удовлетворению

в соответствии со степенью вины причинителя. Напротив, утвержденные Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Президиумом ВЦСПС Правила возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой¹³⁵, относительно определения при тех же обстоятельствах объема ответственности причинителя вреда перед потерпевшим примкнули к первой точке зрения. В п. 17 этих Правил указано, что при обоюдной вине необходимо вначале разделить сумму утраченного заработка пропорционально степени вины причинителя и потерпевшего на две части, а затем из части ущерба, относимой за счет причинителя, исключить пенсию, и полученный остаток составит сумму возмещения, которая должна выплачиваться потерпевшему. Если оба приведенных правила применить к нашему примеру, то получится, что потерпевшему причинитель вреда будет выплачивать 10 руб. ($100:2=50$ руб.; $50-40=10$) и органам собеса 20 руб. ($40:2=20$), а всего 30 руб., т. е. на 20 руб. меньше, чем сумма ущерба, возникшего по его вине ($100:2=50$). В результате ухудшается положение либо потерпевшего (если считать по второму варианту, что он должен получать сверхвозмещение за счет органов собеса), либо органов собеса (если считать по первому варианту, что они должны за счет виновного причинителя получать возмещение всей суммы выплачиваемой ими пенсии), а улучшается положение виновного причинителя (что не вытекает ни из одного из числа предложенных вариантов и не может получить какого-либо оправдания).

Когда к законодательству предъявляются требования внутренней логической согласованности, обычно имеется в виду такое построение юридических норм, которое исключало бы возможность вынесения по одному и тому же вопросу противоположных решений со ссылкой на различные нормы права. Соблюдение этого требования составляет элементарную предпосылку последовательного осуществления начал социалистической законности. Но, как показывает приведенный пример, логика закона может страдать определенными дефектами и в ином отношении, когда различные нормы обуславливают не разноречивые выводы, а единое решение, но самое это решение оказывается внутренне противоречивым. В этом случае также имеет место нарушение требований логики, но требований гораздо более важных и существенных, заключающихся в том, что логика закона должна соответствовать логике самой жизни, характеру и сущности регулируемых правом общественных отношений. И если дефекты первого порядка вполне устранимы при наличии хорошо разработанных правил законодательной техники и строгом их выполнении в процессе издания нормативных актов, то дефекты второго порядка могут быть устранены лишь на основе всестороннего научного исследования всей совокупности конкретных вопросов, которые возникают в связи с проектируемыми законодательными нововведениями. Но для того чтобы советская юридическая наука могла оказывать эффективную помощь законодателю в этом направлении, она должна наряду с комментированием закона и выявлением его отдельных недостатков больше внимание уделять изучению конкретных причин и следствий, действующих в сфере регулируемых правом реальных отношений, так как лишь в таком случае выдвигаемые ею рекомендации смогут выдержать испытание и проверку с точки зрения не только законодательно-технической, но и практических потребностей нашего общества.

¹³⁵ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962 г. № 1, стр. 40–46.

4

Ближайшие последствия законодательного нормирования социалистических общественных отношений в своей совокупности и в своем переплетении с результатами, достигаемыми на каждом новом этапе общественного развития, входят в состав более отдаленных последствий и в этом смысле обуславливают наступление колоссального социального эффекта, к которому устремлена вся деятельность социалистического государства – построение коммунистического общества. Высокое качество юридических законов зависит от того, насколько при их издании, наряду с ближайшими, учитываются также вытекающие из них отдаленные последствия и в какой мере те и другие подчинены стоящей перед социалистическим государством конечной цели.

В известной мере проверка проектируемых законодательных нововведений под указанным углом зрения осуществима при помощи эксперимента. Примером такого эксперимента может служить организация Наро-Фоминского райколхозсоюза с предоставлением ему прав по организационно-хозяйственному руководству колхозами района с тем, чтобы проверить, насколько эта форма управления сельским хозяйством пригодна для придания ей всеобщей значимости. Судя, однако, по тому, что вместо райколхозсоюзов по решению мартовского (1962 г.) Пленума ЦК КПСС были созданы совхозно-колхозные и колхозно-совхозные управления, проведенный эксперимент ожидаемых результатов не дал.

Вместе с тем нужно со всей определенностью предупредить попытки экспериментов, которые с самого начала не могут получить оправдания. Так, например, О. А. Красавчиков полагал, что в порядке эксперимента следовало бы гражданские кодексы союзных республик первоначально ввести в действие на один год, а затем после устранения обнаруженных в ходе практической проверки недостатков, придать гражданским кодексам постоянную силу¹³⁶. Не говоря уже о том, какая неустойчивость и путаница в результате этого приема возникла бы в области кодификации советского гражданского законодательства, годичный опыт действия такого крупного закона, как гражданский кодекс, – период весьма незначительный, чтобы в его пределах можно было выявить не только юридические достоинства и недостатки кодекса, но и степень его социальной эффективности. Известно, например, что уже в первые месяцы после принятия ГК РСФСР 1922 г. совершались многочисленные нападки на его первую статью и выдвигались настойчивые требования исключить ее из Гражданского кодекса. А сколько раз после этого ст. 1 ГК РСФСР объявлялась «умершей», «не действующей», «не гласящей»! И что же? В 1961 г. принимаются Основы, в ст. 5 которых в измененной редакции и с новым целевым назначением, но все же воспроизводится главная идея той же ст. 1 ГК РСФСР.

Нужно постоянно иметь в виду, что в социальных науках вообще, в том числе и в науке юридической, наряду с экспериментом как искусственным приемом, ограниченным во времени своего действия, существенное значение приобретает другой метод проверки истинности научных суждений – общественная практика, социальный опыт, накапливаемый на основе данных более или менее длительного периода общественного развития. Следует ли отсюда, что тем самым издание юридических законов производится вслепую, без ясного представления о возможных отдаленных последствиях их действия и что только длительное применение этих законов позволяет ответить на вопрос, насколько их издание было разумным и обоснованным?

¹³⁶ См. О. А. Красавчиков, Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав, система), Свердловск, 1961, стр. 221.

Нет, не следует, ибо, во-первых, при издании нового законодательного акта всегда учитывается и используется предшествующий опыт, а, во-вторых, как указывал Маркс, то, что в естественных науках устанавливается посредством различных технических приспособлений, в области общественных наук достигается при помощи теоретической абстракции. В правильно построенных абстрактных категориях, разрабатываемых общественными науками, получают выражение объективные законы общественного развития, действующие в области как базиса, так и надстройки, в сфере как материальной, так и духовной жизни людей. Они позволяют, хотя бы в наиболее общих чертах, предвидеть не только ближайшие, но и отдаленные последствия, которые могут возникнуть в результате принятия новых юридических законов, в зависимости от того, насколько содержание этих законов соответствует требованиям, вытекающим из объективных закономерностей общественного развития.

Разумеется, объективные социальные закономерности, определяющие глубинную сущность общественных процессов, осуществляются при наличных конкретных условиях, предугадать которые в высшей степени трудно, а иногда и вовсе невозможно, между тем как правовые нормы при самых абстрактных методах их формулирования всегда рассчитаны на определенные, пусть и повторяющиеся, но все же конкретные общественные отношения. Поэтому очень часто даже в особо тщательно разработанных юридических законах со временем выявляются отдельные недостатки, нуждающиеся в устранении. Но такие недостатки большой опасности не представляют, если правильна воплощенная в нормативном акте общая идея, если он по своему главному и основному содержанию соответствует требованиям объективных социальных законов. К тому же достаточная оперативность нормотворческой деятельности социалистического государства позволяет ликвидировать подобные недостатки сравнительно быстро и относительно безболезненно. Другое дело, когда нормативный акт страдает не отдельными частными недостатками, а органическими пороками, которые либо делают его вовсе нереализуемым, либо объективно превращают этот акт в орудие, порождающее нежелательные, а то и резко отрицательные последствия. Дефекты такого порядка вполне устранимы уже в процессе разработки законопроекта, если его содержание будет подвергнуто всестороннему анализу на основе добытых наукой знаний относительно законов общественного развития. Здесь именно и должна проявиться сила научного предвидения, которая социалистической правовой теории присуща в такой же мере, как и всякой вообще подлинной науке. И для того чтобы выполнить стоящие перед ним задачи на этом наиболее ответственном участке, социалистическое правоправедение должно строго придерживаться трех основных условий.

Во-первых, каждое проектируемое законодательное нововведение необходимо подвергать проверке с точки зрения объективных закономерностей развития нашего общества, а также задач строительства коммунизма, выдвигаемых Коммунистической партией и социалистическим государством. В настоящее время, когда эти задачи точно определены и конкретно выражены в принятой на XXII съезде КПСС Программе партии, такая проверка, с одной стороны, значительно облегчается, а с другой стороны, становится, как никогда раньше, необходимой и обязательной.

Когда, например, в 1956 г. на страницах советской юридической печати была начата дискуссия о так называемом хозяйственном праве, противники образования этой отрасли права¹³⁷ ссылались главным образом на то, что ее выделение вызовет серьезные трудности законодательно-технического порядка (невозможность образования Общей части хозяйственного права, неизбежность дублирования одних и тех же норм в хозяйственных и гражд-

¹³⁷ Не следует, однако, смешивать вопрос о том, существует ли хозяйственное право как отрасль права, с вопросом о возможности преподавания хозяйственного права как комплексной юридической дисциплины. Не лишне в связи с этим напомнить, что возможность такого преподавания не отрицали ни один из противников хозяйственного права, ни одна из отраслей советского права.

данских кодексах и др.) и повлечет за собой определенные отрицательные практические последствия (в смысле надлежащего осуществления начал хозяйственного расчета и др.). Гораздо меньшее внимание уделялось самой существенной стороне этой проблемы, связанной с действующими при социализме объективными экономическими законами и задачами коммунистического строительства в СССР. Между тем характер экономических законов социализма предопределяет единство социалистических имущественных отношений независимо от того, являются ли их участниками организации или граждане. В свою очередь задачи коммунистического строительства предполагают не разобщение отдельных разновидностей социалистических имущественных отношений, а, наоборот, постепенное стирание различий между ними.

Во-вторых, для постановки актуальных вопросов законодательного порядка и для обеспечения их правильного разрешения юридическая наука должна установить самые тесные контакты с такими отраслями знаний, как марксистская социология, политическая экономика, отраслевые экономики, логика, психология, педагогика и др. Фактические данные и теоретические выводы этих отраслей знаний должны быть взяты на вооружение советским правоведением и использованы им в соответствующих специальных целях.

Практически без таких контактов обойтись настолько невозможно, что иногда в юридических работах приходится сталкиваться с многочисленными страницами, посвященными исследованию проблем экономического, психологического и т. п. характера. Однако наиболее идеальным было бы такое положение, когда юрист в процессе анализа своей специальной проблематики мог бы пользоваться выводами смежных наук как данными, не отвлекаясь от своей основной цели для их самостоятельного обоснования. Но такое идеальное положение достижимо, когда в смежных науках юрист находит все нужные ему выводы и когда эти выводы оказываются правильными. В этом смысле успехи юридической науки во многом зависят от успехов других отраслей общественных наук.

В-третьих, для того чтобы способствовать планомерному осуществлению нормотворческой деятельности соответственно фактическому развитию реальных отношений нашего общества, советское правоведение должно вскрывать общие тенденции дальнейшего развития социалистической государственно-правовой надстройки и на этой основе намечать необходимые последующие изменения, которые периодически будут вноситься в действующее законодательство. Только при этом условии каждый сколько-нибудь существенный новый нормативный акт, если не в деталях, то по крайней мере в основных его чертах будет служить воплощением того, что заранее предвидела и обосновала в своих выводах юридическая наука.

Общая тенденция конечного развития социалистической государственно-правовой надстройки ясна: она в конечном счете придет к своему отмиранию в результате полной и окончательной победы коммунизма. Но если ориентироваться только на эту тенденцию, внимание перспективных правовых научных исследований окажется сосредоточенным главным образом или даже исключительно на обнаружении моментов, свидетельствующих о том, что уже и сейчас наблюдается процесс постепенного перерастания социалистического государства в организацию коммунистического самоуправления и социалистического права в нормы коммунистического общежития. Именно такой характер носят статьи и монографии, затрагивающие указанную проблему, а потому конкретно практические предложения, в них выдвигаемые, ограничиваются нормами, которые, по мнению соответствующих авторов, было бы целесообразно переключить из правовой сферы в область нравственности, или государственными функциями, выполнение которых следовало бы передать общественным организациям.

Значение таких научных исследований очевидно. Но ими, конечно, нельзя ограничиваться, ибо движение к конечной цели – это и прямолинейный и зигзагообразный процесс,

в ходе развертывания которого наблюдаются весьма разнообразные, а нередко противоположные явления – не только потеря некоторыми нормами их юридического качества, но и распространение правового влияния на области, в которых ранее оно вовсе не наблюдалось, не только отказ от правового регулирования некоторых общественных отношений, но и всемерное усиление такого регулирования. Хорошо известны, например, такие факты, как усиление мер уголовного наказания за совершение ряда особо опасных преступлений, детализация в области гражданского законодательства правового нормирования отношений по бытовому обслуживанию населения, увеличение численности административно-правовых норм, регулирующих хозяйственную деятельность или призванных обеспечить строгое соблюдение государственного и общественного порядка, и т. п. Объяснить такие и иные аналогичные факты ссылкой только на тенденцию развития социалистического государства и права по пути к их отмиранию невозможно. Не подлежит, однако, сомнению, что и они представляют собой отражение вполне закономерных социальных процессов, а не результат каких-либо случайностей или ошибок. Происходит это потому, что самое отмирание социалистического государства и права предполагает одновременно и их всемерное укрепление, которое может быть обеспечено в одних случаях путем отказа государства от некоторых его функций и передачи их общественным организациям, в других же случаях – путем усиления государственно-правового регулирования и организации общественных отношений. И лишь тогда, когда юридическая наука будет постоянно держать в поле своего зрения обе отмеченные тенденции, выявляя конкретные сферы, в которых доминирует одна из них, но может быть во вспомогательном порядке использована также и другая, – лишь тогда юридическая наука окажется способной объяснить многообразные конкретные явления современной правовой жизни в их объективной необходимости, обосновать преходящий или даже случайный характер некоторых из них и предсказать необходимость или даже неизбежность возникновения новых, пока еще не существующих или только зарождающихся правовых норм, институтов и отношений.

Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права¹³⁸

Гармоническое сочетание материальных и моральных стимулов общественно полезной деятельности – один из важнейших принципов социализма. Этот принцип, порождающий объективную потребность в юридическом обеспечении, наряду с имущественными, духовных интересов членов социалистического общества, делает вполне объяснимым постоянно усиливающееся внимание советского закона к личным неимущественным правам. Очевидно также, что последние должны занять соответствующее их значению место в научно-правовых исследованиях, особенно при разработке понятий о таких отраслях советского права, которые, как, например, гражданское право, соединяют в себе регулирование имущественных отношений с охраной отношений личного неимущественного характера.

1. Теоретические дискуссии относительно понятия советского гражданского права, неоднократно возникавшие в предшествующие годы, несомненно имели один положительный итог. Заключается он в том, что ко времени издания Основ гражданского законодательства подавляющее большинство ученых пришло к единодушному выводу о необходимости трактовать гражданское право как отрасль советского права, регулируемую социалистические имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. Если здесь и сохранились разногласия, то лишь по поводу признаков имущественных отношений (стоимостная их форма, самостоятельность субъектов и т. п.), находящихся в границах действия гражданско-правовых норм и не включаемых в сферу применения норм других отраслей советского права.

После издания Основ в исследовании той же проблемы возникли новые трудности, но уже с иной, совершенно неожиданной стороны – со стороны личных неимущественных отношений. Впервые в истории советского гражданского законодательства Основы предусмотрели охрану и таких личных отношений, которые не связаны с отношениями имущественными, но предусмотрели ее не в виде общего правила, а только в случаях, прямо указанных в законе. Нуждается ли в связи с этим в пересмотре сложившееся определение советского гражданского права, или оно может и должно быть сохранено, несмотря на упомянутое существенное законодательное нововведение?

При его пересмотре мыслимо использование одного из двух приемов.

Можно было бы пойти по обычному для науки пути выявления объективных факторов, с необходимостью обуславливающих включение в состав предмета гражданского права строго определенной группы не связанных с имущественными личными неимущественных отношений. Но такой путь преграждается исчерпывающим перечнем, приведенным в законе. Так, например, Основы предусмотрели лишь гражданско-правовую охрану чести и достоинства. Однако если бы только на них ориентировалось научное определение, оно оказалось бы начисто опрокинутым новыми ГК, которые ввели также гражданско-правовую охрану «права на письма» и «права на собственное изображение». Попытки же установить объективные качества всех этих личных прав в целях их последующего отражения в общенаучном понятии не обеспечили бы должного эффекта потому, что тождественные признаки свойственны и некоторым другим однопорядковым явлениям, которые, как, например, право на имя, гражданским законодательством не охраняются, хотя и были бы охвачены построенным таким способом определением.

¹³⁸ Печ. по: Советское государство и право. 1966. № 7.

Возможен и иной путь: сохранить общепринятое определение, добавив к нему указание на то, что в случаях, прямо предусмотренных законом, советское гражданское право охраняет также не связанные с имущественными личные неимущественные отношения¹³⁹.

Но подобное «добавление» лишено какой бы то ни было научной ценности. Научные юридические понятия полезны лишь когда закон получает в них осмысленное отражение, а для простого повторения сказанного в самом законе нет надобности в особых научных понятиях. Бессмысленность определения в целом гражданского права как отрасли права, регулирующей предусмотренные в ней или допускаемые ею общественные отношения, очевидна каждому, поскольку гражданское право в подобном понятии не раскрывается в своей сущности и специфике, а определяется через самое себя.

Выходит, следовательно, что ни одним из абстрактно мыслимых приемов перестроить прежнее определение советского гражданского права, «исправить» его с учетом произведенного в последние годы расширения сферы действия гражданского законодательства не представляется возможным. При более внимательном анализе выясняется, что невозможность перестройки определения советского гражданского права с учетом включения в его сферу новой категории личных неимущественных благ обусловлена отсутствием объективной надобности в такой перестройке.

2. В самом деле, охватываемые действием гражданско-правовых норм личные неимущественные отношения подразделяются на два вида – связанные с имущественными отношениями и не связанные с ними. Такая связь наблюдается, например, в авторском и изобретательском праве, а также в праве на открытие. О ее отсутствии можно говорить применительно к тем личным благам, специальная охрана которых введена Основами и новыми республиканскими ГК: честь и достоинство, охраняемые в соответствии со ст. 7 Основ гражданскими кодексами всех союзных республик (см., например, ст. 7 ГК РСФСР); изображение какого-либо лица в произведениях изобразительного искусства, охрана которого, прямо не упоминаемая в Основах, также предусматривается во всех вновь принятых ГК (см., например, ст. 514 ГК РСФСР); письма, дневники, заметки, охраняемые согласно указаниям лишь новых ГК некоторых союзных республик (см., например, ст. 491 ГК Казахской ССР). Наряду с упомянутыми специальными нормами, приведенная классификация получила и общенормативное закрепление в ст. 1 Основ. Однако некоторые авторы отмечают более чем условный ее характер. Так, Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковский обращают внимание на то, что, например, авторские личные неимущественные отношения и права в большинстве случаев связаны с имущественными, но зачастую имеют и самостоятельную ценность, а охрана чести и достоинства обычно не связана с имущественными отношениями, но нередко предотвращает и имущественный ущерб, который мог бы быть вызван их умалением. Указанные авторы приходят поэтому к выводу, что «отношения одного вида обычно связаны с имущественными, но иногда эта связь отсутствует», а «отношения другого вида обыкновенно свободны от связи с имущественными отношениями, но иногда эта связь налицо»¹⁴⁰. При этом, однако, остается незамеченным, что личные права, связанные с имущественными, не иногда, а во всех без исключения случаях представляют также самостоятельную ценность; точно так же личные права, не связанные с имущественными, по общему правилу, а не в виде исключения, заключают в себе возможность прямой и косвенной охраны также имущественных интересов. Вот почему, ориентируясь на признаки, отмеченные Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковским, невозможно провести не только абсолют-

¹³⁹ По такому пути как раз и пошли авторы учебника для юридических вузов «Советское гражданское право», ч. 1, под ред. В. А. Рясенцева, изд. «Юридическая литература», М., 1965, с. 12.

¹⁴⁰ «Советское государство и право», 1963, № 1, с. 87.

ное, но даже не отрицаемое ими условное разграничение двух видов личных гражданских правомочий.

Когда личные и имущественные моменты соединяются в едином фактическом и, как следствие этого, личные и имущественные правомочия сочетаются в едином правовом отношении, говорят о личных отношениях и правах, связанных с имущественными. Но именно связанных, а не подчиненных им. Поэтому, хотя, например, личные и имущественные правомочия автора сочетаются в едином авторском правоотношении, самостоятельное значение первых, поскольку они вторым не подчинены, ни в какой мере не умалется. Когда же личные и имущественные моменты не соединяются в едином фактическом и, как следствие этого, личные и имущественные правомочия не воплощаются в едином правовом отношении, говорят о личных отношениях и правах, не связанных с имущественными. Но не связанных именно в едином фактическом или правовом отношении, а не вообще никак не соприкасающихся друг с другом.

3. Деление личных неимущественных отношений на две группы важно потому, что каждая из них испытывает на себе различное воздействие со стороны гражданско-правовых норм: личные отношения, связанные с имущественными, регулируются и охраняются советским гражданским правом, а не связанные – только охраняются, но не регулируются им. При этом имеются в виду правовое регулирование и правовая охрана не в широком, а в узком или специальном их значении.

Правовое регулирование в широком смысле означает подчинение поведения людей юридической норме, а правовая охрана, взятая в таком же широком ее понимании, – закрепление в юридической норме фактического отношения. Совершенно очевидно, что первым понятием охватывается также правовая охрана и вторым – правовое регулирование. Но они зачастую используются и в другом, узком или специальном, значении, при котором эти понятия уже не перекрывают друг друга, а разграничиваются с достаточной четкостью. На таком разграничении основывается также проводимое в литературе различие между регулятивными и охранительными юридическими нормами, которым соответствуют регулятивные и охранительные правоотношения. В названных и других подобных случаях уже имеется в виду иное применение тех же понятий, когда под правовым регулированием подразумевают юридическое опосредование самой динамики социалистических общественных отношений, а под юридической охраной – предупреждение и пресечение возможных или совершенных правонарушений.

То, что гражданское право и регулирует, и охраняет личные отношения, связанные с имущественными (например, в области авторства или изобретательства), признается всеми и потому не нуждается в особом обосновании. Вопрос же о формах его воздействия на личные отношения, не связанные с имущественными, остается дискуссионным, требующим специального анализа всех случаев такого рода, предусмотренных действующим законодательством.

Наиболее простым представляется случай, указанный в ст. 7 Основ, где речь идет о чести и достоинстве граждан и организаций. Сами по себе честь и достоинство объектом правового регулирования (в узком смысле) быть не могут, и, соприкасаясь с ними, право обеспечивает лишь их охрану, но не регулирование. Об этом свидетельствует и содержание правила ст. 7 Основ, которое исчерпывается формулированием определенного запрета (запрета ущемлять честь и достоинство распространением не соответствующих действительности порочащих гражданина или организацию сведений) и установлением права на защиту от возможных нарушений такого запрета (права требовать опровержения распространенных сведений, которые, не соответствуя действительности, порочат честь и достоинство гражданина или организации).

Конечно, один только факт помещения в закон изложенного правила конституирует всеобщую обязанность не посягать на честь и достоинство другого и управомоченность каждого добиваться недопущения подобных посягательств, ибо, как правильно указывают Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковский, чтобы «говорить о “правонарушителе”, надо, чтобы у кого-то было право и чтобы нарушитель был обязан это право не нарушать»¹⁴¹. Но авторы без всяких к тому оснований полагают, что им тем самым удалось доказать правовую урегулированность чести и достоинства. Когда, например, нормы о праве собственности возлагают на любого и каждого обязанность не посягать на чужое имущество, то они одновременно позволяют собственнику своим имуществом владеть, пользоваться и распоряжаться. Здесь действительно правовая охрана сочетается с правовым регулированием. Иное дело правило ст. 7 Основ, вовсе не затрагивающее позитивных границ «права на честь и достоинство» (поведения, дозволенного управомоченному), а очерчивающее только его негативные границы (поведение, запрещенное обязанным лицам) и, следовательно, не выходящее за пределы чисто охранительных функций гражданско-правовых норм.

Сложнее с двумя другими случаями – охраной «права на собственное изображение» (ст. 514 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик) и «права на переписку, дневники, записки или заметки» (ст. 491 ГК Казахской ССР). Для опубликования, воспроизведения и распространения произведения изобразительного искусства, в котором изображено другое лицо, если оно не позировало за плату или если это не вызывается государственными или общественными интересами, требуется его согласие, а после смерти этого лица – согласие его детей и пережившего супруга. Опубликование дневников, записок, заметок требует согласия автора, а писем – также согласия адресата и после смерти кого-либо из них – согласия пережившего супруга и детей умершего.

Здесь уже как будто бы говорится о поведении, не только запрещенном обязанным лицам, но и разрешенном управомоченному, что позволило Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковскому ссылкой на такие правомочия объявить полностью опровергнутым взгляд, согласно которому личные отношения, не связанные с имущественными, гражданским правом охраняются, но им не регулируются¹⁴². Посмотрим, однако, каково действительное положение вещей.

И норма ст. 514 ГК РСФСР, и правило ст. 491 ГК Казахской ССР помещены в разделе кодекса, посвященном авторскому праву. Такое их месторасположение обусловлено тем, что они в определенном объеме затрагивают авторские отношения. А так как последние вполне способны быть объектом не только гражданско-правовой охраны, но и гражданско-правового регулирования, как сочетающие в себе личные и имущественные моменты, не должна вызывать удивления известная регулятивная направленность перечисленных норм гражданского законодательства.

В одних случаях они расширяют права автора и некоторых из его наследников, соответственно сужая права возможных других наследников того же автора. Таково, например, в значительной мере целевое назначение нормы ст. 491 ГК Казахской ССР. По общему правилу, вопрос об опубликовании произведения решает сам автор или его наследники, поскольку не осуществлен принудительный выкуп авторского права. Но когда очевидна незавершенность произведения (заметки, записки) или его непредназначенность к широкой огласке (письма, дневники), оно не может быть опубликовано ни вопреки воле автора, ни помимо желания тех, кто после его смерти более других заинтересован в охране памяти об авторе – пережившего супруга и детей умершего, хотя бы произведение перешло по наследству, наряду с ними и к другим наследникам. В этих пределах право на переписку,

¹⁴¹ Е. А. Флейшиц, А. Л. Маковский, цит. соч., с. 89–90.

¹⁴² См. Там же, с. 90.

дневники, заметки или записки охраняется не особым гражданско-правовым институтом, а специальными нормами авторского права.

В других случаях упомянутые нормы ограничивают права автора. Таково, в частности, целевое назначение нормы ст. 514 ГК РСФСР и в известной мере ст. 491 ГК Казахской ССР. По общему правилу, осуществление автором права на опубликование своего произведения от согласия каких-либо лиц не зависит. Но такое согласие требуется, когда интересы этих лиц нуждаются в специальной защите, предусмотренной действующим законодательством для опубликования писем, а также опубликования, воспроизведения и распространения произведений изобразительного искусства, в которых изображены другие лица. В пределах, в каких указанные ограничения затрагивают правомочия автора, они входят в состав авторского права. И только в той мере, в какой они обеспечивают охрану интересов не являющегося автором адресата писем или лица, изображенного в произведении изобразительного искусства, эти правила выходят за рамки авторского права и распространяются на особые, не связанные с имущественными, отношения личного характера.

Установление таких специальных правовых норм обеспечивает неприкосновенность личной или интимной сферы, заключена ли она в адресованных гражданину письмах или в запечатленном средствами изобразительного искусства образе личности. Но личная или интимная сфера не может быть объектом правового регулирования точно так же, как не способны выступать в этом качестве честь и достоинства граждан и организаций. Право лишь охраняет ее, предусматривая вместе с тем границы этой охраны. И подобно тому как граница субъективного права не является обязанностью управомоченного, граница правовой охраны, даже когда ее соблюдение зависит от воли лица, которому такая охрана предоставлена, не превращается в его право. У адресата нет никаких прав на письма, ему адресованные, а имеется лишь право на то, чтобы в его интимную сферу не вторгались путем произвольного опубликования писем, предназначенных только ему.

Наивно было бы также говорить о «праве на собственное изображение», если оно воспринимается как таковое, а не в виде обиходного юридического словопотребления. У гражданина есть не «право на собственное изображение», а право на то, чтобы его личная сфера была защищена от произвольного predания публичности его образа, запечатленного соответствующим способом. Но право на охрану личной или интимной сферы отпадает, если этого требуют государственные или общественные интересы (относительно опубликования, воспроизведения и распространения произведений изобразительного искусства, в которых изображено какое-либо лицо), а также когда совершенные действия свидетельствуют об отказе от нее (позирование за плату) или являются прямым выражением такого отказа (согласие адресата писем или лица, изображенного в произведении изобразительного искусства, а после их смерти – согласие пережившего супруга и детей умершего на опубликование писем или на опубликование, воспроизведение и распространение произведения изобразительного искусства).

Следовательно, личные права, вытекающие из ст. 514 ГК РСФСР и ст. 491 ГК Казахской ССР, – это права на охрану определенных личных благ с допустимым ограничением или самоограничением предоставленных управомоченному возможностей, но не средство правового регулирования самой личной или интимной сферы, охраняемой законом.

Таким образом, не только общие соображения, но и содержание специальных норм гражданского законодательства убеждают в правильности вывода о том, что личные отношения, не связанные с имущественными, в случаях, указанных в законе, охраняются советским гражданским правом, не составляя, однако, предмета его регулирования. Этот вывод, вопреки противоположному мнению Е. А. Флейшиц и А. Л. Маковского¹⁴³, не опровергается

¹⁴³ См. Там же, с. 89.

и буквальным текстом ст. 1 Основ, в которой о регулировании говорится применительно к упомянутым в ней отношениям, включая не связанные с имущественными личные отношения.

Основы в ст. 1 определяют все вообще отношения, на которые распространяется действие советского гражданского законодательства, выражается ли оно только в охране или в сочетании охраны с регулированием. Вот почему употребляемое в этой статье понятие правового регулирования не может не иметь широкого смысла, охватывающего также правовую охрану, и вовсе не означает, что сам гражданский закон объявляет соответствующие личные отношения предметом своего регулирования в специальном или собственном смысле.

Наконец, отстаиваемый вывод не колеблется и вследствие того, что в целях обеспечения охраны личных отношений данного вида гражданское законодательство определенным образом регулирует возникающие в результате посягательства на них новые отношения и таким путем добивается восстановления прежнего, т. е. нормального состояния. В том-то и дело, что, в отличие от нарушенных, во вновь возникших отношениях появляется ранее отсутствовавшее соединение личных и имущественных моментов: личная, или интимная, сфера восстанавливается с одновременным причинением нарушителю определенного имущественного урона (изъятие тиража, его уничтожение и т. п.), как и восстановление чести и достоинства может потребовать известных имущественных затрат (по опубликованию опровержения в печати и т. п.), также относимых на счет нарушителя. А такое соединение свидетельствует об установлении на данной стадии развития личных отношений связи между ними и имущественными отношениями, необходимой и вместе с тем достаточной для превращения их в объект гражданско-правового регулирования.

4. Имеет ли, однако, весь этот спор какое-либо научное и практическое значение? Имеет, и притом в высшей степени важное, так как от его исхода зависит правильное определение самого понятия советского гражданского права.

Отрасль права определяется предметом ее регулирования. Если она какие-либо отношения охраняет, но не регулирует, последние не входят в ее предмет и не оказывают влияния на объем отражающего ее понятия. Типичный пример – уголовное право. Пытаться определить его по предмету охраны – значит ставить и неразрешимую, и ненужную задачу, так как уголовное право охраняет едва ли не все отношения, регулируемые другими отраслями права. Предметом его регулирования являются отношения, возникающие вследствие совершения преступления как основания применения наказания к преступнику, и только эти отношения определяют сущность уголовного права как особой отрасли советского права. То же самое наблюдается и в ряде других случаев. Согласно ст. 6 ГК РСФСР, гражданские права, когда об этом прямо сказано в законе, охраняются в административном порядке. Но они не становятся тем самым одновременно и административными правами, а потому не сбрасываются со счетов при определении гражданского права и не берутся в расчет при определении права административного.

Точно таким же образом нужно подходить и к построению понятия советского гражданского права. Если считать, что отношения, предусмотренные ст. 7 Основ, ст. 514 ГК РСФСР и ст. 491 ГК Казахской ССР, не только охраняются, но и регулируются ими, традиционное определение советского гражданского права необходимо подвергнуть перестройке с учетом названных отношений. Однако, как было показано, такая перестройка либо вовсе не осуществима, либо может быть произведена на началах, ничего общего с наукой не имеющих. И тот факт, что не связанные с имущественными личные неимущественные отношения в рамки научного определения предмета гражданско-правового регулирования не укладываются, служит новым, весьма важным подтверждением взгляда, согласно которому эти отношения гражданским законодательством не регулируются, а составляют лишь объект его охраны. Но сам по себе объект охраны, не входящий в предмет регулирования, как было

показано на примере других отраслей права, не влияет на объем соответствующих понятий. Он не должен влиять и на объем понятия советского гражданского права. Поэтому, несмотря на законодательное установление гражданско-правовой охраны некоторых не связанных с имущественными личными неимущественными отношений, советское гражданское право и впредь следует рассматривать как отрасль права, регулирующую социалистические имущественно-стоимостные и связанные с ними личные неимущественные отношения советского общества.

Когда мы, характеризуя связанность личных отношений с имущественными, отмечали соединение в едином отношении личных и имущественных моментов, речь шла о единстве, обусловленном объектом, субъектным составом, одновременностью возникновения отношений обоого рода, переплетением и неотрывностью образующих их элементов. В то же время в них явственно вырисовываются различные элементы – базисные, поскольку дело касается имущественно-стоимостных отношений, и идеологические или надстроечные, которые представлены личными неимущественными отношениями. Каковы причины такого явления? Чем вызвано установление единого гражданско-правового регулирования для разнородного по своему составу предмета?

Отвечая на поставленный вопрос, некоторые ученые отсылают для его разрешения к относительной самостоятельности права¹⁴⁴. Они полагают, что «каждой отрасли права присущ “свой” особый вид общественных отношений. Он, будучи специфическим для отрасли права, составляет ядро, костяк, реальное содержание предмета ее регулирования. Этот вид общественных отношений и придает отрасли права необходимую определенность. Вместе с тем институты данной отрасли могут быть в той или иной мере использованы для регулирования общественных отношений иного вида – отношений, сходных со специфическими»¹⁴⁵. «Отрасль права, – пишет В. Кнапп, – как только ее возникновение было обусловлено наличием определенной типичной специфики поведения людей в определенных общественных отношениях, притягивает к себе родственные отношения, которые вместе с тем, что является типичным, образуют внутреннюю слаженность отрасли права как единства»¹⁴⁶. По мнению С. С. Алексеева, «в качестве примера распространения действия институтов данной отрасли права на неспецифические отношения можно указать на регулирование советским гражданским правом личных неимущественных отношений».

Изложенные суждения правильно отображают исторический процесс формирования гражданского права, первоначально возникшего из потребности урегулирования имущественных отношений, под влиянием которых складывается специфический гражданско-правовой метод, распространяющий затем свое действие и на личные неимущественные отношения.

Но одно дело процесс формирования отрасли права и другое дело ее сущность как сложившегося явления. В таком виде она должна рассматриваться уже не в динамическом, а в статическом состоянии, предполагающем наличие метода и предмета регулирования с подчинением первого второму. В этом случае вновь проявляют свое значение различия между личными неимущественными отношениями, лишь охраняемыми гражданским правом или так же и регулируемые им. Включение в сферу действия гражданского права отношений первого вида действительно предопределяется главным образом спецификой гражданско-правового метода: так как этот метод способен обеспечивать восстановление нарушенных отношений, его можно применить и к общественным отношениям, хотя и не

¹⁴⁴ См., например, С.Н. Братусь, Предмет и система советского гражданского права, Госюриздат, М., 1963, с. 82–83.

¹⁴⁵ С. С. Алексеев, Общетеоретические проблемы системы советского права, Госюриздат, М., 1961, с. 20.

¹⁴⁶ «Советское государство и право», 1957, № 5, с. 117. ¹⁴⁷ См. С. С. Алексеев, цит. соч., с. 20.

составляющим предмета гражданско-правового регулирования, но объективно восстановимым после совершенного нарушения (честь, достоинство и т. п.).

Существенно иную роль играют личные отношения, связанные с имущественными и в совокупности с ними образующие предмет советского гражданского права. Рассматривать и их как только «вовлеченные» благодаря специфике метода регулирования в гражданско-правовую сферу – значит, подобно В. А. Тархову, выделять в советском гражданском праве вместо одного два предмета регулирования¹⁴⁷ и одновременно, но уже в отличие от В. А. Тархова, один из них (имущественные отношения) объявлять определяющим данную отрасль права, а другой (личные отношения) – определяемым ею самой. Что такой вывод противоречит реальному соотношению отрасли права с ее предметом, ясно само собой. Очевидна также лежащая в его основе перестановка причинной зависимости, при которой причина ставится на место следствия и следствие на место причины. Между тем исследование должно идти по другому пути: вначале нужно выявить существующее в самой реальной действительности объективное единство некоторых личных отношений с имущественными, а затем уже, опираясь на этот факт, обосновывать общественную необходимость установления для них единого режима правового регулирования.

До сих пор мы лишь констатировали отделенность от имущественных одних и связанность с ними других личных отношений. Но эти явления должны быть объяснены. Свое объяснение они получают в том, что если у личных и имущественных правомочий разные объекты, то они отделены друг от друга, и, наоборот, тесно друг с другом связаны при совпадении их объектов. Так, например, право на охрану чести и достоинства не соединяется с какими-либо имущественными правомочиями, так как честь и достоинство не могут быть объектами последних. Наоборот, личные и имущественные правомочия автора или изобретателя находятся во взаимном переплетении, так как они связаны с одним и тем же объектом – авторским произведением или изобретательским предложением. Единство материального объекта, наблюдаемое у некоторых личных и имущественных правомочий, опирается на такое же единство, существующее в самих реальных (фактических) отношениях, которые вследствие этого выступают как органическое целое, с необходимостью предопределяющее единство применяемого к ним правового метода.

Действительно, имущественные отношения отличаются от личных неимущественных и по занимаемому ими месту в системе общественных явлений (первые входят в базис, а вторые – в надстройку), и по своему содержанию (первые обладают экономической ценностью, а вторые лишены ее). Рассматриваемые на таком, так сказать, глубинном уровне, они предстают как явления, существенно различные. Но объединенные одним и тем же материальным объектом и образующие поэтому единое целое, те же отношения, рассматриваемые на другом, если, можно так выразиться, более высоком уровне, характеризуются существенной общностью.

Так, если регулируемые советским гражданским правом имущественные отношения выражаются в стоимостной форме, связанные с ними и также включаемые в сферу действия гражданско-правовых норм личные неимущественные отношения проявляют индивидуальность личности, получающую уже не стоимостную, а морально-политическую общественную оценку. Однако и та и другая форма – как стоимостная, так и общественно-оценочная – лишь тогда находят надлежащее осуществление, когда юридическое нормирование выражаемых ими общественных отношений строится на началах равенства участников этих отношений.

Следовательно, решающее свойство гражданско-правового метода – вытекающее из норм гражданского права равенство субъектов гражданских правоотношений – предпо-

¹⁴⁷ См. «Советское государство и право», 1955, № 5, с. 60.

деляется не какой-либо обособленной, пусть и решающей по своим масштабам, составной частью предмета гражданско-правового регулирования, а этим предметом в целом – социалистическими имущественными и связанными с ними (но только связанными, а не какими-либо другими) личными неимущественными отношениями.

Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства¹⁴⁸

Правовые исследования, как, впрочем, и иные теоретические поиски обнаруживают свое высшее воплощение в закрепляющих их выводы научных понятиях. Как ни многообразны выполняемые этими понятиями конкретные функции, они концентрируются преимущественно вокруг задач двоякого рода: отразить предмет исследования в его познанных пределах и быть инструментарием постоянного расширения уже достигнутых пределов его познания. Очевидно, например, что так же, как понятие отрасли не только отражает внутреннее членение системы права, но и обязывает к раскрытию ее отдельных структурных элементов, понятие системы права в свою очередь не только констатирует внутреннее единство этих элементов, но и ориентирует на исследование каждого из них под углом зрения такого единства.

Правильно образованное, подлинно научное понятие обладает также и самодовлеющей ценностью. Но его всесторонняя значимость проявляется лишь с того момента, когда оно начинает функционировать в качестве одного из звеньев научно-понятийного аппарата, представляющего собой не конгломерат понятий, не их арифметическую сумму или неупорядоченную совокупность, а единый четко налаженный механизм, стройную, во всех своих подразделениях согласованную систему, координированную в одних и субординированную в других образующих ее составных частях.

Координационные связи устанавливаются между такими научными понятиями, которые, не перекрещиваясь друг с другом в логическом объеме, выступают как однородные по характеру отражаемых в них объектов, а потому могут быть объединены на базе более широких обобщений. При этом равновеликость логических объемов сопоставляемых понятий обуславливает их прямую, а разновеликость – косвенную координацию. Поскольку, например, понятия административного проступка и уголовного преступления как общетраслевые равновелики по объему, а как однопорядковые объединимы в категории правонарушения, они находятся в отношениях прямой координации. Напротив, понятия административного проступка и преступления против личности состоят в отношениях косвенной координации, ибо их объемы разновелики, и они могут стать соизмеримыми лишь после того, как общетраслевой категории административного проступка внутриотраслевое понятие преступления против личности будет противопоставлено через отраслевую же категорию уголовного преступления.

Субординационные связи также предполагают однородность понятий по характеру отражаемых ими объектов. Но они либо перекрещиваются в объемах, и тогда возникает логическая субординация, либо, оставаясь вне объемного взаимопересечения, выполняют служебную роль одно по отношению к другому, и тогда возникает субординация функциональная. Наиболее привычна благодаря своей повседневной обиходности логическая субординация, сообщающая о себе всякий раз, когда сопоставляются видовые и родовые понятия, например, правовой и социальной нормы или гражданского и вообще социалистического правоотношения. Сравним, однако, такие явления, как правосубъектность и представительство. Представительство не составляет вида правосубъектности и не восходит к ней как к своему ближайшему или более отдаленному роду. Но в определенных обстоятельствах правосубъектность реализуется через представительство, а представительство

¹⁴⁸ Печ. по: Советское государство и право. 1966. № 7.

при всех условиях обслуживает реализацию правосубъектности. Поэтому и его понятие опирается на правосубъектность как на свою исходную категорию, хотя в смысле логического объема не уступает этой категории ни в малейшей степени. Но строится ли субординационная связь как логическая или функциональная, она, подобно связи координационной, тоже бывает прямой и косвенной. Все зависит от того, примыкают ли взаимосвязанные понятия друг к другу непосредственно или разделены определенными промежуточными звеньями. Нет никаких сомнений в том, что с общей категорией социальной нормы понятие юридической нормы состоит в прямой, а понятие отраслевой нормы – в косвенной логической связи. С не меньшим основанием можно утверждать, что к категории правосубъектности от понятия представительства ведет прямая, а от понятия полномочия представителя – косвенная функциональная связь.

При выработке научных понятий важно не только соблюсти требования, предъявляемые к их образованию, но и безошибочно определить место, отводимое вновь созданному понятию в общем понятийном аппарате данной науки или системы наук. Неправильно образованное понятие вовсе не работает. Но оно не работает само по себе, не вызывая аритмии в функционировании всего научно-понятийного аппарата. Когда же допускаются погрешности в установлении координационных или субординационных связей между двумя или несколькими понятиями, это сказывается как на понимании каждого из них в отдельности, так и на соединенном использовании целой их совокупности.

В советской цивилистической науке фундаментальное значение имеют три центральных ее понятия: правосубъектность, право собственности, обязательство. Между понятиями права собственности и обязательства существует прямая координационная связь, проявляющаяся в общей для них категории гражданского правоотношения. В косвенной координационной связи с ними состоит понятие правосубъектности, превосходящее их по масштабам обобщения и находящееся на том же уровне абстракции, что и категория гражданского правоотношения. Вместе с тем каждое из перечисленных понятий находится со многими другими в субординационной связи – логической или функциональной.

Первая может быть проиллюстрирована такими логическими рядами, как: субъект гражданского права – юридическое лицо; право собственности – право государственной собственности; обязательство – договорное обязательство. В этих рядах соотношение рода и вида выражено с такой выпуклостью, что едва ли нуждается в каких-либо комментариях. Вторая, функциональная, субординация может быть проиллюстрирована такими парными сочетаниями, как: правосубъектность – представительство; право собственности – право оперативного управления; обязательство – ответственность за его неисполнение. Право оперативного управления в такой же мере не является видом права собственности, а ответственность за неисполнение обязательства видом самого обязательства, в какой представительство не может иметь видового значения для правосубъектности. Но поскольку в пределах социалистического имущества право собственности в большем или меньшем объеме реализуется посредством права оперативного управления, а реализации обязательств содействуют меры ответственности, установленные на случай их неисполнения, между выражающими эти явления понятиями складывается функциональная связь, основанная на служебном подчинении одного из них другому.

Практическое значение охарактеризованных связей трудно переоценить. Даже не выверяя правильности вновь вводимого понятия по существу, можно с уверенностью констатировать его ошибочность или недоработанность, как только выясняется, что оно лишено координационных или субординационных связей с теми теоретически и эмпирически апробированными категориями, к которым это понятие тяготеет по самому своему содержанию. Что дело обстоит именно таким образом, – в этом нетрудно убедиться, подвергнув проверке с помощью указанного критерия некоторые из предпринимавшихся в последние годы попы-

ток оснастить дополнительными новыми понятиями категории правосубъектности, права собственности и обязательства.

К субординационному логическому ряду «субъект права – юридическое лицо» А. Б. Годес предложил присоединить еще одну логическую рубрику – внутрихозяйственное юридическое лицо как субъект права с ограниченной правоспособностью. И если юридическое лицо – это хозрасчетное предприятие, то внутрихозяйственное юридическое лицо – это цех, участок или аналогичное другое внутреннее звено предприятия.¹⁴⁹

Известно, однако, что юридическое лицо – субъект гражданского права.¹⁵⁰ Как такое оно способно быть носителем субъективных гражданских прав и обязанностей. А раз внутрихозяйственное – это тоже юридическое лицо, но лишь с ограниченной правоспособностью, оно должно соотноситься с «полным» юридическим лицом как вид с родом и, таким образом, состоять с ним в отношениях логической субординации. Тем самым проливается свет и на тайный смысл приписываемого внутренним звеньям предприятия свойства ограниченной правоспособности. Такое свойство означает не что иное, как способность обладать хотя и не всеми, но уж во всяком случае отдельными правомочиями и обязанностями из числа доступных предприятию как юридическому лицу в общепринятом его понимании. И как только это становится очевидным, так сразу же выясняется беспочвенность самого новообразованного понятия: внутрихозяйственных юридических лиц не бывает уже потому, что ни одно гражданское право и ни одна гражданская обязанность никогда не принадлежали и не могли принадлежать не хозрасчетному целому, а внутрихозрасчетной части – не единому предприятию, а отдельному его подразделению.

Но если рассматриваемая концепция не выдерживает критики с точки зрения логической, то, быть может, она оправдана в плане функциональной субординации, или если не субординации, то по крайней мере координации соответствующих понятий? Поскольку внутренним звеньям закрыт доступ к внешним отношениям, в которых реализуется юридическая личность предприятия, функциональная субординация понятий «полного» и «внутрихозяйственного» юридического лица мыслима не в большей степени, чем логическая. Что же касается координационной связи, то, не говоря уже о ее несовместимости с реальным соотношением таких образований, как цех и предприятие, она не согласуется с самой идеей противопоставления лицу, действующему «вовне» с полнообъемной правоспособностью, субъекта, функционирующего лишь «внутри» и только с ограниченной правоспособностью. Остается поэтому предположить, что, выдвинув научное понятие на словах, А. Б. Годес фактически не пошел дальше образования нового термина, призванного, несмотря на свое «цивилистическое» звучание, обозначать далеко не «цивильные» явления. Но едва ли возможно раздвинуть рамки использования сложившейся терминологии путем переноса из привычной в парадоксальную для нее ситуацию. По этой причине «внутрихозяйственное юридическое лицо» – термин не более перспективный, чем «обязательство по внутрихозяйственным поставкам», как именует тот же автор завершающееся созданием готового продукта перемещение из цеха в цех сырья, материалов, полуфабрикатов и других материальных ресурсов.¹⁵¹

¹⁴⁹ См.: Уч. зап. ВНИИСЗ, вып. 10. М., 1967, стр. 130.

¹⁵⁰ Этого не отрицают как сам А. Б. Годес, так и единомышленники по концепции хозяйственного права (см., например: В. В. Лантев. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 21–22), потому, вероятно, исключаящиеся к отказу от категории юридического лица применительно к хозяйственным органам (см.: В. В. Лантев. К совершенствованию хозяйственного законодательства. «Советское государство и право», 1971, № 7, стр. 96), что она ставит под удар хозяйственно-правовую трактовку их правосубъектности.

¹⁵¹ См.: А. Б. Годес. Регулирование внутрихозяйственной деятельности предприятий. «Советское государство и право», 1968, № 9, стр. 115.

Наряду со стремлением продолжить логический ряд «субъект права – юридическое лицо» по нисходящей линии, делаются шаги к тому, чтобы удлинить его также в восходящем направлении. Этой цели подчинено понятие компетенции хозяйственного органа в том виде, в каком его конструирует В. В. Лаптев. В последней по времени издания работе, освещающей названное понятие, сперва говорится, что правосубъектность хозяйственных органов «выражается в компетенции, под которой понимается совокупность прав и обязанностей в различных областях деятельности».¹⁵² Но если правосубъектность равна компетенции, а компетенция – совокупности прав и обязанностей, то последние и есть не что иное, как самая правосубъектность. Вывод довольно неожиданный, учитывая, что он не сопровождается и словом сомнения относительно общепризнанной обрисовки правосубъектности как предпосылки (возможности), но отнюдь не реальности (действительности) правообладания.

Будем, однако, считать, что приведенная фраза не более, чем случайная обмолвка, устраненная последующим прямым указанием на то, что компетенция шире правосубъектности и что она «включает как обладание правами и обязанностями, так и возможность обладания ими, т. е. правоспособность».¹⁵³ В таком случае компетенция выступает как родовое понятие, в логической субординации с которой состоят подчиненные ей видовые понятия. Но это было бы возможно лишь при условии, что сами видовые понятия связаны прямой координацией как равновеликие по степени достигнутого ими обобщения. Ничего подобного в рассматриваемом построении не наблюдается, ибо оно соединяет, с одной стороны, *все* формы проявления правоспособности и, с другой, *далеко не все*, а только «определенные»,¹⁵⁴ существующие вне правоотношения, да и то лишь некоторые, но не любые вообще вне правоотношения находящиеся субъективные права и обязанности.¹⁵⁵ Это означает, что один из составных элементов компетенции (правоспособность) находится на уровне вида, а два других («определенные» права и обязанности) на уровне части вида. Между ними мыслима, следовательно, лишь косвенная, но не прямая координационная связь, а тем самым непосредственное их выражение в компетенции как едином родовом понятии исключается с самого начала.

С точки зрения логических принципов образования научных понятий, несомненно, предпочтительнее путь, по которому шел А. В. Венедиктов, объединявший в компетенции все виды правосубъектности хозоргана,¹⁵⁶ или по которому идет А. В. Мицкевич, объявляющий ее средоточием всех субъективных прав властного характера. Другое дело, кто из них прав по существу. Но если правильный вывод нуждается в надлежащем понятийном закреплении, то неудачно сформированное понятие неспособно выразить правильный вывод. Это может быть сказано с таким же основанием о компетенции, сводимой к ее сочетанию правоспособности с некоторыми правами и обязанностями, как и о юридическом лице, не выходящем за рамки внутривладельческих отношений и обладающем ограниченной правоспособностью.

Обратимся теперь к парному сочетанию «право собственности – право оперативного управления». Точнее, не к парному, а трехчленному сочетанию, ибо, ввиду неприменимости права оперативного управления к личной собственности, оно находится в непосредственной связи с правом социалистической собственности и только через него, косвенно, соприкасается с правом собственности вообще.

¹⁵² Хозяйственное право, изд. 2-е. М., Изд. «Юридическая литература», 1970, стр.44–45.

¹⁵³ Там же, стр. 46.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ См.: В. В. Лаптев. Правовое положение государственных промышленных предприятий в СССР, стр.40.

¹⁵⁶ См.: А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.-Л., Изд. АН СССР, 1948, стр.613.

Право оперативного управления характеризуется не только тем, что включает в свой состав правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, предоставляется юридически обособленным от собственника организациям и осуществляется последними в соответствии с целями их деятельности, установленными плановыми заданиями, назначением управляемого имущества. У него имеется еще одно и притом наиболее существенное качество, состоящее в выполнении роли орудия реализации права собственности. Это качество прямо закреплено в самом законодательно выраженном понятии права оперативного управления. Как сказано в ч. II ст. 21 Основ гражданского законодательства,¹⁵⁷ «*государственное имущество* (курсив наш. – О. И.), закрепленное за государственными организациями, состоит в оперативном управлении этих организаций...». Еще более определенно та же мысль ч. II ст. 117 ГК РСФСР и аналогичными нормами ГК других союзных республик проводится в отношении межколхозных и других смешанных организаций, каждая из которых осуществляет оперативное управление «закрепленным за ней имуществом, *принадлежащим на праве общей собственности участникам данной организации...*» (курсив наш. – О. И.). Это как раз и позволяет утверждать, что право оперативного управления непосредственно примыкает к праву собственности, реализации которого оно служит, и связано с ним прямой субординацией функционального порядка.

Подобный взгляд встречает, однако, и возражения. Выдвинув в дополнение к юридическому лицу внутрихозяйственное юридическое лицо, А. Б. Годес присоединил затем к праву оперативного управления, закрепленному за предприятием, право внутрихозяйственного оперативного управления как принадлежащее уже не самому предприятию, а цехам и другим его внутренним звеньям.¹⁵⁸ Стоящая на той же позиции З. М. Заменгоф разъясняет ее следующим образом. В каких бы формах оперативное управление ни осуществлялось, оно всегда означает владение, пользование и распоряжение управляемым имуществом. Все эти правомочия бесспорно принадлежат предприятию как основному звену народного хозяйства, непосредственно ведущему производственную или иную хозяйственную деятельность. Но точно в таком же смысле ими обладают органы хозяйственного руководства в отношении как имущества, служащего базой их собственной хозяйственной деятельности, так и материальных ресурсов, распределяемых ими в порядке хозяйственного руководства между подведомственными предприятиями.¹⁵⁹ В то же время объекты, входящие в состав имущества предприятия, частично распределяются между его структурными подразделениями – цехами, хозяйствами, производствами и др. «В отношении таких объектов соответствующие внутренние подразделения осуществляют внутрихозяйственное право оперативного управления. Это право является производным от права оперативного управления предприятием и выступает как способ осуществления последнего».¹⁶⁰

Формулированная в таком виде, теория внутрихозяйственного оперативного управления не оставляет впечатления достаточной завершенности. Но если отдельные пробелы не исключены в любом юридическом построении, то по крайней мере на два вопроса авторы этой теории были обязаны ответить уже на момент ее выдвижения.

Первый вопрос связан с природой правомочий владения, пользования и распоряжения, с тем, что эти правомочия при всех обстоятельствах, хотя и не всегда в одинаковом объеме, обнаруживают абсолютное действие, служит ли их основанием право собственности или оперативного управления, договорное или иное субъективное право. Понятно, что, будучи внутренними звеньями предприятия, цех или другое его подразделение неспособны

¹⁵⁷ В дальнейшем – Основы.

¹⁵⁸ См.: А. Б. Годес. Регулирование внутрихозяйственной деятельности предприятий, стр. 113–114.

¹⁵⁹ См.: Хозяйственное право, стр. 87–88.

¹⁶⁰ Там же, стр. 87.

к обладанию абсолютными правами, предполагающими установление не просто внешних, но и необозримых в своей численности отношений такого рода. Каким же образом эта способность у них появляется применительно к внутрихозяйственному праву оперативного управления? Или, быть может, владение, пользование и распоряжение приобретают здесь иной смысл, чем выраженный в ч. II ст. 21 Основ? Но ведь указание этой нормы на соединение трех правомочий в составе предусмотренного ею права как раз и привело к идее образования его внутрихозяйственной модификации! А если для объяснения сути такой модификации эти указания непригодны, то не выявляется ли тем самым отсутствие у рассматриваемой теории вообще каких бы то ни было легальных оснований?

Для такого предположения тем больше поводов, что, не покинув почвы закона, невозможно дать удовлетворительный ответ и на второй весьма существенный вопрос, касающийся уже природы самого права оперативного управления. Закон определяет это право не просто как совокупность трех правомочий, но как такую совокупность, которая в качестве производной от права собственности служит его непосредственному осуществлению. Приспособлено ли к выполнению этой функции внутрихозяйственное право оперативного управления, если даже не ставить его возможность под сомнение ввиду несовместимости обладания абсолютными правами с участием лишь в относительных правоотношениях? Тут, собственно, и спора никакого нет, так как в самом изложении теории внутрихозяйственного управления последнее производится не от права собственности, а от права оперативного управления, принадлежащего предприятию, и предназначается к непосредственному обслуживанию этого последнего, но отнюдь не права собственности. А в таком случае, как ни истолковывать приурочиваемые к внутренним звеньям предприятия владение, пользование и распоряжение имуществом, какой особый смысл в них ни вкладывать, ни внутрихозяйственного, ни какого-либо другого права оперативного управления вывести из них не удастся.

Помимо того, что у внутрихозяйственного оперативного управления, вопреки мнению его сторонников, отсутствует легальная почва, оно не выдерживает испытания и на понятийно-системную определенность. В самом деле, провозглашаемая З. М. Заменгоф исходная посылка заключается в том, что обобщенно представленное в его родовых очертаниях право оперативного управления дифференцируется по различным отдельным видам. Иначе нельзя понять ее рассуждений по поводу разнообразия форм оперативного управления, содержанием которого всегда «... является владение, пользование и распоряжение имуществом в соответствии с целями деятельности, плановыми заданиями и назначением имущества».¹⁶¹ А поскольку при этом различается оперативное управление внутрихозяйственное и закрепленное за предприятием в целом, каждое из них трудно расценить иначе, как специфический вид в границах единого рода. Но такая их оценка наталкивается на неустранимые препятствия.

Дело в том, что родовая категория не может быть выработана никаким иным путем, кроме обобщения находящихся в координационной взаимосвязи видовых понятий, тогда как внутрихозяйственное оперативное управление, по признанию того же автора, производно «...от права оперативного управления предприятия и выступает как способ осуществления последнего».¹⁶² Они пребывают, следовательно, не в координационной, а в субординационно-функциональной зависимости, исключающей сведение их в единую родовую категорию. Это и понятно, так как если функционально зависимое от права государственной собственности право оперативного управления не может одновременно само стать правом собственности, то правомочия внутренних звеньев предприятия, аналогично соотносясь

¹⁶¹ Там же, стр. 89.

¹⁶² Там же, стр. 87.

с его правом оперативного управления, не могут быть одновременно возведены в ранг, хотя и внутривладельческого, но столь же самостоятельного одноименного права.

Да и сама функциональная зависимость правомочий внутренних звеньев от предоставленного предприятию права оперативного управления существенно иная, чем та, которой последнее, согласно ч. II ст. 21 Основ, связано с правом собственности. Основы определяют право оперативного управления как юридически отделенное от права собственности и потому персонифицируемое лишь в организациях, юридически обособленных от собственника. Напротив, цех или иное внутреннее подразделение предприятия – его часть, а не отдельная организация, часть, обладающая правами внутри целого, но не обособленно от него. А там, где такого обособления нет, возможны разнообразные правовые феномены, за изъятием того, который в законе именуется правом оперативного управления.

Это и имеют в виду, когда говорят, что субъектом такого права способно быть лишь юридическое лицо как возможный участник товарно-денежных отношений. Приурочение того же права было бы излишне и к обособленной организации, когда речь идет об имуществе, не включаемом в товарный оборот. Даже хозрасчетное предприятие, обладающее правом оперативного управления относительно всех других видов закрепленного за ним имущества, признается носителем не этого, а другого права – землепользования, когда дело касается выделенных ему земельных массивов.

Точно так же и органы хозяйственного руководства, аккумулируя денежные средства, предназначенные для распределения между подведомственными предприятиями, маневрируют ими вне товарной сферы и могут этими средствами распоряжаться, но не пользоваться, помещая их для хранения (владения) в банке. В отношении таких средств они и обладают правом распоряжения, а не оперативного управления. Как носители права оперативного управления те же органы выступают только в отношении имущества, обслуживающего их собственную хозяйственную деятельность. Но это не особый вид названного права, а его конкретный жизненный случай.

Различные виды права оперативного управления, объединяемые одноименной родовой категорией, появились лишь в результате их использования для реализации права как государственной, так и кооперативно-колхозной собственности или собственности профсоюзов и других общественных организаций. Едва ли, однако, нужно доказывать, что эта новая, теоретически оправданная, практически проверенная и логически обоснованная система понятий лежит в совершенно иной плоскости, нежели присоединение к праву оперативного управления в обычном понимании его «вертикального» и «внутривладельческого» вариантов.

Вместе с тем нельзя не видеть прямой связи между перечисленными вариантами этого права, особенно отчетливо обрисованными З. М. Заменгоф, и аналогичным видовым подразделением хозяйственных обязательств, последовательно проводимым И. А. Танчуком.

Первый лежащий в основе такого подразделения тезис касается общего понятия обязательства. Напомнив о цивилистическом происхождении категории обязательств, И. А. Танчук предостерегает против приравнивания ее по сфере действия к обязательствам как институту гражданского права: указанный институт ограничен одними лишь гражданско-правовыми рамками, а созданная на его базе категория – «более широкое и в то же время абстрактное понятие, выражающее определенную закономерность в организации правоотношений».¹⁶⁴ Проявляется эта закономерность не в содержании, а в юридической структуре обязательства: «...общая и главная специфика обязательства как правовой формы состоит в том, что это – относительное правоотношение, правовая форма связи между конкретными

¹⁶⁴ И. А. Танчук, В. П. Ефимочкин, Т. Е. Абова. Хозяйственные обязательства. М., Изд. «Юридическая литература», 1970, стр.19.

субъектами общественного отношения, между конкретным управомоченным и конкретным обязанным». Предпринимавшиеся отдельными цивилистами попытки выявить специфику обязательств по их субъектному составу, содержанию и объекту свелись не более, чем «к развитию, углублению, уточнению той общей идеи, что обязательство – это относительное правоотношение».¹⁶⁵ Но тут и нет ничего удивительного, так как, по его мнению, все без изъятия гражданско-правовые связи, строящиеся по модели относительных, а не абсолютных правоотношений, являются обязательствами.¹⁶⁶

Последнее утверждение неверно фактически. Соавторы, например, состоят друг с другом в относительном, однако не в обязательственном правоотношении. То же можно сказать о правоотношениях между участниками общей собственности или наследниками.¹⁶⁷ Пройдя мимо этих фактов и объявив обязательство тождественным относительному правоотношению, И. А. Танчук допустил нередко встречающуюся подмену частного понятия общим. А так как он не исключает образования обязательств неимущественного характера,¹⁷¹ то подобная подмена, если ее придерживаться постоянно, ведет к признанию обязательственными всех относительных правоотношений. В сочетании со взглядом на абсолютное право как находящееся вне правоотношения, взглядом, которому И. А. Танчук явно симпатизирует,¹⁷² это означало бы отождествление обязательства не просто с относительным, а с любым правоотношением вообще.

Наряду и параллельно с отмеченной тенденцией в тех же самых рассуждениях наблюдается и прямо противоположная – придание общего характера понятию, в действительности имеющему частное значение. Такова именно суть утверждения, что разработанная на базе обязательственного института гражданского права категория обязательства шире отражаемого, ею института и не замыкается какой-либо одной отраслью, а «стоит как бы над системой права».¹⁶⁸ Можно, конечно, допустить существование обязательств в недрах не только гражданского права. Но тогда должно быть образовано такое же число видовых понятий обязательства, в каком количестве отраслей права встречается явление такого рода. Если же видовое понятие гражданско-правового обязательства признавать также родовой категорией, то неизбежен вывод, что либо оно неправильно образовано, либо обязательства, выводимые за пределы гражданско-правовых, фактически являются не чем иным, как их отдельными разновидностями.

Однако такой вывод не согласуется с выдвинутым в обоснование рассматриваемой классификации вторым тезисом, который обращен уже не к обязательствам вообще, а к общей характеристике хозяйственных обязательств. Приводимые в подкрепление этого нового понятия доводы накапливаются по мере движения от хозяйственных отношений через хозяйственные правоотношения к хозяйственным обязательствам. «...Хозяйственные отношения – все экономические отношения, складывающиеся в процессе воспроизводства, связанные с хозяйством». Но не все они признаются хозяйственными правоотношениями. Этой рубрикой обнимаются лишь такие юридически урегулированные хозяйственные отношения, которые обладают «общностью содержания (сочетание организационно-плановых и имущественных элементов) и субъектного состава (участниками их выступают не граждане, а хозяйственные органы и внутренние подразделения последних)». Особой разновидностью хозяйственных правоотношений является хозяйственное обязательство. «Это такая правовая форма хозяйственных отношений, которая обладает признаками обязательства

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ См. там же, стр.15.

¹⁶⁷ Отношения между супругами или родителями и детьми здесь не затрагиваются ввиду дискуссионности включения указанных отношений в состав гражданского права.

¹⁶⁸ Там же, стр. 19.

как правовой категории, т. е. относительное правоотношение с имущественным, как правило, содержанием, обеспеченное имущественной санкцией».¹⁶⁹

Ясно, таким образом, что понятия хозяйственного обязательства и хозяйственного правоотношения соотносятся как вид с родом, причем первое находится в субординационной логической зависимости от второго, а потому должно обладать всеми признаками хозяйственного правоотношения и иметь, кроме того, свои собственные видовые особенности. Но сопоставление соответствующего родового и видового понятий таких особенностей не выявляет.

Обязательство – отношение «с имущественным, как правило, содержанием»? Но это качество неотделимо и от хозяйственного правоотношения, раз для него характерно непрерывное «сочетание организационно-плановых и имущественных элементов». Обязательство – отношение, «обеспеченное имущественной санкцией»? И. А. Танчук отмечает в другом месте, что хозяйственно-управленческие обязательства пока еще редко сопровождаются такими мерами, как взыскание неустойки или убытков, но они тем не менее снабжены имущественными санкциями, поскольку возможно принудительное осуществление самих этих обязательств, включая реализацию их имущественного содержания. А в таком случае аналогичный подход применим и к хозяйственному правоотношению, раз оно не лишено имущественного содержания, как всякое правоотношение, осуществимо в принудительном порядке. Обязательство – «относительное правоотношение»? Но и хозяйственное правоотношение мыслимо лишь как относительное, а не абсолютное, ибо раз его участники – одни только «хозяйственные органы и внутренние подразделения последних», установление такого отношения с любым и каждым исключено, а одновременно со всеми хозяйственными органами и со всеми их внутренними подразделениями невозможно практически.

Выходит, что понятия хозяйственного правоотношения и хозяйственного обязательства формулированы И. А. Танчуком как ничем друг от друга не отличающиеся. А при тождестве двух понятий нужно ли пожертвовать одним из них, либо пересмотреть оба определения.

Наиболее пристального внимания заслуживает связанный с той же классификацией третий тезис, обращенный к группировке отдельных видов хозяйственных обязательств. В первую группу выделены товарно-денежные обязательства, «опосредствующие хозяйственные отношения товарно-денежного характера между субъектами, обладающими правами юридического лица».¹⁷⁰ Во вторую группу включены внутрихозяйственные обязательства, устанавливаемые между внутренними звеньями предприятия. Эти обязательства «не имеют товарно-денежного характера... их субъекты не обладают правами юридического лица», но в их основе лежат «определенные экономические факторы, сходные с теми, которые действуют во внешних хозяйственных отношениях».¹⁷¹ Для показа такого сходства приведено указание Маркса, который различал обмен, не выходящий за рамки производства (обмен деятельностью или результатами деятельности), и определяемый производством, но совершаемый вне его (обмен товарами).¹⁷² Тот и другой обмен, по мнению И. А. Танчука, «имеют общую экономическую природу, являются актами обмена независимо от того, входят или не входят они непосредственно в процесс производства».¹⁷³ Наконец, третья группа представлена хозяйственно-управленческими обязательствами, которые

¹⁶⁹ Там же, стр. 28.

¹⁷⁰ Там же, стр. 29.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 725.

¹⁷³ И. А. Танчук, В. П. Ефимочкин, Т. Е. Абова, ук. соч. стр. 64.

тоже лишены товарного характера, но «опосредствуют движение имущества»¹⁷⁴ по каналам внешних связей путем аккумуляции планирующими органами средств подведомственных предприятий, распределения этих и специально выделенных им средств, а также перераспределения имущества между подчиненными хозяйственными звеньями.¹⁷⁵ Их целевое назначение составляет «организация, а не осуществление хозяйственной деятельности».¹⁷⁶ Какое-либо экономическое сходство с хозяйственными обязательствами других видов уже вовсе не отмечается. Указывается лишь на сходство юридическое: обязательства этого вида также представляют собой относительные правоотношения, обладающие имущественным содержанием.¹⁷⁷

Первая группа обязательств, если следовать присвоенному ей наименованию, обладает двумя важнейшими признаками: это обязательства товарные, во-первых, и хозяйственные, во-вторых. Как товарные они объединимы с другими, нехозяйственными, но тоже товарными обязательствами. Логических препятствий к этому нет, а реальности подобного объединения не отрицает и сам автор, который признает, что в настоящее время эти обязательства «регулируются нормами действующего гражданского законодательства». Считая такое положение ненормальным, он настаивает на том, чтобы отделить указанные обязательства от других товарных и как хозяйственные объединить их с другими нетоварными, но тоже хозяйственными обязательствами. Дают ли, однако, для этого необходимые логические и реальные предпосылки обязательства второй и третьей групп?

Вторая группа обязательств лишена вообще какой-либо реальности, ибо если не существует внутрихозяйственного права оперативного управления, то невозможны и имущественно-обязательственные отношения между внутренними звеньями предприятия. Не следует при этом смешивать правовые отношения с конкретно используемыми методами учета и контроля. Внутренние звенья предприятия не могут вступать в правоотношения ни с кем другим, кроме как с его администрацией. Но контроль за их работой администрация обеспечивает либо непосредственно, либо через другие свои подразделения. В этом смысле показателен обычно привлекаемый опыт Московского завода малолитражных автомобилей, цехи которого направляют один другому заказы на последовательно обрабатываемые объекты и тем самым якобы вступают в обеспечиваемые санкциями межцеховые обязательства. Известно, однако, что такая методика используется лишь на отдельных крупных предприятиях. Следовательно, даже и с точки зрения И. А. Танчука, о сплошном распространении внутрихозяйственных обязательств говорить пока не приходится. Самое же примечательное заключается в том, что таких обязательств нет и на Московском заводе малолитражных автомобилей. Как сообщает И. А. Танчук, в случае невыполнения заказа санкции вычитаются из экономии виновного и присоединяются к экономии пострадавшего цеха.¹⁷⁸ Но ведь цеховая экономия – не более чем учетная единица, оказывающая влияние на размер причитающегося цеху реального поощрения и только в этом проявляющая свою юридическую значимость! Определить же размер поощрения и предоставить его фактически – дело администрации завода, а не другого цеха. Цехи и состоят в правоотношениях не друг с другом, а с администрацией предприятия. Поэтому, если бы даже имелись основания считать такие правоотношения обязательственными, то, вместо образования особой рубрики, их следовало бы отнести к хозяйственно-управленческим и рассматривать в составе обязательств третьей группы.

¹⁷⁴ Там же, стр. 29.

¹⁷⁵ См. там же, стр. 88–116.

¹⁷⁶ Там же, стр. 117.

¹⁷⁷ См. там же, стр. 116–118.

¹⁷⁸ См. там же, стр. 81.

Последняя, третья группа, в отличие от второй, вполне реальна, но реальна как совокупность относительных административных правоотношений, а не хозяйственно-управленческих обязательств. Движутся ли денежные средства от предприятия к вышестоящему органу или в обратном направлении, подчиненность первого второму всегда остается одним из обязательных условий такого движения. И потому даже обязанный к предоставлению средств орган хозяйственного руководства вправе определять цели их использования, сопутствующие достижению этих целей обязательные мероприятия и т. п., как в свою очередь даже управомоченный к получению таких средств хозяйствующий субъект не может ни уклониться от исполнения данных ему предписаний, ни отказаться от самих денег во избежание необходимости совершить предписанные действия. Возможное в этих условиях несовпадение управомоченного с предписывающим и обязанного с исполняющим предписание исключает квалификацию одного из них как кредитора и другого как должника. А там, где представлены связанные подчиненностью управомоченный и обязанный, нет кредитора и должника, имеется административное и отсутствует обязательственное правоотношение.

Такова фактическая сторона дела, уже сама по себе устраняющая намеченную И. А. Танчуком перегруппировку обязательств ввиду отсутствия реальных предпосылок, необходимых для претворения ее в жизнь. Но если бы даже не было этих фактических препятствий и все без изъятия перечисленные явления обладали приведенными И. А. Танчука к его классификации свойствами, могла бы такая классификация претендовать на достаточную логическую обоснованность?

В связи с поставленным вопросом напомним, что, помимо хозяйственного обязательства как родового признака для всех перечисленных классификационных подразделений, речь у сторонников критикуемой концепции также шла об опосредствовании обмена как признаке, свойственном двум первым и отсутствующем в третьей группе обязательств. Отсюда следует, что товарно-денежные и внутрихозяйственные обязательства находятся на одной плоскости друг с другом и в разных плоскостях с хозяйственно-управленческими обязательствами. У них нет с последними прямой координационной связи, а такая совокупность не может быть выражена в родовом понятии, разве что ее классификатор откажется от некоторых излишеств в своих обобщениях и, вместо сходства товарного обмена с нетоварным, перенесет акцент на прямую их противоположность. Тогда соединение одних и противопоставлено их другим видам хозяйственных обязательств по признаку обмена будет устранено. Но многие другие из числа аналогичных погрешностей тем не менее сохраняются: внутрихозяйственные и хозяйственно-управленческие обязательства, будучи нетоварными, противостоят тем самым как единый вид товарно-денежным обязательствам; товарно-денежные и внутрихозяйственные обязательства, опосредствующие осуществление хозяйственной деятельности, также становятся единым видом в сравнении с хозяйственно-управленческими обязательствами, посредством которых эта деятельность не осуществляется, а лишь организуется; хозяйственно-управленческие и товарно-денежные обязательства в качестве внешнехозяйственных приобретают благодаря этому признаку видовое значение для внутрихозяйственных обязательств.

Столь необычная подвижность рассматриваемой классификации, относящейся более или менее безразлично к любым перемещениям отдельных своих членов, уже сама по себе свидетельствует о неустойчивости избранного классификационного критерия, выражающего не сущность классифицируемых явлений, а их чисто внешние, зачастую разноплоскостные признаки. И чтобы сохранить понятие хозяйственного обязательства во всей его научной плодотворности,¹⁷⁹ нужно прочность этого понятия подвергнуть проверке по всем

¹⁷⁹ А что оно плодотворно, — об этом достаточно красноречиво свидетельствует накопившаяся за последние годы лите-

возможным теоретическим параметрам, не исключая разнообразных классификационных систем, построенных на его основании.

Правовые явления, как и любой иной объект научного исследования, беспредельны в возможностях их познания. Но каждое отдельное отражающее познанный объект понятие логически предельно. Ненарушимость таких пределов – одно из важнейших требований науки. И от того, как это требование соблюдается, во многом зависят успехи советского правоведения вообще, в том числе такой существенной его составной части, как учение о юридическом лице, оперативном управлении, хозяйственных обязательствах.

Рекомендована кафедрой гражданского права Ленинградского университета

Вина и ответственность по советскому праву¹⁸⁰

В системе мер, обеспечивающих государственное руководство советским обществом, немалую роль играют меры юридической ответственности. XXIV съезд КПСС провозгласил делом принципа нетерпимое отношение коммуниста к любым попыткам нарушить или обойти закон, а следовательно, и в области хозяйственных отношений. В качестве одной из важнейших задач съезд признал всемерное укрепление государственной дисциплины, строгое соблюдение социалистической законности, повышение ответственности каждого хозяйственного руководителя за выполнение установленных планов и заданий. Понятно, что в этих условиях принципиальное значение должны иметь также юридические санкции, применяемые к нарушителям закона. Построенные в строгом соответствии с началами социалистической законности, эти санкции не могут не опираться на определенные не только фактические, но и юридические основания. Известно, что в отношении таких санкций, как меры правовой ответственности, юридическим основанием служит описанный в законе состав, а фактическим – конкретно совершенное правонарушение. При этом элементы правонарушения, подпадающие под признаки состава, являются обязательными, а все прочие – факультативными условиями ответственности.

Природа факультативных условий такова, что они не могут быть ни представлены в виде исчерпывающего перечня, ни подвергнуты какому-либо обобщенному выражению. Иначе обстоит дело с условиями обязательными. Их обобщенность как раз и воплощается в понятии состава правонарушения. Что же касается перечня, то исчерпывающая его полнота предполагает, по-видимому, оценку правонарушения как деяния противоправного, вредоносного и виновного. Но в ряду перечисленных признаков в самой небольшой степени подвергается сомнению только признак противоправности¹⁸¹. Признак вредоносности обычно приемлется с весьма существенной оговоркой: хотя отрицательные последствия вызывает любое противоправное деяние, но, лишь будучи прямо включенными в законодательную обрисовку состава правонарушения, они становятся обязательными условиями юридической ответственности¹⁸². Самая же острая дискуссия связана с признаком вины. Развернувшаяся первоначально на почве гражданского права, эта дискуссия впоследствии преодолела узкие цивилистические рамки и, обретя общетеоретический размах, породила настолько богатое разнообразие взглядов, что стала в буквальном смысле «лакомым куском» для поклонников правовых классификаций. В одной из них, например, различаются концепции, ориентирующиеся на: а) начало вины, б) начало причинения, в) виновное с исключениями начало, г) два начала (вину и причинение), д) объективные моменты (противоправно-вредоносное деяние обосновывает ответственность, а отсутствие вины исключает ее).

Характерные для отдельных концепций индивидуальные оттенки представляют определенный интерес, тем более что не исключены достаточно острые, а иногда даже коренные разногласия как между сторонниками безвиновной ответственности, так и между ее противниками. Но если уж обращаться к классификации, то исходное значение должен иметь водораздел между двумя противоположными воззрениями с возможной последующей диф-

¹⁸⁰ Печ. по: Советское государство и право. 1966. № 7. ¹⁹¹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, с. 81. ¹⁹² См. там же, с. 205, 204, 202.

¹⁸¹ См., например Д. К. Райхер, Вопрос об ответственности за причинение вреда («Правоведение», 1971, № 5, с. 57–58).

¹⁸² Некоторые авторы идут еще дальше, допуская «безвредную ответственность», «например, за непоставку говаря – в виде уплаты неустойки за невыполнение договора, хотя оно не повлекло реальных убытков» (Т. К. Л/а/и#ее#, Основания гражданско-правовой ответственности JVL, 1970, с. 6). Не подлежит, однако, сомнению, что отсутствие убытков не равнозначно отсутствию любых вредных последствий вообще.

ференциацией в пределах каждого из них. Сам же этот водораздел в свою очередь зависит от конкретной трактовки ответственности, от того или иного ее понимания. Необходимо, следовательно, установить, что такое ответственность по советскому праву, и уже на этой основе выяснить, составляет ли вина ее обязательное условие во всех без исключения случаях.

Что такое ответственность?

Термин «ответственность» употребляется не только в юридическом, но и в общесоциологическом смысле («воспитание чувства ответственности»!). Его применяют в сочетании как с поведением человека, так и со стихийными силами природы («ответственность за страховой случай»!), как с собственным, так и с чужим поведением («ответственность должника за действия третьих лиц»!), как с запрещенными, так и с дозволенными действиями («ответственность за порученное дело»!). Не удивительно, что при таком семантическом разнообразии лишь терминологически равнозвучающих наименований практика никогда не испытывала потребности во всеобъемлющем одноименном понятии, а теория никогда не обнаруживала стремления к его определению. Но хотя там, где исключено общее понятие, невозможна и классификация, ибо классифицируются только однопорядковые совокупности, однако об этом элементарном правиле забывают всякий раз, когда на том лишь основании, что существенно разнородным явлениям присвоено единое обозначение, их пытаются расположить по логически соподчиненным классификационным рубрикам. Так случилось и с классификацией явлений, именуемых ответственностью.

В самом широком, общесоциологическом плане предложено различать ответственность активную, означающую осознание своего долга, подчинение ему своей деятельности, и ретроспективную, вызываемую отказом от такого подчинения, совершением отступающих от долга отрицательных поступков¹⁸³. Ответственность здесь, таким образом, выступает: то как благо (следование долгу), то как неизбежное зло (последствие нарушения долга), то как предпосылка нормальной деятельности (осознание долга), то как результат очевидных аномалий (пренебрежение долгом), то как выражение высоких моральных достоинств (ответственное отношение к долгу), то как основание для морального осуждения (безответственное отношение к долгу). Понятно, что рассчитывать на научную эффективность или практическую результативность подобной классификации можно только при весьма гипертрофированной склонности к оптимизму, ибо, не порывая с реальными жизненными потребностями, трудно предрекать ей какие-либо шансы на успех.

В несколько более узком, но все же достаточно объемном, общеправовом плане рекомендовано разграничивать ответственность как установленную в законе обязанность совершать действия, соответствующие природе социалистического строя, и как новую обязанность, возникающую в результате нарушения первой, а потому сводящуюся к устранению вызванных правонарушением последствий¹⁸⁴. Уже было по поводу этого положения отмечено в литературе, что, выделяя ответственность в смысле обязанности совершать предусмотренные законом действия, оно не ведет ни к чему другому, кроме удвоения терминологии: одно и то же явление именуется и обязанностью, и ответственностью одновременно. Можно также добавить, что оно порождает серьезную терминологическую путаницу, так как ответственностью объявляется и сама обязанность, и последствие ее неисполнения. Странно лишь, что обнаружение недостатков в пределах общеправовой классификации не помешало ее критикам безоговорочно поддержать страдающую аналогичными дефектами классификацию социологическую. А ведь если отвлечься от того, что первая объявляет ответственностью самый долг (обязанность), тогда как вторая в тождественном

¹⁸³ См. «Вопросы философии», 1965, № 2, с. 76–77. Иногда вместо активной говорят о позитивной ответственности (см., например, П. Е. Недбайло, Система юридических гарантий применения советских правовых норм, «Правоведение», 1971, № 3, с. 51). На тех же посылках основана и трактовка ответственности как мерила свободы (см. например, Р. Косолапов, В. Марков, Свобода и ответственность, М., 1969, с. 63–95).

¹⁸⁴ См. В. Г. Смирнов, Функции советского уголовного права, Л., 1965, с. 78. ¹⁹⁸ См. И. С. Самощенко, М. Х. Фарукишин, Ответственность по советскому законодательству, М., 1971, с. 43. ¹⁹⁹ См. там же, с. 6–7.

смысле говорит о чувстве долга (обязанности), между ними вообще трудно было бы обнаружить какое-либо различие. Проявлять при этих условиях отрицательное отношение к одной теории и положительное к другой – значит не воздавать всего должного, что заслужила каждая из них и на что обе они могли бы претендовать по праву научной справедливости.

В сугубо специальном, предельно специфическом плане, рассчитанном лишь на имущественные отношения и притом такие, которые устанавливаются между хозяйственными предприятиями и иными хозяйственными органами, намечено размежевание экономической и юридической ответственности. Не облеченная в юридическую форму экономическая ответственность «базируется на причинно-следственной связи между действиями... предприятия и их отрицательными результатами... Если же в имущественной сфере данного предприятия проявились отрицательные последствия... деятельности другого хозяйственного органа, то эти отрицательные последствия должны перелagаться на этот другой хозяйственный орган при помощи механизма юридической материальной ответственности»¹⁸⁵. Иными словами, чисто экономическая – это такая ответственность, которую предприятие несет перед самим собой в виде отрицательных результатов своей собственной деятельности, а когда аналогичные результаты перелagаются на другую хозяйственную организацию, деятельностью которой они вызваны, налицо уже юридическая ответственность. Порождены ли они неправомерными или только нерациональными либо даже рациональными, но объективно ущербными действиями – существо дела от этого не меняется. Важна не природа действий, а хозяйственная сфера, в которой сосредоточиваются вызываемые ими последствия: при несовпадении ее со сферой действующего субъекта возникает юридическая ответственность, при совпадении – одна только экономическая. Из всего этого, правда, следует, что юридическая материальная ответственность, будучи разновидностью ответственности экономической (поскольку и она выражается в отрицательных последствиях хозяйственной деятельности), не имеет в то же время ничего общего с другими видами юридической ответственности (поскольку они применимы лишь к неправомерному, а не к любому вообще повелению, вызывающему отрицательные последствия). Но при всей парадоксальности подобного вывода он не должен вызывать особого удивления, ибо ничего другого и нельзя было ожидать от классификации, для которой общность терминологии более существенна, чем различие по существу.

Несмотря, однако, на то, что охарактеризованными классификациями обусловлено накопление чисто негативного опыта, они имеют определенное позитивное значение. Теперь уже можно считать не только абстрактно, но эмпирически доказанным, что ответственность в смысле единого и притом специфического понятия соотносится лишь с такими явлениями, как:

а) поведение людей, а не стихийные силы природы. «Ответственность за страховой случай» на самом деле ничего общего с ответственностью не имеет и есть не более, чем сокращенный словесный образ для обозначения такой специфической ситуации, когда риск случая переносится из сферы, в которой он может наступить, а другую сферу, специально образуемую для его принятия за особое вознаграждение;

б) свое собственное, а не чужое поведение. Поскольку «ответственность должника за действия третьих лиц» лишена этого свойства, советская цивилистическая доктрина давно уже не считает ее видом ответственности, а расценивает как особый юридико-технический способ доведения возникших отрицательных последствий до их фактического виновника¹⁸⁶;

¹⁸⁵ В. К. Мамутов, В. Овсиенко, Д. Я. Юдин, Предприятие! материальная ответственность, Киев, 1971, с. 29.

¹⁸⁶ Вопреки очевидному смыслу этой концепции, потому и говорящей о «юридико-техническом способе», что до тех пор, пока его действие не доведено до фактического виновника, нети ответственности Д. С. Малеин, придавая основное значение самому термину «ответственность за чужую вину», утверждает, будто тем самым вводится еще один случай

в) поведение запрещенное, а не дозволенное. Так как «ответственность за порученное дело» сопутствует полезной деятельности, проявляясь с тем большей силой, чем успешнее эта деятельность, то она лежит в совершенно иной плоскости, нежели ответственность в собственном смысле, являющаяся ее антиподом, а не продолжением, результатом потери чувства ответственности, следствием безответственного отношения к собственному долгу.

Понятно, что в такой же обрисовке ответственность никакой другой, кроме как ретроспективной, быть не может, и ни в чем ином, кроме как в санкции за уже содеянное, воплотиться неспособна. Вопрос лишь в том, какими признаками юридическая санкция должна обладать, чтобы ее можно было рассматривать в качестве меры правовой ответственности. Что санкция и ответственность не одно и то же – замечено давно¹⁸⁷. Но этот вывод разделяется не всеми, а если и разделяется, то отнюдь не в единообразном его выражении.

По широко распространенному мнению, ответственность есть любое государственное властно-принудительное вмешательство, пресекающее нарушение права и порицающее нарушителя. Выражается ли такое вмешательство в возложении на нарушителя дополнительного бремени или принудительном осуществлении самой нарушенной обязанности – это ничего не меняет в квалификации примененных юридических мер. «Когда имеется применение правовых санкций, в том числе предусмотренных ст. 6 Основ, есть и юридическая ответственность. И не нужно думать, что здесь нет лишений для лица, несущего ответственность. Из того, что у него не возникает новых обязанностей и он не теряет тех или иных прав, совсем не следует, что он не несет никаких лишений. Раз его принуждают к исполнению обязанности, значит с него предварительно спрашивают отчет в совершенном деянии, осуждают его за это деяние, если есть вина, заставляют выполнить правовую обязанность помимо его воли»¹⁸⁸.

Важно, однако, вовсе не то, «спрашивают» ли отчет у нарушителя и осуждают ли его поведение фактически, а то, относится ли такой отчет и такое осуждение к числу необходимых юридических условий реализации в принудительном порядке возложенной на него, но добровольно не исполненной обязанности. Для признающих подобную меру юридической ответственностью «наиболее яркий пример – взыскание по суду алиментов с родителей, не выполняющих своей обязанности по содержанию детей»¹⁸⁹. Но единственным юридическим условием принудительного взыскания алиментов служит факт неисполнения обязанности по алиментированию. То же самое наблюдается и во всех других случаях принудительного исполнения (взыскание денежного долга, истребование своевременно не возвращенного имущества и т. п.). Если бы такие санкции были мерами юридической ответственности, следовало бы признать, что ответственность совпадает с охраняемой ею обязанностью по содержанию (в обоих случаях совершаются одинаковые действия) и отличается от нее только по форме (вместо добровольного, принудительное исполнение). Теоретически это означало бы упразднение проблемы ответственности, раз она ничего другого, кроме нарушения обязанности, не предполагает, а практически ее возложение ничего бы не изменило в позиции нарушителя, раз в принудительном порядке совершаются те же действия, что и вытекающие из самой нарушенной обязанности.

ответственности без вины. Но такое утверждение столь же основательно, как и вывод, что критикуемые им взгляды предполагают существование вины «внесубъекта ответственности» или «вины за чужие действия» (см. *Н. С. Малеин*, Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях, М., 1968, с. 29–30).

¹⁸⁷ Хотя это обстоятельство едва ли не впервые было отмечено в нашей работе «Ответственность по советскому гражданскому праву» (Л., 1955, с. 9–18), однако именно она вызвала упреки как в отождествлении ответственности с любыми вообще юридическими санкциями (см. например, «Гражданское право», т. 1, под ред. *П. Е. Орловского* и *С. М. Корнеева*, М., 1969, с. 515), так и в непомерном сужении понятия ответственности по сравнению с общим комплексом юридических санкций (см., например, *И. С. Самощенко*, *М. Х. Фарукишин*, цит. соч., с. 57).

¹⁸⁸ *И. С. Самощенко*, *М. Х. Фарукишин*, цит. соч., с. 58.

¹⁸⁹ Там же.

Если же в качестве самостоятельной правовой категории ответственность должна отличаться от охраняемой ею обязанности не только по форме, но и по содержанию, ее следует конструировать как дополнительное для нарушителя обременение соответственно ленинской характеристике ответственности как кары за нарушение закона¹⁹⁰. К тому же она должна быть очерчена такими границами, которые исключают смещение ответственности со смежными феноменами или, наоборот, оставление за пределами выработанного понятия отдельных разновидностей подлинной ответственности. Нельзя, например, ограничиваться общими рассуждениями о том, что ответственность связана с лишениями личного, организационного или имущественного порядка¹⁹¹, ибо при такой характеристике ее охватывались бы любые юридические санкции, реализуемые принудительно и уже по одной только этой причине неотделимые от известных лишений. Не менее ошибочно сводить ответственность к бескомпенсационному лишению прав, ибо, не говоря уже о сугубо цивилистической значимости признака бескомпенсационности, это в подавляющем большинстве случаев устраняло бы всякое различие между самой ответственностью и чисто экономическим ее действием. Такая, например, мера ответственности, как возложение обязанности возместить причиненный вред, уменьшает состав имущества причинителя, но не вследствие лишения его имущественного права, а в результате исполнения вновь появившейся имущественной обязанности¹⁹².

Чтобы юридическая ответственность была представлена в своем правовом содержании, а не в экономическом действии и очерчивалась адекватными, а не отклоняющимися от ее сущности границами, нужно различать три возможных вида вызываемых ею лишений или дополнительных обременений: 1) лишение права (например, лишение права проживания в определенной местности в течение установленного срока как административная санкция); 2) возложение обязанности (например, возложение обязанности уплатить неустойку как мера гражданской ответственности); 3) лишение права, соединенное с возложением обязанности (например, лишение свободы как мера уголовного наказания). Любые из перечисленных лишений (обременений) могут быть следствием как нарушения обязанности, так и злоупотребления правом (например, конфискация незаконно приобретенного и изъятие бесхозяйственно содержимого имущества), сочетаться с лишениями, не являющимися мерами ответственности, или не находиться в таком сочетании (например, взыскание убытков вместе с принудительным исполнением нарушенного договора или без принуждения к реальному исполнению, получать, в словесной обрисовке законодательно закрепленной санкции не только прямое, но и косвенное выражение (например, материальная ответственность работника, причинившего ущерб, и дисциплинарная его ответственность в виде выговора, другого взыскания, погашаемого давностью только при соблюдении определенных условий, а также вызывающего для ответственного субъекта иной предусмотренный законом правовой урон)¹⁹³. Важно, однако, подчеркнуть со всей определенностью, что там, где не наступает хотя бы одно из последствий такого рода, нет юридической ответственности. И именно потому, что правовая ответственность – особая государственно-принудитель-

¹⁹⁰ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, с. 177.

¹⁹¹ См. С. С. Алексеев, *Общая теория социалистического права*, вып. 2, Свердловск, 1964, с. 182.

¹⁹² Небезынтересно, что авторы последней концепции (см. «Советское гражданское право, т. 1, под ред. О. А. Красавчикова, М., 1968, с. 479–480) не считают ответственностью взыскание не основательно приобретенного имущества, поскольку оно компенсируется уже полученными ответчиком выгодами. Но если при допускаемой ими конкуренции исков («Советское гражданское право», т. 2, под ред. О. А. Красавчикова, М., 1969, с. 437–438) вместо не основательно приобретенного взыскивается равное ему по стоимости возмещение ущерба, то на лицо уже ответственность, хотя по их собственной конструкции лишение прав не сопровождается здесь материальным уроном для нарушителя.

¹⁹³ Отмеченное обстоятельство, видимо, ускользнуло из поля зрения И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшина, когда они писали, что такие санкции, как замечание, выговор, строгий выговор и т. п. будучи мерами ответственности, не вызывают ни ограничения прав, ни возложения каких-либо специальных обязанностей (цит. соч., с. 57).

ная мера, обрушивающая на ответственного субъекта существенно новые, дополнительные обременения, в советской юридической науке и стоит так остро вопрос об условиях ее применения вообще, о вине как обязательном условии – в первую очередь.

Возможна ли ответственность без вины?

Не порывая с научной последовательностью, едва ли удалось бы примирить возведение в ранг всеобщего правила ответственности за вину с признанием мерой ответственности уже одного только принудительного исполнения нарушенной обязанности¹⁹⁴, поскольку ни закон, ни практика, не ставят применение этой меры в зависимость от виновности нарушителя. Значит ли это, что, объявив дополнительные обременения или лишения особого рода обязательным элементом ответственности, нельзя идти противоположным путем и допускать от начала вины вообще какие бы то ни было отступления?

Те, кто отвечают на поставленный вопрос без всяких оговорок утвердительно, апеллируют преимущественно к идее справедливости. И она действительно обладает силой неопровержимого аргумента, но лишь в отношении карательных санкций – мер уголовного наказания, административных или дисциплинарных взысканий, гражданско-правовых штрафов, не выполняющих компенсационной функции, и т. п. Достаточно выйти за указанные пределы и обратиться к компенсационным санкциям, как доказательственное действие той же идеи существенно ослабится. Еще в минувшем столетии защитники начала причинения не без иронии вопрошали: почему возмещение убытков за счет невиновного причинителя несправедливо, а оставление их на бремени не только невиновного, но и не причинившего убытков потерпевшего справедливо? Таков же ход рассуждений сторонников этого начала и в наши дни: «Ведь отказ от взыскания убытков с должника по мотивам отсутствия его вины означает, что тем самым экономическая ответственность, убытки возлагаются на так же невиновного кредитора»¹⁹⁵. И если эти рассуждения несмотря на солидный возраст, не перестают быть ущербными, то по мотивам, относящимся не к справедливости, а к объективным потребностям нормального общения между людьми: ответственность за непредвиденные последствия своего поведения скорее бы отвращала от участия в общественных процессах, чем поощряла такое участие. Поэтому даже и для компенсационных санкций начало причинения не может быть закреплено в социалистическом государстве ни как всеобщее, ни как параллельное вине начало юридической ответственности.

Однако в отдельных случаях, например для вреда, причиненного источником повышенной опасности (ст. 90 Основ гражданского законодательства), закон предусматривает возложение компенсационных обязанностей независимо от вины. Поскольку принципу абсолютной несовместимости ответственности с невиновностью такие случаи явно противоречат, они вызвали со стороны приверженцев этого принципа реакцию двоякого рода.

Предельно радикальная реакция вылилась в предложение вовсе отказаться от подобных правил, используя вместо них «метод страхования – наиболее справедливый метод распределения убытков, возникающих при отсутствии вины»¹⁹⁶. Но предложенная замена осуществима не иначе, как путем введения обязательного страхования случайных убытков для всех тех видов деятельности, субъекты которых возмещают убытки независимо от вины по правилам действующего советского законодательства. Приведет ли это к уменьшению фактического бремени, лежащего на владельцах источников повышенной опасности, – должны показать экономические расчеты, произведенные применительно не только к транспортным средствам, но и ко всем другим аналогичным объектам. Сейчас же важно отметить, что даже столь далеко идущие рекомендации исходят из безусловной обоснованности установления для деятельности некоторых видов определенных дополнительных

¹⁹⁴ Ср. с. 58–59 со с. 43–44 цитируемой книги И. С. Самошенко и М. Х. Фарукшина.

¹⁹⁵ В. К. Мамутов, В. В. Овсиенко, В. Я. Юдин, цит. соч., с. 39.

¹⁹⁶ Н. С. Малеин, цит. соч., с. 46.

обременений. Обсуждается лишь вопрос о том, что рациональнее – систематическая уплата страховых взносов или полное возмещение эпизодически причиняемых случайных убытков. Но это уже спор скорее утилитарный, чем теоретический.

В рамках сугубо теоретической дискуссии существенна другая реакция, ничего менять не предполагающая и сосредоточенная всецело на оценке того, что фактически закреплено в ст. 90 Основ и аналогичных законодательных нормах. Суть этой оценки выражается в утверждении, что здесь нет подлинной ответственности, а имеется нечто аналогичное «ответственности страховщика за ущерб, причиненный страховым бедствием застрахованному»¹⁹⁷. При ином подходе к делу ответственностью нужно было бы также считать «обязанность Госстраха возместить страховой ущерб, обязанность собственника принять на себя убытки, происшедшие от случайной гибели или случайной порчи принадлежащего ему имущества, и т. п.». В действительности же при таких обстоятельствах происходит не возложение ответственности, а распределение риска¹⁹⁸, компенсация убытков в силу предусмотренных законом особых оснований¹⁹⁹.

Но отсылки к риску или особому основанию ничего не объясняют: ответственность – тоже особое основание возмещения убытков, снимающее риск с потерпевшего и перелагающие его на ответственное лицо. Помимо отсутствия вины, нет также ровно никакого сходства между возложением убытков на владельца источника повышенной опасности, страховщика и самого понесшего их собственника: первый устраняет последствия своих хотя и невиновных, но противоправных действий; второй выполняет принятую на себя за определенное вознаграждение договорную обязанность возместить ущерб к причинению которого он вовсе не причастен; третий вообще не возмещает ущерба, а только несет его ввиду отсутствия оснований для получения компенсации от других лиц. И именно потому, что лишь в первом случае производится возмещение невиновно, но противоправно причиненного вреда, он тяготеет к ответственности в гораздо большей степени, чем к различным иным формам распределения риска.

Следовательно, мало сказать, что здесь нет ответственности, а есть не более чем распределение риска. Нужно ответить и на многие конкретные порождаемые такой позицией вопросы. Почему ст. 90 Основ, не являясь нормой об ответственности, за исключением прямо установленных ею изъятий, может и должна применяться с учетом всех других общих законодательных правил о деликтной ответственности? Если это норма не об ответственности, то возможна ли вообще ответственность владельца источника повышенной опасности, даже когда он виновен фактически? Раз к возмещению убытков причинитель привлекается независимо от вины, нет юридического смысла выявлять его виновность, а значит, согласно изложенной концепции, он почти всегда возмещает и никогда не отвечает. Как тогда быть с закрепленной в советском гражданском законе презумпцией вины причинителя? Там, где нет ответственности, надобность в такой презумпции не возникает. Но это поставило бы владельцев источников повышенной опасности в привилегированное положение: в отличие от всех иных причинителей, они могли бы быть привлечены к ответственности, а не к простому возмещению ущерба только при фактической доказанности их вины, – но не в силу одной лишь презумпции виновности. Если же во избежание такой ничем не оправданной привилегии действие названной презумпции следует сохранить и в этой области, то, поскольку на исход дела ее опровержение не влияет, причинитель, обязываемый к возмещению вреда, всегда признавался бы также несущим ответственность за вину, пусть и презюмируемую, а не положительно доказанную. При этом показательны не столько затруднения,

¹⁹⁷ Н. Г. Александров, Законности правоотношения в советском обществе, М., 1955, с. 139.

¹⁹⁸ См. О. А. Красавчиков, цит. соч., с. 137–138, 139.

¹⁹⁹ См. Н. С. Малеин, цит. соч. С. 28.

возникающие в связи с перечисленными и другими подобными вопросами, сколько неизбежные при их разрешении на почве критикуемых взглядов прямо противоположные выводы. Внутренне противоречив и сформулированный на той же почве общий тезис: ответственности нет, но модель ответственности имеется²⁰⁰. Противоречив потому, что ничего другого, кроме самой ответственности, не могло бы воплотиться в ее модели.

Действительно, почему эта модель применяется только к компенсационным, но не к карательным санкциям? Вероятно, потому, что наказание невиновного лишено смысла со всех точек зрения, тогда как его компенсационная ответственность приобретает достаточный смысл по крайней мере с точки зрения потерпевшего.

Но если безвиновная компенсационная ответственность известный смысл имеет, почему та же модель не стала всеобщим правилом? Видимо, потому, что при невиновности обеих сторон советский закон проявил бы неоправданную односторонность, став целиком на защиту интересов потерпевшего и полностью сбросив со счетов интересы причинителя. Однако на определенную область отношений действие указанной модели все же распространено. Почему в этих пределах законодатель пренебрег ее односторонностью? Очевидно, потому, что эта модель, благодаря специфике области ее применения, не только не становится односторонней, а, наоборот, полностью уравнивает положение обеих сторон: один эксплуатирует технику, несмотря на угрозу случайного вреда, а другой компенсируется в пределах фактического ущерба, несмотря на невиновное его причинение.

При отмеченных условиях возложение компенсационной обязанности независимо от вины, сообразуясь с требованием справедливости, не оказывает на общественную активность людей того сдерживающего влияния, какое проявилось бы в случае распространения такого же правила на обычную деятельность. Дело в том, что с одной стороны, эксплуатация общей техники вследствие ее объективно предопределенного опережающего прогресса в сравнении с развитием техники безопасности не может не создавать угрозы причинения в известном объеме случайного ущерба. Но, с другой стороны, благодаря применению специальной техники безопасности позиция субъекта, эксплуатирующего общую технику, существенно упрощается: операции, выполняемые им в предупредительных целях, типизированы в таких масштабах, что случайности здесь практически возможны лишь в меру их неустранимости на достигнутом техникой безопасности уровне. За указанными пределами эксплуатация общей техники менее опасна, чем аналогичная работа, выполняемая технически неоснащенными способами (см., например, автоматизированные и производимые вручную погрузочные работы). Поэтому ответственность за случайные опасности не способна затормозить процесс техники уже ввиду одних только обеспечиваемых таким развитием границ безопасности. Вместе с тем, поскольку общая техника, как и техника безопасности, создается и применяется людьми, они же должны заботиться об устранении возникшей опасности, делая все возможное, чтобы сократить разрыв между двумя видами техники. Стимулировать нужную заботливость способны и предусмотренные советским законом такие санкции, применение которых не обусловлено виной нарушителя.

Отмеченное действие компенсационных санкций иногда, впрочем, оспаривают на том основании, что они применяются не к изготовителям, а к потребителям техники²⁰¹. Но если в современных условиях социалистического хозяйствования признано вообще необходимым усилить воздействие на производителя через потребительский спрос, то нет препятствий к тому же воздействию на него в указанных специальных целях. К тому же производительные потребители техники, судя по планированию и самой практике изобретательства в СССР, проявляют не меньшую заботу о безопасном ее использовании, чем изготовители.

²⁰⁰ См., например, О. Э. Лейст, *Сатицию советского права*, М., 1962, с. 92.

²⁰¹ См. Н. С. Малеин, *цит. соч.*, с. 26.

А так как создание нового технического средства безопасности завершает сложный процесс, нередко начинающийся с выработки новых практических навыков, то, как показывает, например, практика вождения автомобилей, в этом процессе участвуют не только производители, но и личные потребители техники.

Приходится также сталкиваться с утверждением, что вообще недопустимо при помощи юридических санкций подстегивать научно-технический прогресс, а если бы они обладали стимулирующим действием, то и с землетрясениями можно бороться, возлагая ущерб на изучающие их научно-исследовательские учреждения²⁰². Но, не возражая против правового регулирования научно-технического прогресса, трудно отказывать ему в обеспечении юридическими санкциями. Оценивая же границы их стимулирующего действия, не нужно забывать, что между причинением вреда землетрясением и эксплуатирующим технику человеком не больше сходства, чем между выявлением причин землетрясения и разработкой техники безопасности. И если благодаря особому стечению исключительных обстоятельств можно стимулировать, не осуждая, то в виде такого же исключения допустимо возлагать ответственность, не обвиняя.

Значение общего правила имеет ответственность за вину; она справедлива, не оказывает на участие в общественных процессах тормозящего влияния и обеспечивает нужный воспитательный эффект. В качестве исключения из этого общего правила ответственность за противоправно-вредоносное поведение независимо от вины может быть введена при условии, что она: а) не противоречит принципу справедливости, так как выражается в компенсационных, а не карательных санкциях; б) не отвращает от участия в общественных процессах, так как применяется к деятельности, которая одновременно повышает опасность и уменьшает ее; в) не лишена воспитательного действия, так как вследствие особенностей той же деятельности стимулирует к еще не совершенному, хотя и не осуждает того, что уже было совершено.

²⁰² См. Д. И. Бернштейн, Проблема так называемой ответственности без вины (Сборник статей аспирантов Ташкентского государственного университета, вып. 23, Ташкент, 1964, с. 115–122).

Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права)²⁰³

В советской юридической науке никем не оспаривается и потому может считаться общепризнанным трехчленное деление последовательно восходящих к системе права образующих ее в своей совокупности элементов: норма, институт, отрасль. Достаточно ли, однако, эта «триада» для того, чтобы полностью исчерпать структурные подразделения правовой системы?

Советское право воплощается в законах и в иных нормативных актах. Атак как оно целиком укладывается в органически присущую ему систему, то в ней должны найти свое место и любые составные части выражающих наше право законодательных актов. Но куда следует отнести преамбулы к законам, не содержащие ни норм, ни институтов, ни тем более отраслей права?

Конечно, если бы преамбулы носили чисто разъяснительный или сугубо декларативный характер, можно было бы сказать, что они вообще не входят в систему права, хотя и неотделимы от соответствующих законодательных текстов. В действительности же они имеют и другое значение. Так, ст. 5 Основ гражданского законодательства устанавливает, что гражданские права охраняются законом, за исключением случаев, когда они осуществляются в противоречии с назначением этих прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма. Но в самой ст. 5 назначение гражданских прав не определено, и выявить его можно, опираясь лишь на ту часть преамбулы к Основам, в которой устанавливаются задачи, стоящие перед советским гражданским законодательством. Поэтому и применение ст. 5 на практике без использования преамбулы неосуществимо.

Правовая, а не какая-либо иная природа таких преамбул не должна, следовательно, вызывать сомнений. Но закрепляют они не нормы или институты, а общие принципы для отрасли права в целом либо отдельных ее институтов. Такие общие принципы могут быть выражены и в нормах права, как сделано, например, для гражданского процессуального права ст. 7–11 Основ гражданского судопроизводства. Однако и в подобных случаях понятие нормы не перекрывает понятия принципа, поскольку норма соотносится с институтом как более дробное подразделение системы права, а закрепленные ею принципы могут распространяться на ряд институтов или носить общеотраслевой характер. Нужно также подчеркнуть, что имеются в виду именно общие принципы, а не общие нормы, включенные по законодательно-техническим соображениям в Общую часть кодекса. Общие нормы остаются нормами лишь повторяющимися в каждом специальном институте (разумеется, по существу, а не текстуально), тогда как принцип стоит над институтами и предопределяет их непосредственное содержание. Вот почему приведенная выше «триада» нуждается по крайней мере в присоединении к ней также и правовых принципов.

Но этим суть проблемы не исчерпывается. Не исчерпывается, главным образом, ввиду известной неопределенности понятия правового института. Так, говорят, например, об институте права собственности и одновременно об институтах права государственной собственности, права кооперативно-колхозной собственности, права профсоюзно-общественной собственности, права личной собственности и права собственности мелких частных хозяйств единоличных крестьян и кустарей²⁰⁴. Что же здесь действительно явля-

²⁰³ Печ. по: Ученые записки/ВНИИСЗ. Вып. 14. М., 1968.

²⁰⁴ См. Также «Общая теория советского права», под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенко, М., «Юридическая литература», 1966, где поставлены в один ряд «...институты обязательственного права, купли-продажи, имущественного найма и т. д.» (с. 317).

ется институтом, а что институтом считаться не может? Если перечисленные отдельные виды права собственности²⁰⁵ – институты, то право собственности вообще нечто большее, чем институт, и нечто меньшее, чем отрасль права. То же самое можно было бы сказать о наследственном праве в сопоставлении с наследованием по закону и по завещанию, об изобретательском праве в сопоставлении с правом на изобретение и на рационализаторское предложение и т. п. Поэтому очевидно, что отрасль права может слагаться не только из институтов, но и из более укрупненных подразделений, которые в свою очередь образуются совокупностью соответствующих институтов.

Не допускаем ли мы, однако, смешения разных категорий – института как подразделения отрасли права с разделами кодекса или иного нормативного акта как с чисто законодательно-техническими подразделениями?

Смешения здесь никакого нет. Напомним, что, например, при институциональной системе построения Гражданского кодекса нормы наследственного права в особый раздел не выделяются, а соединены в общем разделе с другими способами приобретения имущества, чем не исключается выявление соотносимости не вообще способов приобретения имущества, а именно наследственного права с наследованием по закону и по завещанию. С другой стороны, нет препятствий к объединению в один раздел кодекса авторского и изобретательского права. Но общие нормы для того и другого создать невозможно²⁰⁶, тогда как разработка общих правил в пределах изобретательского права для изобретений и рационализаторских предложений вполне осуществима. Следовательно, имеется органическая связь между правом на изобретение и на рационализаторское предложение, далеко не исчерпывающаяся простым их соединением в одном и том же разделе кодекса. Эта связь по своей природе аналогична той, которая характеризует единство института и единство отрасли права. Она носит объективный характер и проявляет себя независимо от того, как построен кодекс или иной законодательный акт.

²⁰⁵ Здесь, как и в дальнейшем, имеются в виду не субъективные права, а право в объективном смысле.

²⁰⁶ Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц, Изобретательское право, М., Госюриздат, 1960, с. 16.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.